

Вопросы теории товара и стоимости в капитале К. Маркса

Николай Владимирович Хессин

(Комментарии в помощь изучающим «Капитал»)

Издательство московского университета. 1964

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Московского университета.

Введение. Несколько методических советов приступающему к изучению первого отдела I тома «Капитала»

Гениальный труд К. Маркса «Капитал» посвящён исследованию законов развития капиталистического способа производства. «Предметом моего исследования в настоящей работе, — писал Маркс, — является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена»¹. А конечная цель — «открытие экономического закона движения современного общества»².

Хотя «Капитал» непосредственно раскрывает экономический закон движения капиталистического способа производства, значение этого фундаментальнейшего произведения творческого марксизма значительно шире. Здесь дано во всей полноте марксистское мировоззрение как единство трёх составных его частей: марксистской философии, политической экономии и научного коммунизма. В этом труде обоснован и блестяще применён к исследованию экономических явлений метод диалектического материализма, развиты коренные положения исторического материализма, даны основы теории научного коммунизма. Изучение «Капитала» позволяет глубже понять содержание и внутреннюю связь всех трёх составных частей марксизма-ленинизма. На примере «Капитала» особенно ясным становится смысл и значение революционного переворота в науке, совершенного [3] Марксом, на основе которого была разработана развёрнутая, научно обоснованная программа действия рабочего класса, коммунистических и рабочих партий. Принятие XXII съездом КПСС новой Программы, базирующейся во всех своих звеньях на фундаменте творческого марксизма-ленинизма, наглядное тому подтверждение.

Особое значение имеет изучение «Капитала» для экономистов, так как здесь дан образец исследования экономических законов развития общества. Неразрывное единство теории и практики, достигнутое на базе диалектико-материалистического метода исследования экономических явлений, служит неувядаемым примером подлинно научного подхода, приведшего к открытиям всемирно-исторического значения.

Раскрытие законов развития капитализма Маркс начинает с исследования природы товара. «Капитал» открывается отделом «Товар и деньги», а первая глава этого отдела специально посвящена товару. Товар рассматривается Марксом как «экономическая клеточка» буржуазного общества. Из этой клеточки развивается вся сложная система производственных отношений капитализма. Вместе с тем в этой же клеточке в зародышевой форме даны все противоречия буржуазного общества. Маркс последовательно развёртывает процесс развития внутренних противоречий, заложенных в товаре, показывает их превращение из зародышевой формы в развитую форму глубоких противоречий капиталистического способа производства, а на этой основе делает вывод о неизбежности гибели капитализма на определённом этапе его развития и перехода к более прогрессивному, социалистическому способу производства. Отсюда ясно, что глубокое и правильное усвоение темы «Товар» имеет принципиально важное значение для понимания последующих глав «Капитала», для правильного понимания внутреннего строя капитализма и законов, управляющих его развитием.

Между тем, являясь принципиально важной, основополагающей, глава о товаре написана очень сложно. У изучающих её впервые возникает много трудностей. Сам Маркс в предисловии к первому изданию первого тома «Капитала» указывал, что «наибольшие трудности представляет понимание первой главы, — в особенности [4] того её раздела, который заключает в себе анализ товара»³.

О том, что глава о товаре читается и усваивается с большим трудом, Марксу писали его ближайшие друзья и соратники. Энгельс, ознакомившись с корректурными листами I тома «Капитала», ещё до выхода его в свет, в одном из писем Марксу сообщал:

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 6.

² Там же, стр. 10.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 5.

«Ты совершил большую ошибку, не сделав ход мыслей этого абстрактного исследования более доходчивым при помощи более мелких подразделений и отдельных подзаголовков. Эту часть ты должен был бы дать, по примеру гегелевской Энциклопедии, в виде кратких параграфов, подчёркивая каждый диалектический переход особым заголовком и, по возможности, печатая все экскурсы и примеры особым шрифтом. Это придало бы книге в известной мере вид учебника, но зато существенно облегчило бы её понимание для широкого круга читателей. Публика, даже учёная, теперь уже отвыкла от такого рода мышления, и необходимо предоставить ей всевозможные облегчения»⁴.

В этом же письме Ф. Энгельс замечает: «Ведь филистер не привык к такого рода абстрактному мышлению и, наверное, не станет мучить себя ради формы стоимости»⁵.

В ответном письме Маркс подчеркнул, что его труд рассчитан не только на филистеров, а в первую очередь — на стремящуюся к знаниям молодёжь, а в предисловии к «Капиталу» он выразил эту мысль ещё более определённо, указав, что имеет в виду «читателей, которые желают научиться чему-нибудь новому и, следовательно, желают подумать самостоятельно»⁶. Вместе с тем Маркс очень внимательно отнёсся к критическим замечаниям и конкретным предложениям Энгельса. В письме от 22 июня 1867 г. он сообщал:

«Что касается развития **формы стоимости**, то я и последовал твоему совету и **не** последовал ему, желая и в этом отношении остаться диалектиком. Это значит, во-первых, что я написал **добавление**, в котором изла[# 5]гаю **тот же вопрос** возможно более просто и возможно более по-школьному, и, во-вторых, что я по твоему совету выделил каждое положение, представляющее собой дальнейшее развитие, **в параграф с собственным подзаголовком**»⁷.

«Добавление», о котором пишет Маркс, и которое должно было излагать вопрос о формах стоимости «возможно более по-школьному», было дано в первом издании I тома в качестве приложения. Однако при повторном издании Маркс от него отказался. В послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала» он писал: «Раздел 3 первой главы («Форма стоимости») полностью переработан: это было необходимо уже вследствие того, что в первом издании изложение давалось дважды»⁸. Замечание Энгельса о необходимости введения подзаголовков было Марксом принято. Первоначально Маркс предполагал дать значительно больше подзаголовков, чем вошло в напечатанный текст «Капитала». В письме к Энгельсу от 27 июня 1867 г. в виде приложения Маркс дал развёрнутую структуру параграфа о формах стоимости, значительно облегчающую восприятие хода его мыслей и содержания основных положений. Сравнив приложение к письму с напечатанным текстом «Капитала», читатель легко увидит их сходство и различия. Наименования подзаголовков, даваемые Марксом в приложении к письму, обращают внимание на наиболее важные переходы мыслей, вносят чёткость и стройность в изложение существа проблемы.

При доработках «Капитала» в связи с новыми изданиями Маркс обращал внимание на улучшение изложения главы о товаре, стараясь сделать её более доходчивой. Однако и после всех доработок глава осталась трудной для усвоения не из-за особенностей литературного стиля Маркса, а из-за сложности самого предмета изучения и тех глубоких диалектических связей, которые характеризуют товар как «экономическую клеточку» буржуазного общества.

В предисловии к первому тому «Капитала» Маркс указывал, что для непосвящённого человека анализ товара может показаться «рядом хитросплетений и мело[# 6]чей». Предвидя подобные впечатления, Маркс счёл нужным подчеркнуть: «И это действительно мелочи, но мелочи такого рода, с какими имеет дело, например, микроанатомия»⁹.

Читатель, приступающий к изучению главы о товаре, должен с самого начала настроить себя на кропотливую, трудоёмкую работу, требующую усидчивости, внимания и глубоких размышлений. Тот, кто захочет усвоить всё богатство идей, развитых в этой главе, с первого раза, с первой попытки, заранее обречён на неудачу. В лучшем случае он приобретёт самые поверхностные представления о товаре. Между тем задача состоит в том, чтобы глубоко понять именно те «мелочи» микроскопического характера, которые дают ключ к пониманию анатомии и физиологии буржуазного общества. Если многое с первого раза окажется непонятным, нужно продолжить изучение, вернуться к прочитанному снова, пока содержание его не станет вполне ясным.

Практика показывает, что ряд положений, развиваемых Марксом в главе о товаре, не вызывает особых трудностей. Так, например, сравнительно легко усваивается положение, что всякий товар обладает двумя свойствами — потребительной стоимостью и стоимостью. Легко усваивается положение о том, что именно труд делает товары соизмеримыми, образует содержание стоимости и определяет её величину. Но как только дело доходит до выяснения природы того труда, который создаёт товар, начинаются трудности. Учение Маркса о двойственном характере труда, создающего товар, после первых занятий усваивается поверхностно. А подобное усвоение природы труда

⁴ К. Маркс, Ф. Энгельс. Письма о «Капитале». Огиз, М., 1948. стр. 113–114.

⁵ Там же, стр. 113.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 6.

⁷ К. Маркс, Ф. Энгельс. Письма о «Капитале», стр. 115.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 12.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 6.

неизбежно влечёт за собой неправильное представление о формах стоимости, что в свою очередь приводит к примитивному пониманию вопроса о товарном фетишизме. Особые трудности вызывает усвоение положений Маркса о том, что товар, стоимость, абстрактный труд выражают собой определённые производственные отношения. И, наконец, весьма упрощённо воспринимаются читателем внутренние противоречия товара и их развитие. Между тем именно в трудно усваиваемых положениях состоит то новое, что внёс К. Маркс в теорию товара и что коренным образом отличает его теорию от теорий буржуазных экономистов. Поверхностное понимание этих вопросов не даёт возможности глубоко усвоить другие проблемы, разрешённые К. Марксом в «Капитале». Поэтому настоящее пособие ставит своей задачей обратить внимание именно на эти, наиболее трудные вопросы.

При изучении темы «Товар» необходимо иметь в виду, что свою новую трактовку товара Маркс развёртывает не только в «Капитале». Огромную ценность представляет его работа «К критике политической экономии». Ряд положений, которые в «Капитале» даны в сжатой форме, здесь более развёрнуты. При этом следует иметь в виду, что в «Капитале» содержится и ряд новых моментов, которых не было в работе «К критике политической экономии». «Многие пункты, — писал Маркс, — которые там были едва намечены, получили здесь дальнейшее развитие, поскольку это допускал предмет исследования, и наоборот, положения, обстоятельно разработанные там, лишь вкратце намечены здесь»¹⁰. Изучение работы «К критике политической экономии», сравнение её с «Капиталом» поможет читателю глубже усвоить наиболее трудные вопросы.

Очень важными для понимания марксовского учения о товаре являются «Замечания на книгу А. Вагнера»¹¹, которые написаны Марксом после того, как вышел в свет I том «Капитала» и появились первые критические отзывы буржуазных экономистов. Отвечая критикам, Маркс снова возвращается к своему пониманию природы товара, усиливает и дополняет аргументацию по некоторым пунктам, подробнее знакомит с методологией своего исследования.

Исключительную ценность для понимания Марксовой теории товара и денег имеют «Теории прибавочной стоимости», особенно те главы и параграфы, в которых даётся оценка теорий стоимости предшественников Маркса, особенно Смита, Рикардо и Бейли¹².

«Письма о «Капитале» Маркса и Энгельса содержат много важных замечаний о теории стоимости Маркса [№ 8] и её значении. Особенно ценно письмо Маркса к Кугельману от 11 июля 1868 г.¹³ Характеризуя его значение, В. И. Ленин писал: «Маркс показывает здесь, каким путём он шёл и каким путём надо идти к объяснению закона стоимости. Он учит на примере самых обыденных возражений своему *методу*... Остаётся пожелать, чтобы всякий, начинающий изучать Маркса и читать «Капитал», читал и перечитывал названное нами письмо вместе с штудированием первых и наиболее трудных глав «Капитала»¹⁴.

При изучении отдела «Товар и деньги» неоценимую помощь могут оказать работы В. И. Ленина, особенно «Развитие капитализма в России»¹⁵. Здесь В. И. Ленин на конкретных фактах русской действительности показывает процесс превращения натурального хозяйства в товарное, раскрывает закономерности развития товарного производства и его превращения в капиталистическое производство.

Значительно облегчит усвоение идей «Капитала» работа Энгельса «Закон стоимости и норма прибыли»¹⁶, а также его рецензии на книгу Маркса «К критике политической экономии»¹⁷.

Настоящее пособие рассчитано на лиц, уже изучавших общий курс политической экономии капитализма и имеющих определённый круг знаний в области рассматриваемых вопросов.

Работа не претендует на освещение всего круга вопросов, связанных с теорией товара и стоимости К. Маркса. Автор ограничивается в основном проблематикой первого отдела I тома «Капитала», где Марксом решается вопрос о природе товара и стоимости в рамках простого товарного производства.

При комментировании центральных положений автор опирается не только на текст «Капитала», но и на другие работы К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, в которых освещается вопрос о природе товара и стоимости в пределах простого товарного производства. [№ 9]

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 5.

¹¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 369–399.

¹² См. К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, чч. II, III. Госполитиздат, М., 1957.

¹³ См. К. Маркс, Ф. Энгельс. Письма о «Капитале», стр. 159–161.

¹⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 84.

¹⁵ См. В. И. Ленин. Соч., т. 3.

¹⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 463–483.

¹⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 489–499.

Глава I. Почему исследование капитализма К. Маркс начинает с анализа товара?

§ 1. Товар — экономическая клеточка буржуазного общества

«Капитал» Маркса открывается главой о товаре. Такое начало исследования вызывается той особой ролью, какую играет товарная форма продуктов труда в системе производственных отношений капиталистического способа производства. По характеристике Маркса «товарная форма продукта труда, или форма стоимости товара, есть форма экономической клеточки буржуазного общества»¹⁸.

Чтобы глубже разобраться в этом вопросе, необходимо сначала более обстоятельно рассмотреть вопрос о том, что следует понимать под «экономической клеточкой», и на этой основе решить, почему именно товарная форма продуктов труда в условиях капитализма играет роль экономической клеточки.

Понятие «экономической клеточки». Термин «экономическая клеточка» впервые введён в политическую экономию К. Марксом, поддержан Ф. Энгельсом и развит В. И. Лениным.

Хотя сам Маркс использовал этот термин для характеристики особой экономической роли товара в системе производственных отношений капитализма, его значение далеко выходит за рамки только капиталистического способа производства. В. И. Ленин указывал, что начало исследования с экономической клеточки применимо не только к капитализму, но и ко всем общественно-экономическим формациям. Отметив, что Маркс в «Ка[п]итале» начинает с «клеточки» и из неё развёртывает всю совокупность отношений и противоречий буржуазного общества, В. И. Ленин делает следующий, принципиально важный вывод: «Таков же должен быть метод изложения (геср. изучения) диалектики вообще (ибо диалектика буржуазного общества... есть лишь частный случай диалектики)»¹⁹.

В период культа личности Сталина понятие «экономической клеточки» было предано забвению. Оно исчезло из экономических и философских словарей. Нет его и в таком серьёзном издании, как Большая советская энциклопедия. В популярных изложениях термин «экономическая клеточка» употреблялся только применительно к капитализму. При этом он рассматривался как художественный образ, фигуральное выражение, используемое в политической экономии для доходчивости и наглядности изложения.

Между тем введённое Марксом в научный обиход понятие «экономической клеточки» имеет глубочайший самостоятельный смысл. Оно неразрывно связано с диалектико-материалистическим методом исследования тех или иных систем производственных отношений и играет весьма важную роль в процессе познания экономических явлений.

Понятие «экономической клеточки» получено марксизмом не на основе простой аналогии с биологической клеточкой. Оно выработано на основе научного обобщения огромного количества реальных фактов экономической действительности. Это не простая логическая конструкция, сложившаяся в голове исследователя и применяемая лишь для удобств или доходчивости изложения, а научный термин для обозначения совершенно объективных, независимых от воли и сознания людей, реально существующих экономических связей и отношений.

Сам по себе термин «клеточка» взят из биологии. Но Маркс говорит не просто о «клеточке», а об «экономической клеточке». Этим подчёркивается, с одной стороны, единство общих законов развития природы и общества, а с другой — принципиальные различия между ними.

Биология имеет дело с живыми и растительными [# 11] организмами. Политэкономия изучает область производственных отношений между людьми. Предмет её изучения — общественные организмы, различные способы производства и соответствующие им системы производственных отношений. Отсюда ясно, что применяемый в политэкономии термин «экономическая клеточка» не тождествен биологической клеточке. Однако отсюда не следует, что между ними в общеполитическом плане нет ничего общего. Развитие от простейших форм к всё более сложным — не есть особенность только биологических процессов. Это общая закономерность развития явлений природы и общества.

Исследуя конкретно-исторический процесс развития человеческого общества, Маркс установил, что каждая общественно-экономическая формация представляет собой сложный общественный организм, развивающийся по своим, только ей присущим законам. При этом было доказано, что не все черты данной формации возникают одновременно. Сначала развиваются простейшие экономические формы, а на их основе — всё более сложные. Чтобы понять закономерности становления и развития данной системы отношений, необходимо в первую очередь выделить то простейшее экономическое отношение, с которого началось развитие данного способа производства.

Экономическая клеточка — это простейшая экономическая форма, содержащая в зародыше все основные черты и противоречия данного способа производства. Из неё развивается вся многообразная система производственных отношений. Она играет роль: 1) исходного пункта в развитии данного способа производства, 2) основы, из которой

¹⁸К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23. стр. 6.

¹⁹В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 359.

развиваются, и на которой покоятся все остальные, более сложные виды отношений, 3) постоянно воспроизводимого результата, следствия развития данной системы отношений, 4) всеобщей формы отношений между людьми в данном обществе.

Для более глубокого усвоения общеполитического и политико-экономического содержания «экономической клеточки» необходимо прежде всего установить, что следует понимать под «простейшей формой». В разговорном обиходе «простейшим» называют нечто маленькое, примитивное, обладающее небольшим количеством признаков и состоящее из одного, двух или нескольких элемен[12]тов. Подобное представление о простейшем не всегда оправдано даже применительно к биологическим процессам. Куриное яйцо, например, это простейшая форма, одна из форм биологической клеточки. Но можно ли сказать, что оно состоит из одного или нескольких элементов? Нет. Куриное яйцо представляет собой сложное биологическое образование со множеством взаимодействующих элементов. В биологии мы найдём немало примеров, когда клеточка у того или иного организма насчитывает сотни и даже тысячи внутренне связанных элементов. Поэтому считать главным признаком «простейшей формы» незначительность составляющих её элементов было бы неправильным.

В общеполитическом плане главным критерием «простейшего» служит не количество составляющих его элементов, а особое качественное содержание. Простейшим может оказаться как предмет, состоящий из одного или двух элементов, так и предмет, складывающийся из сотни и тысячи элементов. Всё зависит от той качественной роли, какую играет простейшая форма во всем сложном организме.

Простейшая форма — это нечто неразделимое, нерасчленимое без ликвидации специфики данного предмета или явления. Куриное яйцо, например, является простейшей формой по сравнению с развившимся из неё живым организмом. Но не потому, что оно само по себе просто, состоит из одного или двух элементов, а потому, что его нельзя расчленивать дальше, ибо оно перестанет быть формой бытия живого организма. Если его расчленивать на желток, белок и т. д., то из него вообще ничего не разовьётся. Поэтому под «клеточкой» понимается предельная совокупность элементов, которая не может быть расчленена без утраты специфики изучаемого живого организма.

В политэкономии под «простейшей экономической формой» понимается такое экономическое отношение, которое не может быть расчленено без утраты специфики изучаемого способа производства.

В популярных изложениях иногда можно встретить утверждения будто под экономической клеточкой понимаются отношения двух или нескольких лиц. Некоторые авторы называют экономической клеточкой отдельное предприятие. Подобный подход неправилен. [13]

Одна из крупнейших научных заслуг К. Маркса состоит в том, что он навсегда развенчал методологический приём буржуазных экономистов рассматривать экономические процессы с позиций отдельных частных лиц или предприятий. В качестве предмета исследования он взял общественное производство в целом, а не производство изолированных робинзонов, и не производство вообще, а определённые исторические типы общественного производства. Отсюда следует, что в качестве простейшей экономической формы с самого начала должна браться такая экономическая форма, которая связывает не двух или нескольких лиц, а всех участников общественного производства. Экономическая клеточка — это не форма отношения двух лиц, а простейшая форма, при которой становится возможным функционирование всего общественного производства.

Всякое общественное производство предполагает в качестве исходного пункта своего развития соединение трёх простейших элементов процесса труда — средств труда, предмета труда и самого труда. Если эти элементы брать изолированно один от другого, то не будет живого, действующего производства. Отсюда следует, что в качестве экономической клеточки можно взять только такую экономическую форму, посредством которой достигается соединение всех простейших элементов и производительные силы общества приводятся в движение.

Характер соединения простейших элементов зависит от того, в чьих руках они находятся, и прежде всего, чью собственность составляют средства производства. Этим определяется специфика того или иного способа производства. Отсюда следует, что в качестве экономической клеточки может быть взята такая экономическая форма, которая не только обеспечивает соединение всех простейших элементов процесса труда, но и характеризует историческую специфику этого соединения.

Чтобы общественное производство могло нормально функционировать и развиваться, между его разнообразными отраслями должна быть достигнута та или иная пропорциональность. В противном случае общественное производство развалится, перестанет быть действующим. Отсюда следует, что в качестве экономической клеточки должна быть взята такая экономическая форма, которая [14] устанавливает связь между всеми звеньями общественного производства и регулирует развитие как всего производства, так и каждой из его частей. При этом данная экономическая форма должна выражать специфику осуществления этого процесса.

У К. Маркса в «Капитале» товарное отношение выступает в качестве такой экономической формы, которая обеспечивает соединение простейших элементов процесса труда, характеризует специфику этого соединения, устанавливает связь между всеми звеньями общественного производства и регулирует его развитие. Это первая, исходная

и в то же время простейшая экономическая форма, с которой начинается становление и развитие буржуазного способа производства. Она не может быть расчленена без ликвидации самого буржуазного способа производства.

Товарная форма продуктов труда — экономическая клеточка капитализма. Применительно к капитализму простейшим экономическим отношением, «экономической клеточкой» Маркс называет «товарную форму продукта труда, или форму стоимости товара»²⁰.

Обратим прежде всего внимание на тот факт, что «экономической клеточкой» Маркс называет не просто товар, а «товарную форму продуктов труда». Такое определение не случайно. При капитализме товарами являются не только продукты труда, но и рабочая сила человека. В развитом капиталистическом обществе объекты купли-продажи могут быть самыми разнообразными. Ссудный капиталист продаёт право пользования своим денежным капиталом. Ссудный капитал по форме выступает как своеобразный товар, имеющий цену в виде процента. Земельный собственник продаёт не только землю, но и право пользования землёй, взимая за это определённую сумму денег в форме земельной ренты. Продаются акции, облигации и другие ценные бумаги. Товарную форму приобретают и вещи, не являющиеся продуктами труда, например, земля. Объектом купли-продажи становятся даже услуги, ум, совесть и честь человека. При капитализме все отношения между [# 15] людьми по своей форме выступают как товарные отношения.

Во всей совокупности этих разнообразных товарных отношений исходным, первичным является товарная форма продуктов труда. Исторически превращение продуктов труда в товары предшествует превращению в товар рабочей силы и развитию всех остальных видов товарных отношений. Чтобы понять природу всех остальных видов товарных отношений, необходимо прежде всего исследовать исходный, первичный вид товарного отношения — товарную форму продуктов труда. Познав природу этого отношения, можно понять, почему это отношение, в силу присущих ему противоречий, требует перехода к более сложным отношениям. Из внутренних противоречий товарной формы продуктов труда Маркс выводит необходимость появления более сложного товара — денег. По мере развития товара рабочая сила происходит превращение денег в капитал и развитие всех последующих экономических категорий капитализма.

Товарная форма продуктов труда возникла задолго до капитализма — ещё при разложении первобытнообщинного строя. Она существовала и развивалась при рабстве и феодализме. Но в докапиталистических формациях не играла роли экономической клеточки. Во-первых, производство товаров было ограниченным, ибо господствовало натуральное хозяйство и только часть продуктов труда принимала товарную форму. Во-вторых, по своему внутреннему строю докапиталистические способы производства не требовали превращения продуктов труда в товары и могли существовать независимо от того, есть товарное производство или нет. Чтобы, например, возникли и развивались рабовладельческие или феодальные отношения, не было необходимости в существовании товарного производства. В-третьих, в докапиталистических формациях товарная форма продуктов труда была своеобразным «чужеродным» телом, которое разлагало эти способы производства, а не содействовало их укреплению и развитию. Только при капитализме товарная форма продуктов труда становится «экономической клеточкой», его внутренне необходимой чертой, без которой возникновение и развитие капитализма вообще немыслимо. [# 16]

Исторически капитализм возникает только там и тогда, где имеет место более или менее развитое товарное производство и обращение. Капитализм развивает товарное производство дальше и превращает его из подчинённой формы в господствующую, из единичной во всеобщую. Товарами становятся не только продукты труда, но и рабочая сила.

Если первоначально товарная форма продуктов труда выступала в качестве необходимой исторической предпосылки для возникновения капитализма, то теперь она становится постоянно воспроизводящимся результатом, следствием развития самого капитализма.

Товарная форма продуктов труда при капитализме становится объективно необходимой формой существования капитала и прибавочной стоимости.

Капитал является основным производственным отношением капиталистического способа производства. Но это основное отношение не может существовать и развиваться вне товарной формы продуктов труда. Первой формой, в которой прибавочная стоимость появляется на свет, является товарная форма. Чтобы произвести и реализовать прибавочную стоимость, капиталист должен произвести и реализовать определённое количество товаров.

Рост капитала означает в то же время развитие товарной формы продуктов труда. Если первоначально товарная форма продуктов труда являлась лишь предварительным условием для возникновения капитала, то теперь она становится одной из форм существования самого капитала. Сам капитал постоянно воспроизводит свою клеточку — товарную форму продуктов труда.

Это важное обстоятельство не всегда достаточно чётко подчёркивалось в популярных изложениях. Нередко главный акцент делался на том, что товарная форма продуктов труда есть исторический предшественник капитала,

²⁰К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 6.

но слабо отмечался тот факт, что товарная форма продуктов труда есть форма бытия самого капитала, является не только предпосылкой капитала, но и результатом его развития, постоянно воспроизводящейся его клеточкой. Если бы товарная форма продуктов труда не воспроизводилась всем ходом развития капиталистического способа производства, она не могла [17] бы рассматриваться и в качестве «экономической клеточки».

Поскольку капитал постоянно воспроизводит товарную форму продуктов труда в расширяющихся масштабах, он тем самым воспроизводит и ту исходную основу, которая требует сохранения и развития всех покоящихся на ней форм — денег, капитала, прибавочной стоимости и т. д. Если предположить, что капитализм перестает производить товары, то это значило бы, что исчезла основа для существования всех экономических категорий капитализма — капитала, прибыли, ренты, банков, кредита и т. д.

Овеществление производственных отношений — специфика капитализма. Политическая экономия занимается не изучением вещей, а изучением отношений между людьми, складывающихся в процессе производства. Как же примирить эти положения с тем фактом, что Маркс начинает изучение производственных отношений капитализма с исследования природы вещи-товара? Не отходим ли мы от правильного понимания предмета политической экономии?

В действительности никакого отклонения нет. Начиная исследование капитализма с изучения природы товара, мы поступаем единственно правильным образом, так как сразу же обращаем внимание на специфическую форму отношений между людьми в капиталистическом обществе, отличающую их от других форм производственных отношений.

Для всех предшествующих капитализму способов производства типично то, что производственные отношения между людьми выступали как непосредственные, прямые, личные отношения. Они могли быть отношениями сотрудничества и взаимопомощи, как это имело место при первобытнообщинном строе, или отношениями личной зависимости, господства и подчинения, как это имело место при рабстве и феодализме. Общим являлось то, что производственные отношения по форме и содержанию выступали как прямые непосредственные отношения.

Чтобы понять характер производственных отношений между людьми в докапиталистических формациях, нет необходимости прибегать к анализу природы вещей. Иное дело при капитализме. Хотя по содержанию производственные отношения и здесь представляют собой отношения людей друг к другу в процессе производства, форма выражения этих отношений отлична от отношений предшествующих способов производства. По внешнему виду производственные отношения не выступают здесь ни как отношения сотрудничества и взаимопомощи, ни как отношения личной зависимости и голого принуждения. Формально-юридически при капитализме все свободны, самостоятельны и независимы друг от друга. Здесь провозглашена свобода деятельности для всех членов общества. Каждый имеет право выбирать вид деятельности по собственному желанию. Никто не имеет права принуждать другого человека к труду на себя, или заниматься именно таким видом деятельности, а не другим.

Однако экономически все люди связаны друг с другом и вынуждены подчиняться объективным экономическим законам, независящим от их воли.

При капитализме, основанном на частной собственности, общественное производство складывается из совокупности частных обособленных хозяйств, связанных друг с другом системой общественного разделения труда. Каждое из них не производит всей совокупности продуктов, необходимых для продолжения процесса производства, а специализируется на изготовлении каких-то отдельных видов продуктов. Между тем для продолжения процесса воспроизводства каждый из обособленных производителей нуждается в самых разнообразных средствах производства и предметах потребления, которых сам не производит. Если он их не получит, процесс производства будет нарушен, соединение простейших элементов процесса труда, средств производства с рабочей силой станет невозможным. Отчуждение своего продукта является необходимым условием для приобретения продуктов труда других производителей. Обмен товарами является тем первичным отношением, которое связывает всех частных обособленных производителей в единое целое — в систему общественного производства. Исследование законов, управляющих производством и обменом товарами, является поэтому исследованием исходной экономической связи между людьми в буржуазном обществе.

Для того чтобы все частные производители могли [19] приобрести нужные им продукты, необходима пропорциональность между различными отраслями производства. Но как может быть достигнута пропорциональность, если плановое начало отсутствует и каждый производит на собственный страх и риск без знания действительных потребностей общества?

Каждый частный товаропроизводитель руководствуется в своей деятельности показаниями рынка, специализируется на производстве таких товаров, на которые в данный момент большой спрос и высокие цены, старается сократить или приостановить производство таких товаров, которые продаются по низким ценам ввиду слабого спроса. Цены товаров на рынке определяют выбор специализации тем или иным товаропроизводителем. Через цены товаропроизводители получают сигнал о том, в каких видах продуктов в данный момент нуждается общество, а какие виды произведены в избытке. Движение цен товаров на рынке вызывает переливы труда и средств производства

из одной отрасли в другую в соответствии, с общественными потребностями. Здесь не люди, не плановые органы указывают, кто и чем должен заниматься, а сами продукты труда — товары через их цены. Товарное отношение — это такое первичное, исходное отношение, которое не только связывает частных обособленных производителей в единую систему общественного производства, но и регулирует развитие всех отраслей этого производства. Поэтому исследование природы товара и законов, управляющих производством и обменом товарами, позволяет понять тот внутренний механизм, который обеспечивает установление той или иной пропорциональности в бесплановом, стихийном и анархично развивающемся обществе.

Колебания цен товаров на рынке так или иначе отражаются на судьбе всех частных товаропроизводителей. При одних ценах получают дополнительные выгоды, при других — убытки. Движение товаров на рынке определяет не только специализацию производителей, но и уровень их жизни. Анализ товарного отношения в буржуазном обществе даёт ключ к пониманию причин неизбежного обогащения одних и разорения других. В товарном хозяйстве не люди господствуют над вещами, а вещи господствуют над людьми, происходит овеществление производственных отношений. Причины это[20]го явления будут рассмотрены в главе о товарном фетишизме. Сейчас же важно подчеркнуть, что товарная форма отношений — специфическая и всеобщая форма производственных отношений между людьми в капиталистическом обществе. Нельзя понять природы производственных отношений капитализма без анализа природы вещи-товара. Анализируя природу вещей, мы тем самым анализируем овеществлённое в них производственное отношение.

В рецензии на книгу Маркса «К критике политической экономии» Ф. Энгельс писал по этому поводу: «Политическая экономия имеет дело не с вещами, а с отношениями между людьми и в конечном счёте между классами, но эти отношения всегда *связаны с вещами и проявляются как вещи*. Эта связь, о которой в отдельных случаях лишь догадывался тот или другой экономист, впервые была раскрыта Марксом во всем её значении для всей политической экономии, и благодаря этому труднейшие вопросы он сделал такими простыми и ясными, что понять их смогут теперь даже буржуазные экономисты»²¹.

§ 2. Простое товарное производство — исходная теоретическая абстракция при исследовании капитализма

Понятие простого товарного производства. Когда классики марксизма-ленинизма давали краткую характеристику капитализма как исторически определённого способа производства, они обычно указывали на три его наиболее существенные черты.

Во-первых, капитализм есть товарное производство, ставшее всеобщей формой производства. Во-вторых, капитализм — это товарное производство на том этапе развития, когда товарами становятся не только продукты труда, но и рабочая сила человека. В-третьих, капитализм — это способ производства, целью и движущим мотивом которого является производство и присвоение прибавочной стоимости на основе эксплуатации наёмного труда.

Логическое исследование капитализма развёртывается Марксом в такой же последовательности. Сначала капитализм анализируется как форма общественного производства, при которой все продукты труда становятся товарами. Затем в процесс исследования включается анализ рабочей силы как товара.

На этой основе развёртывается учение о прибавочной стоимости как краеугольном камне всей политической экономии капитализма.

На первой ступени исследования капитализма главным объектом изучения является товар как исходная, первичная и всеобщая форма связи между людьми в капиталистическом обществе.

В реальной капиталистической действительности производством товаров занимаются различные социальные группы. Основная масса товаров производится на предприятиях, являющихся частной собственностью отдельных капиталистов или союзов капиталистов. Часть товаров производится мелкими товаропроизводителями города и деревни, которые, как правило, применяют в процессе производства свой личный труд, но не эксплуатируют чужого труда. Вполне понятно, что товар, произведённый личным трудом мелких товаропроизводителей и товар, произведённый на основе эксплуатации наёмного труда, не тождественны друг другу. В первом случае товары выступают как продукты труда, во втором — как продукты капитала. В качестве продуктов капитала товары обладают рядом специфических черт, которых ещё нет в товарах как простых продуктах труда. Однако наличие различий не устраняет целого ряда общих черт между товарами как продуктами труда и товарами как продуктами капитала. Выявление этих общих черт и является главной задачей на первом этапе исследования природы товара.

При исследовании природы товара нужно временно отвлечься, абстрагироваться от всех усложняющих обстоятельств и исследовать товар при наиболее простых предпосылках. Из всей совокупности производственных отношений капитализма необходимо выделить только ту их сторону, которая прямо и непосредственно ведёт к превращению продуктов труда в товары. Все остальные стороны отношений капитализма, которые ведут к возникновению более сложных видов товарных отношений, на первом этапе не являются предметом рассмотрения. [21]

²¹К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 498.

В частности, мы отвлекаемся от того, что при капитализме товарами являются не только продукты труда, но и рабочая сила человека.

Под простым товарным производством понимается теоретическая абстракция, в которой выражены реальные стороны производственных отношений, порождающие товарную форму продуктов труда. Коренными чертами простого товарного производства являются: общественное разделение труда и частное обособленное производство. Там, где налицо эти общественные условия, продукты труда неизбежно превращаются в товары. В развёрнутом виде простое товарное производство можно охарактеризовать следующим образом.

Общество состоит только из одной социальной группы — частных обособленных производителей, связанных друг с другом системой общественного разделения труда. Каждый из них является собственником средств производства и производимых продуктов, специализируется на производстве какого-то одного или нескольких видов продуктов, но не производит всей их совокупности, необходимой для удовлетворения личных и производственных потребностей. Недостающие виды продуктов приобретаются у других частных производителей в обмен на собственные продукты. Натуральные формы хозяйства отсутствуют. Предполагается далее, что в обществе простых товаропроизводителей ещё отсутствует эксплуатация человека человеком. Ликвидированы все формы личной зависимости. Каждый из частных производителей юридически самостоятелен, хозяйственно автономен, свободен в выборе деятельности, рода занятий, объёма производства и т. д. Одно лицо не имеет права силой взять у другого необходимые продукты. Это достигается только путём обмена, на основе взаимного договора.

Соотношение простого и мелкого товарного производства. Историческим прообразом простого товарного производства является мелкое товарное производство ремесленников и крестьян, существовавшее в докапиталистических формациях и сохраняющееся в качестве одного из укладов в буржуазном обществе. Для мелкого товарного производства типичны черты, выраженные в абстракции простого товарного производства. Однако полное отождествление простого [23] товарного производства с мелким товарным производством было бы неправильным. В абстракции простого товарного производства мы отвлекаемся от целого ряда черт мелкого товарного производства, подобно тому как отвлекаемся и от целого ряда черт капитализма.

Известно, например, что при мелком товарном производстве, как правило, ещё сохраняются натуральные формы хозяйства. Крестьянин или ремесленник часть продуктов собственного производства выбрасывает на рынок, а часть оставляет в собственном хозяйстве. Товарное производство ещё не носит всеобщего характера. Между тем в абстракции простого товарного производства предполагается, что все простые товаропроизводители производят только для рынка, а не для личного потребления и их судьба всецело зависит от судьбы их товаров на рынке. Подобное теоретическое допущение необходимо для выяснения природы товара и законов, управляющих его производством и обменом, в наиболее чистом, не осложнённом виде. Если бы мы предположили, что мелкий товаропроизводитель часть продуктов даёт на рынок, а часть оставляет у себя, — это осложнило бы исследование.

Известно также, что в конкретно-исторической действительности мелкое товарное производство хотя и основывается, как правило, на личном труде производителей, не исключает эксплуатации человека человеком. Среди мелких товаропроизводителей существуют богатые хозяйчики, середняки, бедняки. Зажиточная верхушка, как правило, использует в производстве не только труд членов своей семьи, но и нанимает батраков из числа нищающих мелких производителей. В. И. Ленин на анализе богатейших фактов русской действительности ярко доказал зарождение эксплуатации человека человеком в мелком товарном производстве. Между тем в абстракции простого товарного производства мы предполагаем отсутствие эксплуатации человека человеком.

В абстракции простого товарного производства предполагается, далее, что все простые товаропроизводители обладают экономической и юридической самостоятельностью. Подобное допущение относится не ко всякому мелкому товарному производству. Если мы возьмём мелкое товарное производство, которое существовало в рамках феодализма, то увидим, что черты простого товарного производства ещё не получили там должного развития. Крестьянин, например, не может распоряжаться всем продуктом, который он производит. Часть его он безвозмездно должен отдать феодалу. Здесь ещё сохраняется переход части продуктов из рук в руки не на основе обмена, а на базе внеэкономического принуждения, безвозмездно, даром. Крестьянин не всегда имеет возможность продать произведённый товар там, где захочет, ибо всегда требуется разрешение феодала на выезд. Крестьянин не всегда свободен и в выборе специализации, ибо многое зависит от тех приказаний, которые даются феодалами через их управляющих.

Право частной собственности здесь ещё не обеспечено. Сохраняется право сильного и прямой грабёж. По мере развития товарного производства мелкие товаропроизводители всё более и более чувствуют гнёт феодальных отношений, выступают против феодализма. Лишь с ликвидацией феодализма в буржуазном обществе провозглашается свобода личности, свобода деятельности, неприкосновенность частной собственности — условия, соответствующие внутренним законам развития товарного производства.

Простое товарное производство как выражение реальной стороны производственных отношений капита-

лизм. Абстракцию простого товарного производства нельзя рассматривать только как нечто предшествующее капитализму, но не составляющее реальной стороны отношений самого капитализма. Простое товарное производство — это не только предшественник капитализма, но и его основа. Уяснение этого вопроса имеет важное значение.

Предметом исследования в «Капитале», как известно, является капиталистический способ производства. При этом капитализм изучается Марксом в чистом виде, то есть предполагается, что капиталистическое общество состоит только из двух классов — капиталистов и наёмных рабочих. Маркс абстрагируется от мелкого товарного производства и докапиталистических форм отношений. В «чистом» капитализме существуют три ряда отношений: отношения между капиталистами и наёмными рабочими; отношения между капиталистами; отношения внутри рабочего класса. Выражает ли абстракция простого товарного производства какую-то реальную сторону названных производственных отношений капитализма или она целиком и полностью применима только к мелкому товарному производству?

Чистый капитализм, так же как и мелкое товарное производство, базируется на частной собственности и общественном разделении труда. Если мы рассмотрим характер отношений между капиталистами как частными собственниками, связанными друг с другом системой общественного разделения труда, то увидим, что они имеют много общих черт с теми отношениями, которые существуют между мелкими товаропроизводителями. Капиталисты тоже выступают как собственники средств производства и производимых продуктов, обладают экономической и юридической самостоятельностью, связываются друг с другом посредством обмена товаром. В отношениях между капиталистами отсутствуют голое насилие, принуждение, эксплуатация. Если временно абстрагироваться от той коренной особенности капитализма, что он основывается на эксплуатации наёмного труда и рассмотреть те отношения, которые складываются между капиталистами как товаровладельцами, то мы увидим и в чистом капитализме те же черты, которые типичны и для простого товарного производства. Абстракция простого товарного производства выражает, следовательно, не только то, что типично для предшествующего капитализму мелкого товарного производства, но и то, что типично для чистого капитализма. Она выражает реальные стороны реальных отношений капитализма. Поэтому исследование законов простого товарного производства даёт ключ к пониманию не только мелкого товарного производства, но и закономерностей развития капиталистического способа производства. Абстракция простого товарного производства не охватывает всех сторон производственных отношений капитализма и поэтому исследование простого товарного производства ещё не раскрывает всех специфических черт капиталистического производства, но в этой абстракции выражено исходное, первичное отношение капитализма.

При простом товарном производстве товарами являются только продукты труда, а при капитализме товарами становятся не только продукты труда, но и рабочая сила человека. [# 26]

Это коренное различие не должно заслонять того факта, что простое товарное производство однотипно в своей основе с капиталистическим производством, содержит в себе ряд черт, общих с капиталистической формой товарного производства, ибо и то и другое базируется на общественном разделении труда и частном обособленном производстве, превращении продуктов труда в товары.

Теоретическая абстракция простого товарного производства глубоко исторична. Она позволяет вскрыть законы развития как предшествующего капитализму мелкого товарного производства, так и самого капиталистического способа производства. Изучая простое товарное производство, мы тем самым приступаем и к исследованию капитализма. Теория капитализма начинается с тех же предпосылок, с которых начинается его действительная история.

Значение абстракции простого товарного производства при изучении системы производственных отношений капитализма. Чтобы глубже уяснить значение теоретической абстракции простого товарного производства, обратим внимание ещё на одну сторону вопроса.

Известно, что буржуазные революции совершались во всех странах под весьма заманчивыми лозунгами «свободы», «равенства», «частной собственности». Буржуазные идеологи утверждали, что если в обществе будет установлена свобода личности, выбора деятельности, обеспечена неприкосновенность частной собственности, то люди достигнут наиболее идеального и совершенного типа общественного строя. Все станут равноправными. Каждый будет действовать в соответствии со своими способностями. Свободная конкуренция заставит всех людей совершенствоваться, побуждать их к развитию предприимчивости, хозяйственной деловитости, смекалки и т. д. Поскольку всё будет происходить на основе взаимного договора, согласия и всякие формы личного принуждения устраняются, то автоматически исчезнет и эксплуатация человека человеком, ибо ни один человек добровольно не согласится надеть на себя ярмо эксплуатации.

Пока буржуазное общество в своём развитии находилось на первых этапах и его внутренние противоречия [# 27]ещё не обнажились, подобные теоретические предположения могли казаться реальными, осуществимыми.

Если мы вспомним, в каком виде выступало буржуазное общество на первых этапах развития, то увидим, что имелись известные основания для подобной идеализации буржуазного строя. Например, в результате французской буржуазной революции основную массу французского общества составили многомиллионные массы мел-

ких товаропроизводителей города и деревни, которые, как правило, никого не эксплуатировали, а осуществляли процесс производства своим личным трудом. Класс капиталистов составлял сравнительно незначительную часть населения. При этом масса товаров, производимая на капиталистических предприятиях, была меньше, чем в мелких хозяйствах. Тогда ещё господствовали мануфактуры, не было крупного машинного производства. Условия производства в мелком товарном хозяйстве считались общественно нормальными, массового разорения мелких производителей не происходило. В этих условиях могло казаться, что капиталистическая эксплуатация человека человеком — исключение, а развитие капитализма — нарушение провозглашённых буржуазными революциями принципов.

Отсюда вытекали и предложения мелкобуржуазных экономистов «не допускать» развития капитализма, являющегося, по их мнению, «уклонением» от «нормального» пути.

Дальнейший ход развития буржуазного общества показал, что эксплуатация человека человеком приобретает всё более широкие формы. Мелкие товаропроизводители разорялись в массовом порядке и становились наёмными рабочими на капиталистических предприятиях. Теперь уже нельзя было говорить о «случайности» этих явлений. Факты показывали, что формально-юридическое равенство прикрывает бурный процесс развития действительно экономического неравенства. Идеальность буржуазного строя была поставлена самой историей под сомнение. Перед идеологами различных классов возник вопрос о том, как оценить происходящее.

Буржуазные экономисты объясняют факты дифференциации производителей и их экономического неравенства биологическими особенностями людей. Люди [# 28] неодинаково одарены природой. Различия в природных особенностях людей предопределяет и их экономические различия. Поскольку биологические различия между людьми неустраняемы, буржуазные идеологи утверждали, что в экономическом неравенстве людей виновата природа человека. Нищают люди, не умеющие хозяйничать, лентяи, умственно ограниченные, и т. п., а богатеют одарённые, бережливые, трудолюбивые, смекалистые и т. п. Отсюда следует апологетический вывод: в эксплуатации человека человеком и экономическом неравенстве виноват не буржуазный строй, а сами трудящиеся, природа человека. Этот тезис в широких масштабах используется и современной буржуазной политической экономией, пытающейся таким способом оправдать факты господства небольшой кучки финансовых тузов и магнатов над многомиллионными массами трудящихся.

Предшественники научного коммунизма — великие социалисты-утописты запада Сен-Симон, Фурье и Оуэн подвергли эту догму буржуазных идеологов беспощадной критике. Они связывали факт эксплуатации человека человеком не с биологическими особенностями людей, а с коренными основами буржуазного общества. Они были твёрдо убеждены, что капитализм не сможет дать трудящимся подлинного экономического равноправия и призывали к более совершенному общественному строю — социализму. Но один из коренных недостатков утопистов состоял в том, что, правильно констатируя факты и связав их с основами буржуазного строя, они не смогли научно доказать их неизбежность, не знали практических, революционных путей к достижению социалистического идеала.

Эту задачу впервые научно решил только Маркс.

Он показал двоякую историческую роль буржуазного строя: во-первых, его прогрессивность по сравнению с феодализмом; во-вторых, историческую ограниченность как строя, неизбежно ведущего к порабощению человека человеком и становящегося на определённом этапе тормозом в развитии производительных сил общества, в силу чего требуется революционный переход к социализму.

Буржуазные революции подрывали основы феодальной формы эксплуатации человека человеком. Провоз[# 29]глашение принципа неприкосновенности частной собственности наносило удар по феодальному принципу присвоения результатов чужого труда на основе внеэкономического принуждения и прямого грабежа. Принцип свободы личности и деятельности был направлен против феодального принципа личной зависимости, прикрепления крестьян к земле, регламентации их труда и производства.

Подрывая феодальную форму эксплуатации человека человеком, буржуазный строй, однако, не привёл к ликвидации всякой формы эксплуатации, напротив, он породил новую, ещё более утончённую и замаскированную капиталистическую форму эксплуатации. Общество «равенства» и «свободы» на деле оказалось обществом самого глубокого социального неравенства, острых классовых конфликтов и антагонизмов. Почему это произошло, какие внутренние законы неизбежно породили подобные следствия. Эта научная задача впервые решена Марксом и столь убедительно, что в настоящее время его анализ законов капитализма, подтверждённый и проверенный всем опытом исторического развития, завоёвывает господствующие позиции у многомиллионных трудящихся масс всего земного шара, даёт им надёжный ориентир в выработке конкретной программы действий, ставит на путь борьбы против капитализма за социализм.

Исходным пунктом в научном исследовании законов развития капитализма является абстракция простого товарного производства. Маркс предполагает на первом этапе исследования всё те общественные условия, которые

рассматривались буржуазными экономистами в качестве наиболее «идеальных» и «разумных» - частную собственность, свободу личности и деятельности, равенство.

Общество простых товаропроизводителей — это общество людей, пользующихся всеми провозглашёнными буржуазными правами. Маркс временно абстрагируется от того, что в буржуазном обществе имеются капиталисты и наёмные рабочие. Он предполагает пока наличие только одной социальной группы — частных, обособленных товаропроизводителей, связанных друг с другом системой общественного разделения труда. Буржуазное общество пока исследуется как простое то[# 30]варное производство, в котором нет эксплуатации человека человеком, но осуществлены все основные принципы, провозглашённые буржуазными революциями. Анализ Марксом такого общества показал, что оно неизбежно должно превращаться в общество социально неоднородных людей, из которых одни эксплуатируют, другие подвергаются эксплуатации.

Марксизм-ленинизм, не отрицая наличия биологического неравенства, ищет причины дифференциации не в нём, а в системе производственных отношений. Даже если предположить, что все простые товаропроизводители одинаковы не только по экономическому положению, но и по своим способностям, то всё равно окажется, что внутренние законы развития простого товарного производства неизбежно приведут к разорению одних и обогащению других.

Последовательность раскрытия Марксом неизбежности этих результатов можно схематически представить так: поскольку буржуазное общество — это общество, основанное на частной собственности и общественном разделении труда, то с неизбежностью следует, что связь между людьми в процессе производства может осуществляться только в форме обмена товарами. Продукты труда неизбежно должны превращаться в товары. Это первое следствие из коренных устоев буржуазного общества. Но раз продукты труда принимают товарную форму, то неизбежен процесс развития денег. Один из товаров наделяется особыми общественными функциями, становится всеобщим эквивалентом, формой выражения стоимости всех остальных товаров. Если первоначально можно было предполагать, что все простые товаропроизводители равноправны по своему экономическому и юридическому положению, то после анализа товара и денег становится ясным, что за сохраняющимся юридическим равенством начинает формироваться действительное экономическое неравенство. Закон стоимости ведёт к дифференциации товаропроизводителей — вместо однородной группы простых товаропроизводителей формируется зажиточная верхушка, середняцкая часть и разоряющиеся, нишающие производители. С появлением денег этот процесс дифференциации усиливается. Одни становятся кредиторами, другие должниками. Развивается особая фигура собирателей сокро[# 31]вищ, превращающихся в ростовщиков. На базе разрыва актов купли-продажи формируются фигуры покупателей и продавцов, интересы которых не совпадают. Разделение актов купли-продажи способствует возникновению особых социальных фигур скупщиков, которые постепенно превращаются в торговых капиталистов.

Таким образом, анализ простейших категорий буржуазного общества — товара и денег позволяет рассеять выдумки об «идеальном» характере буржуазного строя.

Зажиточная верхушка постепенно превращается в капиталистов. Это становится возможным потому, что значительная часть товаропроизводителей разоряется, лишается средств производства и вынуждена продавать свою рабочую силу. Появляется специфический товар — рабочая сила. Деньги превращаются в капитал, что означает начало формирования новых классов с прямо противоположными интересами — рабочего класса и класса капиталистов, развитие эксплуатации наёмного труда. Анализ капитала и прибавочной стоимости раскрывает тайну капиталистической эксплуатации. Место простых товаропроизводителей занимают теперь противоположные классы, развившиеся из тех коренных устоев буржуазного общества, которые расценивались как «идеальные» и наиболее разумные.

Но процесс усложнения производственных отношений на этом не заканчивается. Промышленный капитал в своём движении неизбежно порождает обособление торгового и ссудного капиталов. Внутри класса капиталистов происходит расчленение. Наряду с промышленными капиталистами появляются торговые капиталисты, ссудные капиталисты. Внутри класса капиталистов развёртывается борьба из-за дележа прибавочной стоимости. Формирование этих новых социальных групп не есть «уклонение» от нормального развития, а неизбежное следствие развития капитала, его закономерностей. После того как выяснены взаимоотношения между капиталистами и рабочими, с одной стороны, и внутри класса капиталистов — с другой, Маркс исследует взаимоотношения между капиталистами и земельными собственниками. Этому посвящена теория земельной ренты. Последовательно переходя от одной категории к другой, Маркс раскрывает закономерность процесса развития самых разнообразных отношений между людьми в [# 32] буржуазном обществе, формирование различных социальных групп. И всё это рассматривается им не как нарушение провозглашённых буржуазных принципов, а как процесс, развившийся на их основе и точном их соблюдении.

Маркс исходит из того, что существующие в развитом буржуазном обществе классы и социальные группы возникли не одновременно и не в любой последовательности. Он развёртывает неизбежность процесса формирования сначала одних социальных групп, а на их основе — других. Простейшим экономическим категориям соответству-

ют и более простые отношения между людьми. Переход от более простых категорий к более сложным есть вместе с тем и переход от более простых отношений между людьми к более сложным. Более сложные рождаются лишь после того, как развились предшествующие им простые.

Весь этот процесс усложнения производственных отношений между людьми имеет своим исходным, отправным пунктом товарную форму продуктов труда. С неё начинается развитие всех остальных категорий буржуазного строя. Поэтому анализ природы товара имеет такое огромное, ключевое значение при изучении системы производственных отношений капитализма. [# 33]

Глава II. Два свойства товара: потребительная стоимость и стоимость

§ 1. Последовательность изучения товара и его свойств

Исследование товара К. Маркс начинает с характеристики его внешнего вида, в котором он обнаруживается на поверхности явлений и наблюдается всеми агентами товарного производства. С одной стороны, товар выступает как определённая полезная вещь, удовлетворяющая ту или иную человеческую потребность. Это свойство называется потребительной стоимостью товара. С другой стороны, товар обладает способностью в той или иной пропорции обмениваться на другие товары. Это свойство называется меновой стоимостью товара.

Констатация двух свойств товара не является открытием Маркса. Маркс в одном из примечаний ко второй главе первого тома «Капитала» указывает, что оба эти свойства товара по существу были известны ещё великому мыслителю древности Аристотелю, который писал: «Ибо двояко употребление каждого блага. Первое присуще вещи как таковой, второе — нет; так, сандалия может служить для обувания ноги и для обмена. То и другое суть потребительные стоимости сандалии, ибо даже тот, кто обменивает сандалию на что-либо, в чем он нуждается, например, на пищу, пользуется сандалией как сандалией. Но это не есть естественный способ её употребления. Ибо она существует не для обмена»²².

Аристотель ещё не употребляет терминов «товар», «менная стоимость» и т. п., но фактически он констатирует тот факт, что вещь может быть использована двояко — либо как непосредственный предмет потребления, либо как средство обмена. Естественным свойством вещи он считает её потребительную стоимость. Меновая же стоимость рассматривается им как отклонение от естественного способа применения вещи. Взгляд Аристотеля объясняется историческими условиями, в которых он жил. Тогда господствовало натуральное хозяйство, товарный обмен был развит сравнительно незначительно. Использование вещей в качестве средства обмена или меновой стоимости было сравнительно редким явлением и поэтому рассматривалось Аристотелем как случайность, отклонение от «нормального» способа применения вещи.

В условиях капитализма, где товарное производство принимает всеобщий характер и где все продукты труда, как правило, используются не для непосредственного потребления, а для обмена, свойство товара быть меновой стоимостью уже не рассматривается людьми как нечто случайное, противоестественное, а, наоборот, считается само собой разумеющимся, таким же естественным свойством вещи, как и её способность удовлетворять ту или иную человеческую потребность.

В области констатации факта Маркс повторяет то, что говорили и многие представители буржуазной политической экономии о товаре. Но объяснение этого факта носит принципиально иной характер. Там, где буржуазные экономисты видели естественные и вечные свойства вещей, Маркс обнаруживает совсем другое: свойства товара порождены не естественными свойствами всякой вещи, а особыми общественными отношениями, при которых осуществляется процесс производства. То, что кажется вечным и естественным, на деле возникает и развивается лишь на определённом этапе исторического развития, при определённых производственных отношениях между людьми, следовательно, и исчезает вместе с исчезновением этих условий. Свойства товара рассматриваются Марксом, во-первых, как общественные, а не естественные свойства вещи, а во-вторых, как исторически преходящие, а не вечные. Маркс впервые глубоко разграничивает естественные и общественные свойства вещей. Под естественными свойствами вещей он понимает свойства, присущие их натуральной форме [# 35] и существующие при любом общественном строе, а под общественными — такие, которые появляются в силу общественных причин, при определённых производственных отношениях.

За свойствами вещей Маркс раскрывает общественное содержание — отношения между людьми в процессе материального производства, за внешней формой товара выявляет его сущность. Движение от явления к сущности развёртывается перед читателем в 1 и 2 параграфах главы о товаре.

Затем Маркс переходит к решению вопроса, как и почему сущность товара на поверхности явлений приобретает именно такие, а не иные формы проявления. В 3 параграфе этой же главы анализируется форма стоимости или меновая стоимость как единственно возможная объективно необходимая форма проявления стоимости. Сущность товара и формы его проявления на поверхности выступают как неразрывное единство.

²²К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 95 (прим. 39).

4 параграф «Товарный фетишизм и его тайна» подводит итог предшествующему исследованию. Здесь показывается, что товар, возникнув на базе определённых производственных отношений между людьми, в свою очередь становится силой, господствующей над людьми и управляющей их взаимоотношениями в процессе производства и обмена. Если на первом этапе главная задача заключалась в том, чтобы раскрыть в товаре те производственные отношения, которые привели к его возникновению, то на втором этапе главное заключается в том, чтобы показать, как товар, возникнув на базе определённых производственных отношений, сам становится фактором, влияющим на развитие и усложнение производственных отношений между людьми. Сначала за отношениями вещей раскрываются отношения людей. Затем обосновывается тезис об объективной необходимости того, чтобы производственные отношения между людьми обязательно принимали форму отношений между вещами. На этой основе делается общий вывод об общественных свойствах и той роли вещей, которую они играют при данном типе производственных отношений. Таков ход исследования Маркса в первой главе первого тома. И наша задача в том, чтобы конкретизировать логику рассуждений Маркса, показать, какие результаты получаются на каждом этапе анализа. [# 36]

§ 2. Потребительная стоимость товара

Потребительная стоимость как выражение отношений людей к природе. При исследовании потребительной стоимости товара, как и при исследовании всех остальных категорий политической экономии капитализма, необходимо последовательно придерживаться принципа разграничения естественных и общественных свойств вещи. Важно выяснить, что в данной вещи принадлежит ей от природы и не зависит от отношений между людьми в процессе производства, а что порождается этими отношениями и не существует вне данной системы отношений.

Применительно к потребительной стоимости товара надо сначала установить, какие её черты носят вечный характер и имеют место при всех общественно-экономических формациях, а затем рассмотреть те черты потребительной стоимости, которые носят исторический характер и возникают в связи со специфическим характером отношений между людьми в процессе производства. Но общественные свойства потребительной стоимости не существуют вне её естественных свойств. Происходит своеобразное сращивание естественных и общественных свойств вещи. Мы должны выяснить, как и почему подобное сращивание неизбежно должно происходить и к каким результатам оно приводит.

Под потребительной стоимостью, как отмечалось, Маркс понимает полезность вещи, её способность удовлетворять ту или иную потребность человека материального или духовного характера. При этом речь идёт об удовлетворении не только личных потребностей человека, но и его производственных потребностей.

Некоторые виды потребительных стоимостей даются природой в готовом виде, например, лесные ягоды, грибы, орехи, вода, воздух и т. п. Однако большинство потребительных стоимостей является результатом процесса производства. Качество потребительной стоимости зависит, с одной стороны, от качества того природного материала, из которого она сделана, а с другой стороны, от качества труда, который её создавал. В создании потребительной стоимости участвуют поэтому не только труд, но и природа. Было бы ошибочным считать, что единственным источником потребительных [# 37] стоимостей является труд человека. По образному выражению У. Петти, приписываемому Марксом в «Капитале», «труд есть отец богатства, земля — его мать»²³.

Производство потребительных стоимостей является вечным и естественным условием существования всякого человеческого общества. Каков бы ни был характер производственных отношений между людьми, они обязательно должны производить потребительные стоимости. Во всяком обществе потребительные стоимости образуют вещественную основу его богатства.

Перечисленные черты потребительной стоимости имеют место во всех общественно-экономических формациях и не содержат в себе ничего специфически-исторического. Полезность вещи не зависит от того, при каких отношениях между людьми она произведена. По вкусу пшеницы нельзя определить, кто её произвёл — раб, крепостной, наёмный рабочий или труженик социалистического общества.

Если полезность вещи сама по себе не выражает никаких производственных отношений между людьми, она не может быть и предметом изучения в политической экономии. Изучением различных полезных свойств вещей занимаются другие науки. Потребительная стоимость может стать предметом изучения политической экономии только в том случае, если она сама является носителем определённого производственного отношения, приобретает такие черты, которые даны не её естественными свойствами, а порождены общественными отношениями людей в процессе производства.

Таковыми чертами обладает не всякая потребительная стоимость, а лишь потребительная стоимость товара.

Специфически исторические общественные черты потребительной стоимости товара. Каждый товаропроизводитель, как правило, не потребляет сам тех потребительных стоимостей, которые он производит. Он производит

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 52.

потребительную стоимость не для себя, а для других, для общества. Этого не было при натуральных формах производства, где производитель одновременно являлся и потребителем произведённых потребительных стоимостей. Специфика потребительной стоимости товара состоит прежде [# 38] всего в том, что она является потребительной стоимостью для других или, как выражается Маркс, общественной потребительной стоимостью. Понятие «общественной» потребительной стоимости играет существенную роль в марксовой теории товара и стоимости: вещь, не обладающая общественной потребительной стоимостью, не может иметь и стоимости.

Однако впервые изучающие «Капитал» нередко упрощают это понятие, что находит выражение в следующей форме рассуждений: «Поскольку все товаропроизводители работают не для себя, а для других, на рынок, — значит всё они производят общественные потребительные стоимости». Первая часть рассуждений правильна, а вторая требует существенных оговорок. Тот факт, что производитель работает на других, ещё не гарантирует, что произведённая им вещь будет иметь общественную потребительную стоимость. Характер потребительных стоимостей, необходимых для удовлетворения общественных потребностей, не остаётся раз навсегда данным, а непрерывно изменяется ввиду развития производительных сил и формирования нового спроса на новые потребительные стоимости. То, что сегодня было необходимым для общества, завтра, в силу изменения условий, устареет, выйдет из употребления. Одна и та же вещь, производимая одним и тем же производителем, в разное время имеет различное общественное значение: сегодня она реально нужна для общества, является общественной потребительной стоимостью, завтра — становится ненужной, теряет значение общественной потребительной стоимости, превращается в продукт, нужный только самому производителю, хотя он сам субъективно производил её не для себя, а для других.

Понятие общественной потребительной стоимости предполагает поэтому, что вещь не только произведена для других, но и что она реально, объективно необходима в данный момент для удовлетворения общественных потребностей производственного или личного характера.

Тот факт, что потребительная стоимость производится не для удовлетворения потребностей самого производителя, а для удовлетворения потребностей других членов общества, указывает на то, что здесь имеет место своеобразное отношение между людьми, но ещё не раскрывает характер самого отношения. Из истории, например, известно, что крестьянин часть произведённого продукта отдавал в виде оброка помещику. Часть произведённых им потребительных стоимостей потреблялась не им самим, а другим лицом, следовательно, производилась не для себя, а для других. Однако произведённая им потребительная стоимость ещё не является товаром. Он передаёт потребительную стоимость помещику безвозмездно, даром.

Потребительная стоимость товара характеризуется не только тем, что она является общественной потребительной стоимостью, но и тем, что её переход из рук в руки происходит на основе обмена одних видов потребительной стоимости на другие. Главная специфическая черта потребительной стоимости товара состоит в том, что потребительная стоимость становится вещественным носителем особого свойства — меновой стоимости. Это свойство потребительной стоимости товара указывает нам на новую черту в отношениях между людьми, является её отражением. Переход потребительных стоимостей из рук в руки на основе их обмена означает, что в данном обществе отсутствуют отношения господства и подчинения, прямого грабежа и насилия, как это имело место при присвоении помещиками прибавочного труда или продукта крестьян. При товарной форме обмена производители и потребители признают друг в друге равноправных частных собственников. Один не имеет права силой отнять продукт у другого. Каждый может получить чужой продукт, только в обмен на свой собственный.

Переход потребительных стоимостей из рук в руки посредством обмена становится необходимым только в том случае, если каждый из производителей специализируется на производстве какого-то одного или нескольких видов потребительных стоимостей, но не производит всей совокупности необходимых ему полезных вещей. А это означает, что в данном обществе существует расчлнённая система общественного разделения труда.

Общественное разделение труда и частное обособленное производство не даются природой в готовом виде. Они возникают лишь на определённом этапе исторического развития. Вместе с тем частное обособленное производство не является вечным, оно сменяется [# 40] на определённом этапе обобществлённым социалистическим производством. Отсюда следует, что и специфические черты потребительной стоимости товара, порождённые определёнными отношениями между людьми, носят исторически преходящий характер.

При чтении «Капитала» у изучающего нередко возникает вопрос, почему Маркс даёт сложную и непонятную, на первый взгляд, формулировку: потребительная стоимость является «вещественным носителем меновой стоимости»²⁴. Внешне кажется, что лучше сказать: потребительная стоимость имеет меновую стоимость. Но на деле это упрощение привело бы к искажению действительного соотношения потребительной стоимости и меновой стоимости. Для буржуазного экономиста потребительная стоимость и меновая стоимость вещи выступают как свойства всякой вещи, присущие ей от природы. Между тем это соотношение значительно сложнее. Свойство вещи удовлетворять человеческие потребности существует при любом строе и не зависит от производственных отношений.

²⁴См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 44.

Меновая же стоимость возникает лишь при определённых производственных отношениях между людьми и является общественным свойством вещи.

Меновую стоимость могут иметь только те вещи, которые обладают потребительной стоимостью. Никто не возьмёт в обмен вещь, которая не удовлетворяет какой-либо человеческой потребности. Следовательно, меновая стоимость не может существовать вне потребительной стоимости. Хотя меновая стоимость — общественное свойство, порождённое производственными отношениями, она не может существовать вне вещи, нуждается в вещественном носителе.

Понятие «вещественного носителя» предполагает, что этот «носитель» может освободиться от своей «ноши», что потребительная стоимость может получить самостоятельное существование, не зависящее от меновой стоимости, и, наоборот, меновая стоимость может отделиться от своего вещественного носителя и приобрести самостоятельную форму существования. На практике в процессе обмена такое отделение происходит регулярно, систематически. [# 41]

На практике каждый товаропроизводитель работает не для себя, а для рынка. Его интересует не потребительная стоимость, а меновая стоимость вещи. Он отчуждает потребительную стоимость с тем, чтобы получить меновую стоимость. Фактическое движение товара таково: его потребительная стоимость переходит из рук производителя в руки потребителя и там используется в процессе потребления. Меновая же стоимость товара в виде определённого количества других товаров возвращается к товаропроизводителю. Таким образом, в реальном процессе обмена потребительная стоимость освобождается от своей ноши — меновой стоимости, а меновая стоимость расстаётся со своим вещественным носителем и приобретает иную форму существования. Отсюда следует, что формула Маркса о том, что потребительная стоимость является вещественным носителем меновой стоимости, наиболее точно характеризует взаимоотношения обоих свойств товара.

§ 3. Меновая стоимость и стоимость

Меновая стоимость товара. На первом этапе исследования Маркс характеризует меновую стоимость как количественное соотношение, пропорцию, в которой потребительные стоимости одного рода обмениваются на потребительные стоимости другого рода. Необходимо сразу же отметить, что эта характеристика меновой стоимости не окончательная и не самая существенная. В ней подчёркивается лишь та сторона меновой стоимости, которая непосредственно представлена на поверхности явлений. На первый план выдвинута количественная характеристика меновой стоимости, но ещё не определено её качественное содержание. К характеристике меновой стоимости Маркс возвращается в 3 параграфе первой главы, где она получает освещение с количественной и качественной стороны.

Пропорции, в которых товары обмениваются друг на друга, не являются чем-то устойчивым, постоянным, раз навсегда данным. Они изменяются. За одну и ту же вещь сегодня можно получить больше или меньше других товаров, чем вчера. На первый взгляд может показаться, что меновая стоимость носит чисто случайный характер, не имеет никакой прочной основы. Если исходить из явлений рынка, то кажется, что меновая стоимость определяется соотношением спроса и предложения. Если спрос растёт и превышает предложение, меновая стоимость повышается, если предложение превышает спрос — падает и т. д. Такой вывод был сделан буржуазными экономистами, отстаивающими теорию спроса и предложения.

Колебания спроса и предложения действительно отражаются на меновой стоимости товаров. Однако если предположить, что спрос и предложение равны друг другу, тогда теория спроса и предложения перестаёт что-либо объяснять. Остаётся необъяснимым, почему при равенстве спроса и предложения товары обмениваются друг на друга именно в такой пропорции, а не в другой. Почему, например, за 1 костюм дают 4 пары модельной обуви, а не одну и не 10? Обмен товаров имеет место и при равенстве спроса и предложения, и при нарушении этого равенства. Но если при колебаниях спроса и предложения меновая стоимость кажется чем-то чисто случайным, то при предположении о равенстве спроса и предложения эта видимость рассеивается.

Стоимость товара. Обмен товаров в определённых пропорциях возможен только в том случае, если они обладают каким-то общим качеством, делающим их соизмеримыми. Без соизмеримости нет обмена. «То общее, что выражается в меновом отношении, — пишет Маркс, — или меновой стоимости товаров, и есть их стоимость»²⁵.

Какова бы ни была потребительная стоимость товара, её создание требует определённых затрат труда. Как сгустки определённого количества общественного труда все товары становятся соизмеримыми друг с другом, качественно однородными. Субстанцией (содержанием) стоимости является воплощённый в товарах общественный труд. Величина же стоимости определяется количеством труда, затраченного на производство товара. Чем больше труда затрачено на производство товара, тем выше его стоимость и наоборот. Отсюда следует, что пропорции при обмене товаров не являются случайными. Они определяются стоимостью. Труд, овеществлённый в товарах,

²⁵К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 47.

придаёт им свойство стоимости, а стоимость в свою очередь определяет меновую стоимость, пропорции обмена товаров.

Такова первая и наиболее общая характеристика стоимости товара и её величины, которую даёт Маркс в первом параграфе первой главы. Эта характеристика легко усваивается каждым изучающим «Капитал». Но большую ошибку делает тот, кто ограничится только этой характеристикой стоимости и её величины. Этими первыми определениями Маркс дал только отправной пункт. Центральные пункты этой теории раскрываются им в последующих параграфах.

§ 4. Ограниченность теории трудовой стоимости классиков буржуазной политической экономии

Отмеченное выше определение стоимости количеством труда, затраченного на производство товара, не является открытием Маркса. Этот вывод был сделан его буржуазными предшественниками, классиками буржуазной политической экономии У. Петти, А. Смитом и особенно подробно развернут Д. Рикардо. Маркс неоднократно отмечал их заслуги в области создания теории трудовой стоимости.

Новое у Маркса состоит не в повторении положения о том, что стоимость товаров определяется количеством затраченного труда, а в раскрытии природы, качества того труда, который образует субстанцию стоимости и определяет её величину.

Чтобы ярче оттенить значение вклада, который внёс Маркс в разработку теории трудовой стоимости, необходимо хотя бы в самых общих чертах выяснить, какими основными недостатками страдала теория трудовой стоимости у классиков буржуазной политической экономии.

Ошибочность методологии и отсутствие убедительных доказательств, что труд является единственным создателем стоимости. Первый существенный недостаток заключался в том, что хотя У. Петти, А. Смит и Д. Рикардо отстаивали трудовую теорию стоимости, они так и не смогли научно доказать, что труд является единственным создателем стоимости. Этому препятство[# 44]вала методология, которой они пользовались в силу своих классовых позиций.

Исходным методологическим пунктом всех их теоретических построений являлась природа человека, её вечные и неизменные склонности и интересы. По их мнению, общественные отношения развиваются в зависимости от биологических особенностей людей, которые по своей природе эгоисты, а эгоизму лучше всего соответствует частная собственность. По мнению Смита, человек склонен к обмену — это вызывает разделение труда и обмен товарами. Для выяснения вопроса о том, что лежит в основе меновых пропорций, классики буржуазной политической экономии обращались опять-таки к природе человека. Они рассуждали так: чем руководствуется тот или иной товаропроизводитель при обмене товаров? И отвечали — трудом, затраченным на их производство; чем больше труда затрачено на производство той или иной вещи, тем больше будет и её стоимость; труд — это та объективная основа, которой руководствуются все частные товаропроизводители при обмене своих товаров.

На такой ход рассуждений другие буржуазные экономисты из вульгарной школы возражали: на каком основании можно считать, что только труд и его затраты учитываются каждым товаропроизводителем при обмене товаров? Разве каждый человек не руководствуется целым рядом других критериев?

Факты показывают, что одни лица руководствуются затратами труда, другие — полезностью вещи, её редкостью или изобилием, третьи — соотношением спроса и предложения, четвёртые — издержками производства. Одно и то же лицо в разное время при продаже своих товаров может руководствоваться самыми различными критериями. Нельзя утверждать, что товаропроизводитель не возьмёт в обмен за свой товар больше, чем он затратил труда на его производство, так как каждый стремится получить как можно больше. Если же товаропроизводитель соглашается на меньшее, то при этом он опять-таки руководствуется самыми разнообразными критериями. Иначе говоря, если при объяснении закономерностей обмена исходить из тех мотивов, которыми руководствуются различные хозяйствующие субъекты, то нет никаких оснований для утверждения, что труд [# 45] является единственным объективным критерием стоимости. Этим критерием могут быть полезность вещей, их редкость, соотношение спроса и предложения, издержки производства. Именно на этой основе в противовес теории трудовой стоимости появились вульгарные теории «предельной полезности», спроса и предложения, издержек производства, а также эклектические теории, объясняющие меновые пропорции обмена совокупностью самых различных факторов.

Пока исходным пунктом рассуждений остаётся природа человека и его мотивы, каждая из названных теорий стоимости имеет право на существование, ибо в реальной действительности мотивация каждого из хозяйствующих субъектов может быть самой различной в разное время, и затраченный труд будет выступать в качестве одного из возможных, но не единственного критерия для определения стоимости товаров.

Маркс подошёл к решению проблемы стоимости с диаметрально противоположных позиций. Не отрицая бесспорного факта, что при обмене товаров частные производители могут руководствоваться самыми различными

критериями, Маркс обратил внимание на поиски объективной основы стоимости, которая навязывается каждому, товаропроизводителю независимо от его воли и желания. Субъективно каждый может думать что угодно, но объективно в обмене товаров, выражается нечто такое, что не зависит от воли и желаний отдельных лиц. Чтобы доказать, что труд является единственным источником стоимости и её субстанцией, Маркс взял в качестве исходного пункта не частного производителя и его психологию, а общественное производство в целом и его объективные потребности. Каждый частный производитель рассматривается им как часть совокупного общественного труда, подчиняющаяся движению целого. Из противоречий, возникающих в процессе общественного производства, Маркс выводит стоимость товаров и их единую общественную субстанцию — общественный труд. Лишь при таком подходе с позиций общественного производства, а не производства обособленного, изолированного Робинзона, Маркс блестяще обосновал, что в стоимости товаров выражается общественный труд, затраченный на их производство, и что кроме труда нет и не может быть никаких причин, [# 46] обуславливающих стоимость товаров. Детально этот вопрос будет рассмотрен в следующей главе.

Количественный подход к анализу стоимости. Существенный недостаток классиков буржуазной политической экономии заключается в том, что они обращали основное внимание на количественную характеристику стоимости, но совершенно не анализировали её с качественной стороны. По их мнению, всякий продукт труда, независимо от того, при каких отношениях между людьми он произведён, обладает стоимостью, так как в нем воплощено определённое количество труда. Стоимость объявлялась вечным и естественным свойством продуктов труда. Одновременно предполагалось, что труд также обладает вечным и естественным свойством создавать стоимость. Между тем опыт исторического развития не подтверждает это. Люди тысячелетиями производили потребительные стоимости, затрачивали на их производство труд, но эти продукты труда не становились товарами, не продавались и не покупались, не обладали свойством стоимости, хотя в них и содержался воплощённый труд. Это было типично для всех продуктов труда, производившихся в условиях натурального хозяйства, при первобытнообщинном строе, рабстве, феодализме.

Неизбежно возникает вопрос, почему в одних случаях труд, воплощённый в продуктах, придаёт им свойство стоимости, а в других нет. Очевидно, всё дело в том, что труд, затрачиваемый при различных производственных отношениях, обладает различными качествами. Создателем стоимости является не всякий труд, а лишь труд, затрачиваемый при определённой общественной форме производства. Дать качественную характеристику стоимости — это значит в первую очередь выяснить, какой именно труд и в силу каких общественных причин имеет своим результатом товары — специфические продукты, которые обладают не только потребительной стоимостью, но и стоимостью.

Решение этого вопроса стало возможным лишь на базе развитого марксового учения о двойственном характере труда, создающего товары. Это учение со всей очевидностью доказало, почему именно труд является единственным создателем стоимости, с одной стороны, а с другой стороны, каковы качественные особенности [# 47] того труда, который образует субстанцию стоимости.

Непонимание внутренней связи между стоимостью и формой стоимости. Правильное решение вопроса о качественном содержании стоимости позволило преодолеть и такой существенный недостаток классиков буржуазной политической экономии, как непонимание ими внутренней связи между стоимостью и меновой стоимостью как необходимой формой проявления стоимости. Правильно отметив, что за меновой стоимостью скрывается стоимость, определяемая количеством труда, классики буржуазной политической экономии не смогли объяснить, почему стоимость товаров может быть выражена только через меновую стоимость, а не в часах рабочего времени. Если труд есть мера стоимости, то почему нельзя стоимость выразить прямо в часах рабочего времени, не прибегая к косвенному учёту посредством денег. Правильный ответ на этот вопрос может быть дан лишь после того, как понята специфика труда, который образует субстанцию стоимости. Поскольку классики буржуазной политической экономии этого не поняли, они не смогли развить и учения о формах стоимости. Меновая стоимость казалась им чем-то чисто внешним по отношению к стоимости, а не объективно необходимой и единственно возможной формой появления стоимости.

К. Маркс своим учением о двойственном характере труда, создающего товары, внёс неоценимый вклад в теорию стоимости, поставив её на научные основы. [# 48]

Глава III. Двойственный характер труда, заключенного в товаре

§ 1. Предварительные замечания

Учение Маркса о двойственном характере труда в товарном хозяйстве имеет принципиальное значение прежде всего для понимания природы товара и стоимости. Не усвоив этого учения, нельзя понять и теории стоимости К. Маркса. Учение о двойственном характере труда имеет и более широкое значение. На нем, по выражению Маркса, «основывается всё понимание фактов»²⁶ капиталистической действительности. Оно служит отправным

²⁶К. Маркс, Ф. Энгельс. Письма о «Капитале», стр. 122.

пунктом для выяснения природы капитала и прибавочной стоимости, проблем накопления, обращения капитала, воспроизводства и кризисов. Нет ни одной категории политической экономии капитализма, которая бы не базировалась на двойственной природе труда в товарном хозяйстве. Следовательно, поверхностное усвоение этого учения неизбежно отразится на понимании всех последующих экономических категорий.

Между тем это учение очень трудно для изучения. Оно является камнем преткновения для многих, впервые знакомящихся с «Капиталом». Поэтому необходимо обратить на него особое внимание.

Трудности усвоения этого учения отчасти можно объяснить тем, что в «Капитале» в главе о товаре оно изложено в сжатой форме. Маркс более развёрнуто изложил его основные черты в работе «К критике политической экономии». Для правильного понимания необходимо вместе с «Капиталом» изучать и эту работу. [# 49] Кроме того, следует иметь в виду, что в дальнейшем Маркс возвращался к детализации и раскрытию этого учения в таких работах, как «Теории прибавочной стоимости», «Замечания на книгу А. Вагнера» и в письмах.

При изучении проблем двойственного характера труда впервые знакомящиеся с «Капиталом» нередко обращают главное внимание на те определения, которые даёт Маркс, но не особенно внимательно вникают в существо дела. При таком подходе создаётся серьёзная опасность неправильного понимания проблем двойственного характера труда. Проиллюстрируем это следующим примером. В конце второго параграфа первой главы, посвящённого двойственному характеру труда, Маркс пишет:

«Всякий труд есть, с одной стороны, расходование человеческой рабочей силы в физиологическом смысле, — и в этом своём качестве одинакового, или абстрактно человеческого, труд образует стоимость товаров. Всякий труд есть, с другой стороны, расходование человеческой рабочей силы в особой целесообразной форме, и в этом своём качестве конкретного полезного труда он создаёт потребительные стоимости»²⁷.

Если подходить к делу буквально, то учение Маркса о двойственном характере труда выглядит очень простым.

Абстрактный труд — затрата рабочей силы в физиологическом смысле, конкретный труд — это труд, затрачиваемый в целесообразной форме и имеющий своим результатом потребительную стоимость. Всё кажется простым и ясным.

Но при таком понимании изучающий сразу же столкнётся с рядом вопросов. Например, разве классики буржуазной политической экономии не понимали, что при сравнении стоимости товаров речь идёт о труде вообще как затрате человеческой рабочей силы? Разумеется, понимали. И У. Петти, и А. Смит, и Рикардо, говоря о труде, образующем стоимость, имели в виду это. Что же здесь нового у Маркса?

Возникает и другая группа вопросов. Так, если абстрактный труд — это труд в физиологическом смысле, [# 50] то он является вечной категорией, всегда существовал и будет существовать, ибо без затрат труда в физиологическом смысле создание продуктов невозможно. А раз абстрактный труд — вечная категория, значит и создаваемая им стоимость тоже носит вечный характер. Иначе говоря, при подобном понимании мы по существу возвращаемся к той же постановке вопроса, которая была и у буржуазных экономистов, приходим к выводу, что труд всегда носит двойственный характер и всегда имеет своим результатом товар как единство потребительной стоимости и стоимости.

Все эти вопросы могут оказаться неразрешимыми, если думать, что учение Маркса о двойственном характере полностью изложено в параграфе с этим названием. В этом параграфе Маркс даёт только ряд отправных пунктов, фиксирует внешние проявления двойственного характера труда, но ещё не раскрывает всего существа проблемы. Он продолжает исследование этой проблемы и в § 3, посвящённом формам стоимости, и особенно в § 4 о товарном фетишизме, где показываются не только внешние формы проявления двойственного характера труда, но и его самая глубокая сущность.

Правильное понимание проблемы двойственного характера труда достигается при раскрытии внутренней связи между конкретным и абстрактным трудом, с одной стороны, частным и общественным, с другой, — когда мы установим, что разграничение труда на конкретный и абстрактный порождается особым характером отношений между людьми в процессе производства, глубоким противоречием между частным и общественным трудом. Если разорвать внутреннюю связь между основным противоречием товарного производства и раздвоением труда на конкретный и абстрактный, то мы не только обедним учение Маркса, но и извратим его. Чтобы глубже понять это учение, остановимся сначала на некоторых исходных методологических положениях Маркса.

Процесс труда как единство отношений людей к природе и друг к другу. Труд является вечным и естественным условием существования человеческого общества на любом историческом этапе его развития — это аксиома, которая не подвергается сомнению. Процесс труда есть прежде всего [# 51] процесс борьбы человека с природой, преобразования её предметов в своих интересах. Но в понимании содержания самого процесса труда между марксизмом и буржуазной политической экономией существует глубокое, принципиальное различие, которое заключается в том, что для буржуазных экономистов процесс труда есть отношение людей к природе и только. Маркс же

²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 55.

впервые доказал, что процесс труда есть неразрывное внутреннее единство отношения людей к природе, с одной стороны, и их отношений друг к другу, то есть производственных отношений, — с другой. Без отношений людей друг к другу не может быть и их отношения к природе.

Буржуазная политическая экономия доказывает, что процесс труда может осуществляться и изолированными людьми, не связанными друг с другом. Основой для подобных заключений служит внешняя видимость, порождаемая буржуазной формой производства. В капиталистическом обществе процесс производства осуществляется на предприятиях, являющихся частной собственностью отдельных лиц, каждый из которых в непосредственном процессе производства формально независим от других и может производить что хочет, когда хочет и как хочет. Частный собственник вступает в связь с другими людьми лишь после того, как процесс труда завершён и начинается обмен и распределение материальных благ. Эта внешняя видимость служит основой для утверждений, будто отношения между людьми возникают лишь в процессе обмена и распределения, а не в процессе труда, где признаются лишь чисто технические отношения, обязательные для любого общественного строя. При таком подходе к характеристике процесса труда неизбежно оказывается, что труд обладает одними и теми же качествами на всех этапах исторического развития. Различия возникают только в технической вооружённости, квалификации, уровне производительности труда и т. п. Поэтому свойство труда создавать стоимость неизбежно рассматривается как вечное и естественное свойство всякого труда на любом этапе исторического развития.

В отличие от буржуазных экономистов, считающих, что процесс труда как отношение людей к природе предшествует их отношениям друг к другу, Маркс выдвигает положение о том, что ни один человек не может осуществлять процесс труда, если он не связан с другими людьми. Связь между людьми устанавливается прежде всего в исходном пункте, в самом процессе труда. Характер этой связи в процессе труда определяет и характер тех связей и отношений, которые устанавливаются в процессе обмена, распределения и потребления материальных благ. Только рассматривая процесс труда как единство отношений людей к природе и друг к другу, можно дать правильную характеристику труда, объяснить те или иные его специфические особенности.

Всякий процесс труда с технической точки зрения предполагает три простейших элемента — средства труда, предмет труда и сам труд. Чтобы процесс труда имел место, рабочая сила должна соединиться со средствами производства. Иначе нет самого процесса труда. Но соединение рабочей силы со средствами производства происходит по-разному на разных этапах исторического развития. Все эти простейшие элементы могут быть собственностью одного лица, коллектива или же все они могут находиться в собственности разных лиц. Здесь возможны самые разнообразные сочетания. Например, при рабстве рабовладелец выступал в качестве собственника и средств производства и рабочей силы. При капитализме наблюдается разделение собственности на различные элементы процесса труда. Капиталист является собственником средств производства, рабочий — своей рабочей силой, земельный собственник — земли. Чтобы процесс труда осуществлялся, необходимо все эти три разрозненных элемента соединить. Их соединение означает, что уже в самом исходном пункте процесса труда люди вступают в определённые отношения. В зависимости от того, на каких условиях люди объединены в непосредственном процессе труда, будут находиться и их отношения в процессе обмена и распределения материальных благ.

Совокупность отношений, в которые люди вступают друг с другом в процессе труда, образуют общественную форму процесса труда. Вне общественной формы не может быть и процесса труда. В качестве субъекта, ведущего борьбу с природой, выступает не отдельный индивид, а общество. Отдельное лицо является лишь частью единого общественного труда, выполняющей отведённую ему функцию.

Раз процесс труда есть процесс, осуществляемый обществом, то понятие процесса труда включает в себе характер отношений и связей между людьми, представляет неразрывное единство отношений людей к природе и друг к другу.

Общественная форма процесса труда не является вечной. Она изменяется под влиянием развития производительных сил, а это, в свою очередь, сказывается на характере самого процесса труда. Труд, осуществляемый в одной общественной форме, при одних производственных отношениях, будет содержать ряд специфических черт и особенностей по сравнению с трудом, осуществляемым при других производственных отношениях между людьми.

Раскрыть природу труда, создающего товар, — это значит раскрыть специфику тех отношений между людьми, при которых осуществляется процесс труда.

В предшествующих главах рассматривалось, что исходным пунктом в исследовании является простое товарное производство, то есть одна из общественных форм производства, характеризующаяся своим специфическим характером отношений между людьми. Эта форма, как отмечалось, характеризуется, во-первых, тем, что в обществе существует глубокое общественное разделение труда и, во-вторых, тем, что процесс производства осуществляется частными, обособленными, самостоятельными производителями, являющимися собственниками средств производства и производимых продуктов.

Задача заключается теперь в том, чтобы показать, почему при такой общественной форме производства труд приобретает двойственный характер, становится создателем товара как единства потребительной стоимости и стои-

мости.

§ 2. Конкретный труд

Конкретный труд как отношение людей к природе. Чтобы создать необходимые потребительные стоимости, общество должно распределять труд по различным сферам так, чтобы были удовлетворены потребности общественного производства в средствах производства, разнообразных предметах потребления и т. п. Совокупный общественный труд должен быть расчленён на различные виды труда, каждый из которых создаёт строго определённую потребительную стоимость. Труд, создающий потребительную стоимость, Маркс называет конкретным трудом. Общественный труд в любом обществе всегда выступает как совокупность различных видов конкретного труда.

Всякий вид конкретного труда характеризуется как труд, затрачиваемый в строго определённой целесообразной форме. Для того чтобы создать часы, труд должен быть затрачен в иной форме, чем, например, при создании костюмов, обуви или орудий труда. Характер затрат труда зависит от того, какая потребительная стоимость создаётся. Насколько разнообразны потребительные стоимости, настолько разнообразны и создающие их виды конкретного труда.

Каждый вид конкретного труда характеризуется своими специфическими особенностями и качественно отличается от всех других видов конкретного труда. Все конкретные виды труда качественно разнородны.

Например, труд, создающий модельные туфли, и труд, производящий часы, качественно отличаются друг от друга множеством признаков. Совершенно различны применяемые орудия труда при изготовлении потребительных стоимостей. Различны и предметы труда, сырьё, вспомогательные материалы, необходимые в процессе производства потребительных стоимостей. Различны также приёмы и методы воздействия на предмет труда, технология производства. Отличаются друг от друга и характер выполняемых трудовых операций, степень искусности, мастерства и уровень квалификации, предварительного обучения, необходимые для изготовления потребительных стоимостей. Различно и влияние того или иного вида труда на организм человека, его здоровье, физическое и умственное развитие, а также общие условия производства (степень опасности для жизни, санитарно-гигиенические условия и т. п.). Наконец, различен конечный результат — каждый из этих видов труда создаёт качественно разнородные потребительные стоимости. Один вид конкретного труда не может заменить другого вида — каждый из них выполняет свою, [55] строго определённую функцию в системе совокупного общественного труда.

В популярной литературе иногда конкретным трудом называют профессию того или иного производителя, например говорят о конкретном труде сапожника, портного, кузнеца и т. п. Это не совсем точно. Портной, например, может шить не только костюмы, но и пальто, рубашки, нижнее бельё и т. д., следовательно, может создавать довольно широкий круг потребительных стоимостей. Следовательно, портной может заниматься различными видами конкретного труда. Это же относится и к кузнецу и к сапожнику, поскольку каждый из них специализируется не на производстве какой-то одной потребительной стоимости, а на производстве ряда потребительных стоимостей. Смена конкретного труда не всегда означает смену профессии. Если портной вместо костюмов начинает производить нижнее бельё, его конкретный труд изменился, а профессия осталась прежней. Это разграничение необходимо для понимания процесса переливов труда из одной конкретной формы в другую.

Оно необходимо и в другом отношении. Исторически те или иные профессии, более или менее узкая специализация производителей, возникают не сразу, их появление связано с определённой ступенью развития общества с определённым уровнем развития производительных сил и производственных отношений. Между тем необходимость в различных конкретных видах труда появляется вместе с возникновением человеческого общества. Конкретный труд существует и тогда, когда ещё нет узкой специализации производителей, и когда она появляется. Разделение совокупного общественного труда на различные виды конкретного труда является вечным и естественным условием человеческого общества, его объективной необходимостью, независимо от того, какие производительные силы и производственные отношения существуют в данном обществе.

Развитие различных видов конкретного труда является продуктом истории. Было бы неправильно полагать, что в любом обществе в любой исторический период времени существуют одни и те же виды конкретного труда. Человек средних веков никакого понятия не имел о таких потребительных стоимостях, как телевизор, радио, автомобиль, самолёт и т. д. Тогда отсутствовало [56] огромное количество конкретных видов труда, имеющих в настоящее время. Но каков бы ни был объём и характер потребностей людей, совокупный общественный труд всё равно должен быть разделен на самые различные конкретные виды труда. Эта необходимость не может быть ликвидирована никаким общественным строем. Общество погибнет, если оно не будет действовать в соответствии с этой необходимостью.

Специфически исторические общественные черты конкретного труда в товарном хозяйстве. Конкретный труд вообще, в чистом виде, никогда не существует. Он всегда осуществляется в определённой общественной форме, при определённых отношениях между людьми. И эта общественная форма придаёт конкретному труду

специфически исторические черты, которые носят уже не вечный и естественный, а исторически преходящий и общественный характер.

Чтобы понять специфику конкретного труда в товарном хозяйстве, рассмотрим сначала предшествующие ему общественные формы конкретного труда. Возьмём для начала первобытное общество, где господствовала общественная собственность, распределение труда по различным конкретным сферам осуществлялось сознательно самим коллективом. Здесь каждый вид конкретного труда с самого начала является необходимой частичкой совокупного труда общества. Специфика конкретного труда состоит в том, что он носит здесь непосредственно общественный характер, то есть с самого начала выступает как необходимая частичка совокупного общественного труда, имеет значение труда общественного. Каждый занимается только таким видом конкретного труда, который в данный момент нужен обществу. Это достигается благодаря сознательному регулированию распределения труда по различным конкретным сферам.

По-иному обстоит дело в товарном хозяйстве. Здесь отсутствует какое-либо плановое начало. Процесс производства осуществляется частными обособленными производителями, каждый из которых выбирает род деятельности по собственному усмотрению, на собственный страх и риск, не зная заранее, нужен ли тот или иной вид конкретного труда обществу в данный момент [57] или нет. Конкретный труд здесь уже не является трудом непосредственно общественным. Его специфика состоит в том, что он является трудом непосредственно частным. Конкретный труд выступает в частной форме или в форме труда частного.

Частная форма конкретного труда означает, во-первых, что те или иные конкретные виды труда становятся специальностью отдельных лиц. Этой особенности не существовало при натуральных формах хозяйства. Там непосредственный производитель не имел какой-то узкой специализации — он попеременно занимался то одним, то другим видом конкретного труда. Средневековый крестьянин занимался и земледелием, и ткачеством, и портняжничеством; был столяром, плотником, портным, сапожником и т. п. И эта последовательная смена конкретных форм труда являлась для него объективной необходимостью. У него не было иной возможности иным способом обеспечить удовлетворение своих разнообразных производственных и личных потребностей.

В товарном хозяйстве положение меняется. Каждый товаропроизводитель не обязан заниматься всеми видами конкретного труда. Он может заниматься каким-то одним или несколькими видами конкретного труда, а все остальные необходимые ему потребительные стоимости приобретать в обмен на продукты своего труда. Существует глубоко расчленённая система общественного разделения труда. И каждый частный производитель приобретает более или менее узкую специализацию на более или менее длительное время, иногда пожизненно.

Частная форма конкретного труда означает, во-вторых, что выбор того или иного вида конкретного труда, специализация производителей не планируется обществом заранее, а является частным делом частных лиц. Каждый выбирает род деятельности по собственному усмотрению, без каких-либо принудительных указаний со стороны других лиц. Он может в любое время сменить прежнюю специализацию и выбрать другую, если сочтёт это для себя выгодным. Никто из членов общества не может заставить его пожизненно заниматься тем или иным видом конкретного труда.

В-третьих, частная форма конкретного труда характеризуется тем, что каждый производитель, выбрав тот [58] или иной вид труда, на собственные средства приобретает необходимые средства производства, орудия труда, вспомогательные материалы, сырьё и т. п. Приобретённые средства производства являются его собственностью.

В-четвёртых, результат данного конкретного труда является собственностью отдельного частного производителя. Никто не имеет права насильственно взять продукт его труда. Производитель распоряжается произведённым продуктом по собственному усмотрению. Он может его продать, где хочет, когда хочет и на таких условиях, которые сочтёт для себя приемлемыми. Никто не имеет права навязать ему такие условия обмена, которые для него невыгодны или заставить его продавать свой товар именно в данном месте, на данном рынке, а не на другом и т. п.

Частная форма конкретного труда означает экономическую и юридическую самостоятельность частного производителя, его право выбирать род деятельности, производить и обменивать товары по собственному усмотрению без каких-либо принудительных мер со стороны других членов общества. Каждый частный товаропроизводитель выступает как автономный, обособленный, самостоятельный производитель.

Подобная хозяйственная самостоятельность, закреплённая юридическими законами, не всегда существовала. Она появляется лишь на определённом этапе исторического развития, при определённых общественных условиях. Она не даётся природой в готовом виде.

В феодальном обществе крестьянин имел собственные орудия труда, небольшой надел земли, располагал сырьём и занимался производством различных потребительных стоимостей, затрачивая свой труд в различных конкретных формах. Однако его конкретный труд не выступал в частной форме. Там ещё отсутствует узкая специализация и не обеспечена свобода выбора того или иного вида конкретного труда. Крестьянин должен в первую очередь выполнить свои повинности перед помещиком. Он вынужден заниматься теми видами конкретного труда, которые необходимы для помещика. Не он выбирает вид деятельности, а ему навязывается другим лицом тот или иной

вид занятий. Крестьянин не может свободно распоряжаться своим временем и [# 59] продуктами труда. Часть произведённых продуктов он обязан отдать помещику. Другую часть он имеет право использовать для себя. Но и здесь он ограничен. Без разрешения помещика он не может выехать на рынок для реализации товаров. Место продажи ограничено. Количество остающихся продуктов зависит от величины феодальной ренты. Лишь устранение феодальных отношений создаёт условия для превращения крестьянина в самостоятельного, обособленного, автономного производителя. И это объясняет нам отчасти, почему по мере того как феодальное крестьянство начинает производить для рынка, а не для личного потребления, оно вступает во всё более острый конфликт с помещиками и вместе с буржуазией борется за ликвидацию феодальных производственных отношений. Частная форма конкретного труда не может получить в рамках феодализма полного развития. И это лишний раз доказывает, что частная форма конкретного труда — не вечная и естественная форма труда, как это представляют буржуазные экономисты, а общественная, специфически историческая форма, возникшая лишь на определённом этапе развития общества.

Из той коренной особенности конкретного труда в товарном хозяйстве, что он выступает в частной форме, вытекает и его вторая специфическая черта. Конкретный труд не имеет значения непосредственно общественного труда, а выступает как труд скрыто общественный. Что это означает? Для ответа на этот вопрос прибегнем опять к сопоставлению с первобытным обществом. Там, как мы видели, каждый вид конкретного труда является трудом непосредственно общественным. Никто не выбирает конкретных видов труда по собственному усмотрению. Каждый действует в соответствии с единой волей коллектива. Его труд с самого начала выступает как необходимая частичка совокупного труда. Труд отдельного лица или группы, равно как и произведённые продукты, не находятся в конфликте с общественными потребностями, а служат их удовлетворению. В товарном хозяйстве это невозможно. Поскольку здесь труд носит частный, обособленный характер, каждый выбирает род деятельности по своему усмотрению, не зная действительных потребностей общества, конкретный труд, затраченный в частной форме, может быть и [# 60] не быть необходимой частичкой общественного труда. Он может производить такие продукты, которые вчера удовлетворяли общественную потребность, а сегодня оказались излишними, ненужными. Его конкретный труд вчера входил необходимым звеном в совокупный общественный труд, а сегодня, в связи с переполнением рынка продуктами данного вида конкретного труда, оказывается излишним, ненужным, не имеет значения частицы общественного труда.

В условиях, например, первобытного общества в случае удовлетворения той или иной потребности общество сознательно приостанавливало производство данного вида продукта. Труд направлялся в другие конкретные сферы, в соответствии с потребностями общества. Данный конкретный вид труда сменялся другим конкретным видом труда. И в том и в другом случае труд с самого начала является непосредственно общественным. В товарном хозяйстве такая немедленная смена конкретных видов труда в соответствии с общественными потребностями невозможна. Частный товаропроизводитель уже выбрал вид конкретного труда, затратил средства на приобретение необходимых орудий труда, сырья, приобрёл соответствующую квалификацию. Он не может немедленно покинуть данную конкретную сферу производства. В случае переполнения рынка данным видом товаров он по-прежнему продолжает находиться в данной сфере, ищет новых рынков сбыта, продолжает выжидать более выгодной конъюнктуры. Переквалификация, как правило, связана с огромными трудностями, дополнительными материальными затратами и посильна лишь незначительной зажиточной верхушке. Для рядовой массы производителей этот процесс мучителен и разорителен.

При выборе специализации каждый товаропроизводитель руководствуется показаниями рынка. Он стремится производить такие товары, на которые большой спрос и высокие цены. Никто точно не знает, каков действительный объём потребностей общества в данном товаре. Сегодня спрос на эти товары мог быть значительным, а через месяц может оказаться, что предложение товаров значительно превышает спрос. Тот конкретный вид труда, который сегодня считался нужным обществу, через месяц может оказаться излишним. [# 61] Отсюда следует, что при той форме производства, где конкретный труд затрачивается в частной форме, он не может иметь значение непосредственно общественного труда, а выступает как труд скрытообщественный, о котором никогда нельзя с уверенностью сказать, что он является необходимой составной частичкой совокупного общественного труда. Он может быть таковым при определённых условиях, а может и не быть им с изменением условий.

На этой основе развивается глубокое противоречие между общественным и частным трудом, которое является основным противоречием товарного производства, определяющим все линии и направления его развития.

§ 3. Противоречие между частным и общественным трудом

Понятие общественного труда и его специфика в товарном хозяйстве. Общественный труд в любом обществе складывается из совокупности различных конкретных видов труда. Каждый вид конкретного труда должен выполнять строго определённую функцию в системе общественного разделения труда, производить такие потребительные стоимости, которые в данный момент нужны обществу, и в таком количестве, которое соответствует объёму общественных потребностей.

Между различными видами конкретного труда должна быть строго определённая пропорциональность. Резкое

нарушение её приведёт к перерывам в процессе общественного производства, а тем самым подорвёт основу существования человеческого общества.

В товарном хозяйстве общественный труд складывается из совокупности труда частных обособленных товаропроизводителей. Формально все частные производители самостоятельны, автономны и независимы друг от друга. Однако на деле они связаны системой общественного разделения труда. Производство одного товаропроизводителя внутренне связано с производством всех остальных. По своему содержанию труд товаропроизводителей носит общественный характер, а по [62] форме — частный. Каждый выступает как орган единого общественного труда, должен выполнять строго определённую функцию в системе общественного производства. Формально каждый товаропроизводитель может производить любую потребительную стоимость, какую пожелает, на деле он должен производить только такие потребительные стоимости, которые нужны обществу, имеют общественную потребительную стоимость. Товаропроизводитель имеет право выбрать любой вид конкретного труда. На деле же он должен выбирать такие виды конкретного труда, которые являются необходимыми звеньями общественного труда. Если он этого не сделает, продукт данного вида конкретного труда не будет принят в обмен, а сам товаропроизводитель не сможет приобрести у других необходимых средств производства и предметов потребления. Формально товаропроизводитель имеет право производить такое количество товаров, какое сочтёт нужным. На практике в обмен будет принято только то количество товаров, которое в данный момент необходимо для удовлетворения общественных потребностей. Излишки не найдут сбыта. Формально каждый производитель независим от других, на деле же он связан со всеми остальными, является частью единого общественного труда, и его производство подчиняется законам развития всего общественного производства. Как орган единого общественного труда каждый должен выполнять определённые функции в системе общественного производства — производить то, что нужно обществу в данный момент и в таком объёме, который соответствует общественным потребностям. Но в силу частной формы труда ни один товаропроизводитель не может знать, каковы действительные потребности общества. Общественное разделение труда требует строгих пропорций, а частная форма труда препятствует этому. На этой основе и развёртываются глубокие противоречия.

В совокупный общественный труд включается труд только тех производителей, которые осуществляют процесс производства в соответствии с потребностями общества, и чей труд является необходимым звеном в системе общественного разделения труда. Частный труд тех товаропроизводителей, которые выбрали специализацию не в соответствии с общественными потребностями, [63] не включается в совокупный общественный труд, не является его необходимой составной частью. Хотя общественный труд всегда выступает в товарном хозяйстве как совокупность труда частных производителей, неправильно делать заключение, что труд любого частного производителя является необходимым звеном общественного труда. Он может быть таковым, а может и не быть. Для каждого товаропроизводителя всегда существует глубокая проблема включения в состав единого общественного труда, ибо, если его труд не будет являться частицей общественного труда, он не получит права на приобретение продуктов труда других производителей. С другой стороны, для развития всего общественного производства необходимо, чтобы каждый товаропроизводитель осуществлял процесс производства в соответствии с общественными потребностями. Если многие товаропроизводители займутся такими видами труда, которые в данный момент не нужны обществу, то в обществе может оказаться недостаток в тех или иных видах товаров и продолжение процесса производства будет затруднено.

Суть противоречия между общественным и частным трудом. Если бы все товаропроизводители точно выполняли отведённые им общественные функции, всё общественное производство развивалось бы и функционировало нормально. Но это не возможно в условиях, когда общественное производство складывается из совокупности частных, обособленных производств, каждое из которых развивается производителями по их собственному усмотрению, на собственный страх и риск, без знания действительных потребностей общества. Частная форма труда препятствует установлению и поддержанию строгих пропорций в развитии различных конкретных отраслей материального производства.

Буржуазные экономисты утверждают, что, как правило, все частные производители выбирают род деятельности и осуществляют частное производство в соответствии с общественными потребностями. Лишь отдельные неудачники ошибаются в выборе. Поэтому никаких особенных противоречий в общественном производстве не возникает. Его развитие якобы идёт гладко, бесперебойно. Подобные утверждения носят апологетический [64] характер и призваны замаскировать основное противоречие товарного производства.

В действительности не отдельные неудачники, а любой частный товаропроизводитель, независимо от его воли, желания и способности, Может оказаться в положении человека, выбравшего не тот вид конкретного труда, который в данный момент нужен обществу. Подобное явление неизбежно в обществе, основанном на частной собственности. Оно происходит не в единичных, а массовых масштабах, отражаясь как на развитии всего общественного производства, так и на судьбе каждого отдельного производителя.

Предположим, на сегодня все товаропроизводители выбрали специализацию в соответствии с потребностями общественного производства. Труд каждого является признанным, патентованным звеном в системе общественного разделения труда, необходимой составной частичкой общественного труда. На первый взгляд развитие такого про-

изводства пойдёт гладко, бесперебойно, без конфликтов, никакого противоречия между частным и общественным трудом не будет, так как всякий частный труд есть в то же время частица общественного. Однако это не так.

Каждый частный производитель определяет объём производства по собственному усмотрению, не зная действительных потребностей общества и заботясь лишь о том, чтобы произвести и продать как можно больше товаров и получить больше доходов. Рост производительности труда на каждом из частных предприятий увеличивает объём производимых потребительных стоимостей. На определённом этапе объём производства превысит существующую общественную потребность. Общество, например, нуждается в 1000 единиц данного товара, а произведено 2000. 1000 единиц пойдёт на обмен, а другая 1000 окажется излишней. Если в данной отрасли находилось 100 производителей, то это будет означать, что половина производителей работает в соответствии с общественными потребностями, другая половина производит излишек, ненужный обществу. Хотя все выбирали специализацию в соответствии с общественным разделением труда, труд части производителей оказывается излишним, ненужным, выключается из состава общественного труда. Продукт какой-то части производителей [65] окажется ненужным, не будет иметь общественной потребительной стоимости, хотя сам по себе данный вид конкретного труда в определённых размерах необходим в системе общественного разделения труда. «И если даже, — пишет Маркс, — труд данного производителя товаров, например нашего ткача, есть патентованное звено общественного разделения труда, то это отнюдь ещё не гарантирует, что как раз его 20 аршин холста будут иметь потребительную стоимость. Если общественная потребность в холсте, которая, как и всё прочее, имеет границы, уже удовлетворена конкурентами данного ткача, продукт нашего приятеля окажется избыточным, излишним, а следовательно, и бесполезным»²⁸.

Но главное даже не в этом. Противоречие между частным и общественным трудом принимает особенно острый характер в связи с тем, что состав конкретных видов труда, входящих в совокупный общественный труд, не является чем-то постоянным, неизменным, раз навсегда данным. В связи с развитием производительных сил изменяются орудия труда, техника производства, изменяется характер предметов труда, подвергаемых обработке, характер вспомогательных материалов и т. д. Возникает общественный спрос на совершенно новые виды потребительных стоимостей. Между тем все товаропроизводители уже специализировались на изготовлении тех видов потребительных стоимостей, которые были нужны обществу при прежнем уровне развития производительных сил. Спрос на старые орудия труда, сырьё, вспомогательные материалы сокращается. Конкретные виды труда, считавшиеся ранее необходимыми в системе общественного разделения труда, теперь оказываются излишними, ненужными, а их продукты не принимаются в обмен. Труд частных производителей, являвшийся ранее необходимой частью общественного труда, теперь теряет своё общественное значение, выпадает из состава общественного труда. Огромное количество производителей, связанных со старыми видами конкретного труда, оказываются в тяжёлом положении. Продукты их труда не принимаются в обмен или принимаются на очень невыгодных условиях и в ограниченном количестве. Их доходы резко сокращаются. Возникает необходимость перехода в другую отрасль производства.

Развитие производительных сил общества практически не имеет границ. А это означает, что и состав конкретных видов труда, входящих в совокупный общественный труд, всё время меняется. Поэтому неизбежно оказывается, что частный труд товаропроизводителей то принадлежит общественному труду, является его частью, то выпадает из общественной связи, становится ненужным. Этот процесс развёртывается не только в связи с развитием производительных сил общества, но и в связи с изменением общественных потребностей в предметах личного потребления. Переход, например, к изготовлению тканей из синтетических материалов, из искусственного шёлка и т. п. сокращает спрос на те виды сырья, которые использовались прежде. В связи с изменением технологии производства изменяется и характер спроса на орудия труда. Многие виды конкретного труда, считавшиеся прежде необходимыми, теперь становятся излишними. Изменения в одной отрасли производства неизбежно отражаются на всех других видах конкретного труда, связанных с данной отраслью.

Прогресс в развитии производительных сил и общественном разделении труда идёт независимо от воли и желания отдельных производителей. Ни один из них никогда не может предугадать, в каких видах товаров возникает повышенная потребность, а какие виды товаров окажутся ненужными. «Разделение труда есть естественно выросший производственный организм, нити которого сотканы и ткуются далее за спиной товаропроизводителей... Сегодня данный продукт удовлетворяет известной общественной потребности. Завтра он, быть может, будет вполне или отчасти вытеснен с своего места другим подобным ему продуктом»²⁹. Поэтому ошибки в выборе специализации вызываются не субъективными просчётами и не способностями отдельных производителей, а объективно обусловлены самой системой производственных отношений между людьми, глубоким противоречием между частным и общественным трудом. Они не случайны, а закономерны и неизбежны. [67]

Приведём один из примеров. В 1959–1960 гг. в северных районах Италии наблюдался промышленный подъём. Казалось бы, в этот период дела всех частных предпринимателей должны идти хорошо, но на деле оказалось иное: было закрыто 7700 предприятий мелкого, среднего и даже крупного размеров. Их владельцы либо обанкротились,

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 116–117.

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 116.

либо стояли на грани банкротства. Почему это произошло? Виноваты ли сами предприниматели, их способности и т. п.? Нет. Период промышленного подъёма, в связи с развитием производительных сил, вызвал иную структуру спроса на орудия труда, сырьё, вспомогательные материалы и, отчасти, предметы потребления, чем прежде. Кто продолжал производить старые виды потребительных стоимостей, теперь не мог их сбыть. Конкретный труд, затраченный в данных сферах, оказался ненужным при данном состоянии общественного производства. Выявился спрос на новые виды товаров. Кто не успел приспособиться к новым условиям, оказался на грани разорения. В их числе оказались не только «бездарные», но и способные предприниматели. В то же время лица, успевшие переключиться на производство новых видов товаров, требующихся для периода промышленного подъёма, ввиду возросшего спроса и повышения цен начали быстро обогащаться. В их числе оказались не только даровитые, но и бездарные, ограниченные люди. Стихия вознесла одних и бросила в пропасть других, не считаясь с биологическими особенностями людей.

Основное противоречие товарного производства выражается в анархичном, диспропорциональном развитии общественного производства. В одних отраслях избыток труда, в других — недостаток. Одни развиваются быстро, другие отстают. Одних видов товаров производится больше чем нужно, в других ощущается острый недостаток. Общественное производство развивается неравномерно, периодически наступают перерывы. Стихийные переливы труда из одной сферы производства в другую приводят к диспропорциональности развития.

Основное противоречие неизбежно вызывает дифференциацию товаропроизводителей. Если данный вид конкретного труда перестаёт быть необходимым звеном в общественном разделении труда, то товаропроизводитель [# 68] либо совсем не может продать произведённых продуктов, либо продаёт их на невыгодных условиях, а следовательно, будет затруднено развитие его собственного производства. Его положение будет ухудшаться. Возникает проблема перехода в другую отрасль производства. Новая специализация требует новых материальных затрат, приобретения новых орудий и средств производства и освоения новой специальности. Всё это тяжело отражается на судьбе производителя; усиливается массовое разорение и обнищание. В то же время часть производителей, выбравшая специализацию в соответствии с общественными потребностями и для которой переход в другую отрасль не нужен, будет обогащаться, используя высокий спрос и выгодные условия сбыта производимой продукции.

Перегруппировки внутри системы общественного разделения труда, происходящие стихийно и независимо от воли и желаний отдельных производителей, неизбежно ведут к возвышению и обогащению одних, разорению и обнищанию других.

Способ разрешения основного противоречия. Поскольку в товарном хозяйстве существует обособленность и изолированность частных производителей, неизбежно возникает вопрос, может ли вообще развиваться общественное производство на такой основе. Не получится ли так, что общество будет иметь избыток машин и в то же время умирать с голоду или, напротив, иметь избыток средств существования, но в то же время не располагать средствами производства, необходимыми для продолжения процесса труда. Практика показывает, что общественное производство такого типа не только существует, но и на определённом этапе исторического развития оказалось более эффективным по сравнению со всеми предшествовавшими типами. Это говорит о том, что при данном строе общественных отношений имеется какой-то стихийный регулятор, действующий независимо от воли и желаний людей и устанавливающий определённое соответствие между различными сферами конкретного труда, регулирующий ту или иную пропорциональность в развитии различных отраслей материального производства.

При внимательном изучении товарного хозяйства обнаруживается, что функцию регулирования общественно-го производства, распределения общественного труда по различным сферам в соответствии с общественными потребностями выполняют не люди, а сами вещи — товары. Не люди указывают друг другу, кто каким видом труда должен заниматься, а сами продукты труда. Одна из специфических черт товарного производства состоит в том, что общественная значимость того или иного вида конкретного труда удостоверяется не непосредственно, а через продукт данного вида труда, через его движение на рынке. В непосредственном процессе производства конкретный труд каждого частного товаропроизводителя носит скрытообщественный характер. Его принадлежность к общественному труду обнаруживается тогда, когда продукт этого вида труда поступает на рынок и обменивается на другие товары. Если товар не принимается, в обмен или принимается по очень низким ценам, то товаропроизводитель получает сигнал о том, что избранный им вид конкретного труда либо уже не нужен, либо становится ненужным в системе общественного разделения труда. Если же, наоборот, тот или иной вид товаров продаётся по высоким ценам и имеет возрастающий спрос, то в данный момент именно эти виды конкретного труда являются необходимым звеном в системе общественного разделения труда. Меновая стоимость товаров, пропорции их обмена являются единственным показателем, удостоверяющим общественную значимость конкретных видов труда, их принадлежность к совокупному общественному труду. Вместе с тем меновая стоимость товаров выступает как внешняя, принудительная сила, заставляющая товаропроизводителей уходить из сфер производства, которые в данный момент не нужны обществу или нужны в меньшем количестве, и переходить в сферы производства наиболее выгодные, сулящие добавочные доходы. Если товар принят в обмен и реально обменялся на другие товары, то это означает, что затраченный на его производство частный конкретный труд имеет значение общественного труда, выступает как необходимое звено в системе общественного разделения труда. Если не принят, то затра-

ченный на его производство частный конкретный труд не рассматривается как необходимая составная частичка совокупного общественного труда, остается трудом частным, не имеет никакого общественного значения и потому не находит выражения в меновой стоимости.

Общественный труд и субстанция стоимости. А отсюда вытекает следующий важный вывод: в меновой стоимости товара выражается не просто факт затраты труда того или иного лица, а тот Факт, что в товаре воплощено определённое количество общественного труда. Это обстоятельство имеет принципиально важное значение для понимания всей марксовой теории стоимости. Товар приобретает стоимость не потому, что он продукт труда, а потому, что он продукт **общественного труда**, что затраченный на его производство труд частного лица является необходимой составной частью единого общественного труда.

Предположим, нам известно, что товаропроизводитель А произвёл костюм и затратил на него 20 часов. Означает ли это, во-первых, что этот костюм имеет стоимость, а, во-вторых, что величина этой стоимости определяется 20 часами труда? Вопрос о величине стоимости мы рассмотрим в следующей главе. А сейчас обратим внимание на первую часть вопроса. Если бы труд всякого частного товаропроизводителя с самого начала являлся необходимым звеном в системе общественного разделения труда, имел значение общественного труда, то тогда правомерно сделать вывод, что любой продукт, произведённый товаропроизводителем, имеет стоимость. Но в реальной действительности всё обстоит сложнее.

Каждый частный товаропроизводитель на личном опыте постоянно сталкивается с необъяснимым на первый взгляд фактом, что при одних условиях продукт его труда принимается в обмен на выгодных условиях, при других — на невыгодных, при третьих — даже вообще не принимается в обмен, за ним не признается никакая стоимость. Наш товаропроизводитель всё время затрачивает труд на производство данного товара, но в одних случаях этот труд учитывается обществом как необходимая частичка совокупного общественного труда, а в других — не получает общественной оценки. Труд частного производителя обладает способностью создавать стоимость только в том случае, если он затрачивается как необходимая часть общественного труда.

К. Маркс неоднократно подчёркивал, что субстанцией стоимости является не просто труд, а общественный [71] труд. В докладе, прочитанном на заседании Генерального совета Международного товарищества рабочих и изданном в дальнейшем в виде брошюры «Заработная плата, цена и прибыль», он указывал: «Чтобы произвести товар, необходимо затратить на него или вложить в него известное количество труда. И я говорю не просто о *труде*, а об *общественном труде*».

Разъясняя эту мысль, Маркс далее говорит:

«...Чтобы произвести *товар*, человек не только должен произвести предмет, удовлетворяющий ту или иную *общественную* потребность, но и самый его труд должен составлять неотъемлемую часть общей суммы труда, затрачиваемой обществом. Его труд должен быть подчинён *разделению труда внутри общества*. Он — ничто без других подразделений труда и в свою очередь необходим, чтобы их *дополнять*. Рассматривая *товары как стоимости*, мы рассматриваем их исключительно как *воплощённый, фиксированный* или, если хотите, *кристаллизованный общественный труд*...

Товар имеет *стоимость* потому, что он представляет собой *кристаллизацию общественного труда*»³⁰.

В этом же докладе Маркс ещё раз указывал: «Вы помните, что я употребил выражение «*общественный труд*», а это выражение «*общественный*» означает очень многое»³¹.

В «Капитале» для выражения этой мысли Маркс пользуется термином «общественно необходимый труд». Об общественно необходимом труде в учебных пособиях иногда пишут не в параграфе, посвящённом субстанции стоимости и её качественной характеристике, а в параграфе о величине стоимости. Это создаёт у изучающих представление, будто понятие общественно необходимого труда всецело связано с количественной характеристикой стоимости, но не имеет прямого отношения к проблеме субстанции стоимости, её качественного содержания. Между тем у Маркса понятие общественно необходимого труда имеет и качественную и количественную характеристику, оно необходимо как для характеристики субстанции стоимости, так и для характеристики её величины. [72]

С качественной точки зрения общественно необходимый труд — это труд, затрачиваемый как необходимое звено в системе общественного разделения труда, как составная часть совокупного общественного труда. Чтобы продукт имел стоимость, на него должен быть затрачен не просто труд, а общественно необходимый труд, то есть труд частного лица, являющийся одновременно необходимым звеном совокупного общественного труда. Лишь после того как доказана принадлежность данного вида труда к совокупному общественному труду, то есть признана его общественная необходимость, может быть поставлен вопрос о количестве этого общественно необходимого

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 124–125.

³¹ Там же, стр. 127.

труда, заключённого в том или ином товаре. А это количество измеряется продолжительностью затрат общественного труда, то есть общественно необходимым рабочим временем, о чем более подробно мы будем говорить в следующей главе.

Стоимость товара не является чем-то раз навсегда данным, постоянно присутствующим в продуктах труда всех, частных производителей. Она является чем-то «неуловимым», по выражению Маркса, присутствует в данном товаре при одних условиях, отсутствует при других. Поскольку, как мы видели, структура общественного разделения труда изменяется, неизбежно оказывается, что продукт данного вида конкретного труда, имевший ранее стоимость и принадлежащий к системе общественного труда в одних условиях, оказывается выключенным из общественной связи при других условиях. Свойство стоимости носит поэтому чисто общественный характер. Оно не присуще продуктам труда от природы, а даётся обществом и имеет назначение удостоверить общественную природу труда, воплощённого в тех или иных товарах. Стоимость выступает как особый общественный способ учёта, измерения и распределения общественного труда в условиях товарного производства. Свойство стоимости рождается как способ разрешения основного противоречия между общественным и частным трудом.

Чтобы вскрыть природу меновой стоимости и скрывающейся за ней стоимости, Маркс ведёт анализ при предположении, что спрос равен предложению. Равенство спроса и предложения означает, что все товаропроизводители занимаются производством именно тех [# 73] товаров, которые в данный момент нужны обществу. Их конкретный труд выступает необходимым звеном в системе общественного разделения труда. При этой предпосылке труд, воплощённый в любом из товаров, имеет значение общественного труда. Каждый товар, как сгусток части общественного труда, приобретает стоимость и обменивается в той или иной пропорции на другие товары. Величина стоимости определяется количеством общественного труда, воплощённого в каждом из товаров. Стоимость каждого отдельного товара характеризует отношение части к целому, части общественного труда к совокупному общественному труду. Все товары соизмеримы друг с другом и обмениваются в определённых пропорциях в соответствии с количеством труда, воплощённого в каждом из них.

Положение меняется, если равенство между спросом и предложением нарушено, а это типично для товарного хозяйства. Изменения в соотношении спроса и предложения отражают изменения в распределении труда по различным конкретным сферам. Теперь уже нельзя сказать, что труд любого частного производителя является необходимой составной частью общественного труда. Одни виды конкретного труда включаются в состав совокупного общественного труда, другие оказываются за его пределами. Затраты труда частных товаропроизводителей, которые входят в состав совокупного общественного труда, будут создавать стоимость. Часть же конкретных видов труда окажется ненужной в системе общественного разделения труда. Затраты труда частных производителей, выключенных из системы общественного труда, не будут создавать никакой стоимости. Продукты этого труда вообще не будут приниматься в обмен. Таким образом, стоимость товаров объединяет лишь те виды труда, которые входят в систему общественного труда, но не распространяется на все без исключения виды частного труда, существующие в данный момент в обществе.

У Маркса в «Капитале» имеется следующее высказывание: «Вещь не может быть стоимостью, не будучи предметом потребления. Если она бесполезна, то и затраченный на неё труд бесполезен, не считается за труд и потому не образует никакой стоимости»³². [# 74]

Маркс предусматривает здесь случай, когда труд не образует никакой стоимости, хотя он и затрачен. Это высказывание иногда подвергается весьма спорным трактовкам. Некоторые комментаторы полагают, что речь идёт о каком-то редком, исключительном случае, когда какой-нибудь бестолковый производитель затратил свой труд на создание неопределённого предмета, не имеющего полезных свойств и потому не являющегося потребительной стоимостью. Если бы речь шла о каком-то «ненормальном» товаропроизводителе, то Маркс, разумеется, не стал бы обращать внимания на подобные факты в научном труде, посвящённом выявлению типичного, закономерного. Он счёл необходимым выдвинуть это положение, на наш взгляд, потому, что предусмотренный им случай не только возможен, но и часто встречается в товарном хозяйстве.

Центральная мысль Маркса в этом высказывании состоит в том, чтобы установить внутреннюю связь между полезностью вещи и её стоимостью. Бесполезная вещь не имеет стоимости. Стоимость имеют только полезные вещи. В каком смысле Маркс пишет здесь о полезности вещи? С точки зрения общества или отдельного индивида? Когда Маркс говорит, что «вещь не может быть стоимостью, не будучи предметом потребления», то по существу речь идёт о том, что не могут иметь стоимости вещи, которые не обладают общественной потребительной стоимостью, являются бесполезными с точки зрения общества. Речь идёт не о бесполезности вообще, не об отсутствии потребительной стоимости, а о бесполезности вещи с общественной точки зрения, об отсутствии у неё общественной потребительной стоимости. Но раз вещь не имеет общественной потребительной стоимости, то это означает, что затраченный на её производство конкретный труд не является общественно необходимым трудом, не выступает в качестве необходимого звена в общественном разделении труда, а потому, с общественной точки зрения, он бесполезный труд. Он «не считается за труд» не потому, что не было затрат труда, а потому что затраченный труд

³²К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 49.

не является частичкой общественного труда. А раз в продукте нет общественного труда, то в нем нет и стоимости. Случаи, когда товаропроизводители производят бесполезные, с общественной точки зрения, вещи, [# 75] не имеющие стоимости, — не единичны. Они происходят в силу основного противоречия в массовом масштабе. И перед каждым товаропроизводителем, «сбившимся с пути», оказавшимся за пределами общественного труда, со всей остротой возникает проблема — снова включиться в общественный труд, производить общественные потребительные стоимости. Только при этом условии затрачиваемый ими труд будет создавать стоимость, а продукты труда будут приниматься в обмен.

Чтобы понять природу стоимости, необходимо в первую очередь глубоко усвоить, что свойство стоимости — это такое общественное свойство вещи, которое имеет своим назначением удостоверить принадлежность того или иного вида частного конкретного труда к совокупному общественному труду. Необходимость в подобном свойстве вещи возникает только в таком обществе, где процесс производства осуществляется частными обособленными производителями и где существует глубокое противоречие между частным и общественным трудом.

§ 4. Абстрактный труд

Абстрактным трудом Маркс называет труд, воплощённый в стоимости товара в отличие от конкретного труда, создающего потребительные стоимости. Абстрактный труд и стоимость внутренне связаны друг с другом. Раскрыть природу абстрактного труда — это значит раскрыть содержание, сущность стоимости.

В отличие от конкретного труда, создающего потребительные стоимости и характеризующегося качественной разнородностью, абстрактный труд рассматривается Марксом как качественно однородный, одинаковый, всеобщечеловеческий труд. Труд, воплощённый в стоимости одного товара, обладает точно такими же качествами, как и во всех остальных товарах, и отличается только своим количеством. Если бы труд не обладал каким-то единым качеством, то сравнение стоимостей товаров было бы вообще невозможным, а труд не мог бы выступать в качестве единой меры стоимостей.

Одна из главных трудностей при исследовании абстрактного труда состоит в выяснении вопроса, в чем именно заключается качественная однородность, одинаковость труда, воплощённого в стоимости товара. [# 76]

«Физиологическая» и «социологическая» версии абстрактного труда. В советской экономической литературе 20–30-х годов по этому вопросу развернулась оживлённая дискуссия, в ходе которой выявились две диаметрально противоположные трактовки абстрактного труда. Сторонники так называемой «физиологической версии» видели сущность абстрактного труда в том, что он представляет собой затраты труда в физиологическом смысле, безотносительно к конкретным формам этих затрат.

При таком подходе неизбежно оказывалось, что абстрактный труд — это вечная категория, ибо затраты труда в физиологическом смысле всегда существовали и будут существовать. А поскольку, согласно Марксу, абстрактный труд — это труд, образующий сущность стоимости, то логически нужно было делать вывод о том, что стоимость — это тоже вечная категория, существующая всюду, где имеют место затраты труда в физиологическом смысле. Этот вывод приходил в прямой конфликт с прямыми высказываниями Маркса о том, что стоимость носит не вечный, а исторически преходящий характер. Согласно Марксу, и абстрактный труд, образующий сущность стоимости, должен являться не вечной, а исторически преходящей категорией. Физиологическая версия абстрактного труда оказалась в конфликте с теорией стоимости Маркса.

В противовес этой концепции была выдвинута так называемая «социологическая версия» абстрактного труда. Сторонники этой концепции главным содержанием абстрактного труда считали не затраты труда в физиологическом смысле, а определённую общественную форму, определённый тип производственных отношений. Они отрицали какое-либо материальное содержание абстрактного труда. Сторонники социологической версии утверждали, что абстрактный труд образуется не в сфере производства, а в сфере обмена. В производстве имеет место только конкретный труд. Абстрактный же труд возникает лишь в обмене, в ходе взаимных отношений товарладельцев. Отрицание материального содержания абстрактного труда объективно вело к целому ряду извращений. Так как стоимость, в основе которой лежит абстрактный труд, по их мнению, лишена реального трудового содержания, то этого содержания [# 77] нет и в прибавочной стоимости, а, следовательно, нет и эксплуатации капиталистами рабочего класса.

Если сторонники физиологической версии рассматривали труд только как отношение людей к природе и игнорировали общественную форму труда, то сторонники «социологической» версии, напротив, впадали в другую крайность — видели в абстрактном труде только отношения людей друг к другу, но не видели отношения людей к природе.

В последующем были сделаны попытки эклектически сочетать обе версии абстрактного труда. Выдвигалось положение о том, что абстрактный труд, с одной стороны, — это затраты труда в физиологическом смысле слова, а с другой стороны, — это производственное отношение, что обе эти стороны находятся в единстве и их нельзя отрывать друг от друга, чтобы не извратить марксово учение об абстрактном труде. Однако коренной недостаток

эклектиков состоял в том, что они не могли раскрыть той внутренней связи, которая существует между затратами труда в физиологическом смысле и абстрактным трудом как производственным отношением, каково соотношение между этими сторонами, является ли одна сторона содержанием, а другая формой, или обе стороны равноправно характеризуют само содержание абстрактного труда, а может быть, одна сторона характеризует материальное содержание абстрактного труда, а другая — его общественную форму.

Провозглашая единство названных сторон, они по существу понимали это единство механически, а не диалектически.

Совместными усилиями советских экономистов «физиологическая», «социологическая» версии и их эклектические сочетания успешно преодолены, и в настоящее время лишь изредка встречаются отголоски этих версий у отдельных экономистов.

Содержание абстрактного труда и его форма. Если систематизировать высказывания Маркса о природе и существенных признаках абстрактного труда, то можно выделить шесть основных групп определений, которые встречаются и в «Критике политической экономии», и в «Капитале», и в «Теориях прибавочной стоимости». [# 78]

Первая группа определений связана с характеристикой абстрактного труда как затрат рабочей силы в физиологическом смысле, безотносительно к форме этих затрат.

Вторая группа акцентирует внимание на том, что труд, воплощённый в стоимости, — это не просто труд, а общественный труд, что речь идёт не о простой затрате рабочей силы, а о затратах общественной рабочей силы.

В третьей группе определений подчёркивается, что труд, воплощённый в стоимости, — это не просто общественный труд, а взятый в особой исторической форме, по выражению Маркса, «специфический вид общественного труда», или общественный труд «в особенном роде».

Четвёртая группа определений связана с подчёркиванием того, что абстрактный труд обнаруживается и получает самостоятельную форму выражения только в овеществлённой форме, после того как продукт произведён и вынесен на рынок для обмена на другие товары. Абстрактный труд до обмена не обладает самостоятельной формой.

Пятая группа определений характеризует абстрактный труд как труд, который в отличие от конкретного труда, выражающегося в одной потребительной стоимости, может быть выражен во всех потребительных стоимостях.

Наконец, шестая группа определений связана с характеристикой абстрактного труда, как простого, среднего труда, к которому сводятся всё более сложные виды труда.

На различных этапах рассмотрения абстрактного труда Маркс выделяет то одну, то другую из рассмотренных сторон, но встречаются и такие комплексные определения труда, воплощённого в стоимости, в которых указаны все перечисленные признаки. Отсюда напрашивается вывод, что каждый из данных признаков рассматривается Марксом как существенный признак абстрактного труда и игнорирование какого-либо одного из них не даст его точной характеристики. Тем более недопустимо абсолютизирование какого-то одного из признаков.

Но было бы неправильным полагать, будто каждый из названных признаков имеет равноправное значение. В перечне определений видно, что одни из них характеризуют абстрактный труд в непосредственном процессе производства, а другие подчёркивают ту форму, в которой он обнаруживается в сфере обмена; в одних определениях даётся содержание абстрактного труда, в других его форма. Было бы грубейшей ошибкой эклектически сочетать все эти определения. Задача состоит в том, чтобы, не игнорируя ни одного из определений абстрактного труда, даваемого Марксом, установить внутреннюю связь между ними.

Мы уже говорили о том, что при исследовании экономических категорий Маркс придерживается следующей схемы: сначала даёт наиболее простые определения, характеризующие поверхность явлений, затем движется к раскрытию сущности, а после того как раскрыта сущность, возвращается к характеристике форм, в которых эта сущность обязательно должна проявляться.

Нечто подобное мы видим и при характеристике абстрактного труда.

Первое, что констатирует Маркс при исследовании труда, воплощённого в стоимости, — его качественную однородность. Если бы труд не обладал качественной однородностью, товары не могли бы соизмеряться друг с другом. Труд, взятый в конкретной форме, не обладает этой качественной однородностью, напротив, он качественно разнороден. При обмене товаров, происходит отвлечение, «абстрагирование» от конкретных форм затрат и выделяется общее, что содержится во всех видах конкретного труда. Этим общим является то, что все виды конкретного труда представляют собой затрату человеческой рабочей силы, расходование определённого количества мускулов, нервов, мозга и т. д. Труд, рассматриваемый в физиологическом смысле, характеризуется Марксом как «абстрактный», то есть «отвлечённый» труд. Эта характеристика абстрактного труда носит ещё слишком общий, «абстрактный» характер и может быть применена к труду в любой общественно-экономической формации. Абсолютизирование

этого определения неизбежно приведёт к неисторической трактовке абстрактного труда. Поэтому Маркс не ограничивается этим определением, а постепенно конкретизирует его, всё более и более приближаясь к самым существенным определениям.

Другое его определение гласит: «Но тот труд, кото[# 80]рый образует субстанцию стоимостей, есть одинаковый человеческий труд, затрата одной и той же человеческой рабочей силы. Вся рабочая сила общества, выражающаяся в стоимостях товарного мира, выступает здесь как одна и та же человеческая рабочая сила, хотя она и состоит из бесчисленных индивидуальных рабочих сил»³³.

Во-первых, совершенно очевидна прямая связь между этим определением и предыдущим. Для Маркса труд, воплощённый в стоимости, то есть абстрактный труд, является совершенно реальной, объективно существующей затратой человеческой рабочей силы в физиологическом смысле. Труд как отношение людей к природе имеет своим содержанием прежде всего расходование человеческой рабочей силы. Исключить затраты в физиологическом смысле из понятия абстрактного труда — это значит превратить абстрактный труд в нечто нематериальное, теоретически мыслимое, реально не существующее в процессе производства.

Во-вторых, в данном определении подчёркивается новый момент, речь идёт уже не просто о затрате труда в физиологическом смысле, а о затрате общественной рабочей силы или «рабочей силы общества». Мы отмечали, что субстанцией стоимости, по мнению Маркса, является не просто труд, а «общественный труд», и что стоимость создаётся не самим фактом затрат рабочей силы, а затратами общественной рабочей силы. Акцентирование Маркса на этой стороне вопроса не случайно.

Для того чтобы создать стоимость, должен иметь место не просто факт расходования рабочей силы в физиологическом смысле, а расходование «общественной рабочей силы». Труд создаёт стоимость не потому, что он является расходом рабочей силы, а потому, что рабочая сила отдельного лица расходуется как необходимая составная часть единого общественного труда. Если труд данного производителя не включён в состав общественного труда, его рабочая сила не рассматривается как часть рабочей силы общества и труд его не создаёт никакой стоимости, сколько бы мускулов, нервов, мозга он ни затратил.

Таким образом, содержанием абстрактного труда яв[# 81]ляется не всякий труд, а общественный труд, расходование общественной рабочей силы, а не рабочей силы отдельного лица, взятого независимо от других.

Внешне может показаться, что поскольку люди всегда трудятся сообща, а не изолированно, то труд любого человека всегда и при всяких условиях является частью общественного труда. Именно так и рассуждали представители физиологической версии абстрактного труда. По их мнению, всякая затрата рабочей силы отдельным индивидом имеет значение затрат единой общественной рабочей силы, поскольку все люди живут в обществе и их труд осуществляется внутри общества. Это исходное рассуждение игнорирует самое важное — специфический характер общественного труда, воплощённого в стоимости. Правильно, что процесс труда всегда и при всяких условиях является общественным процессом, труд выступает как общественный труд. Но при различных типах производственных отношений общественный труд приобретает особые специфические черты. Созидателем стоимости является не всякий общественный труд, а специфический вид общественного труда, характеризующийся специфическим характером общественных отношений в процессе трудовой деятельности. Мы подходим таким путём к одному из самых важных пунктов.

Маркс в своих произведениях многократно подчёркивал, что субстанцией стоимости является не просто общественный труд, а специфический вид общественного труда, характеризующийся своими неповторимыми чертами, имеющими исторический характер. В работе «К критике политической экономии» он излагает этот вопрос следующим образом:

«Условия труда, создающего меновую стоимость, как они вытекают из анализа меновой стоимости, суть *общественные определения* труда или определения *общественного труда*, но общественного не вообще, а особого рода. Это специфический вид общественности»³⁴. Чтобы понять природу абстрактного труда, мы должны, следовательно, не ограничиваться указанием на физиологическую однородность труда, его общественный характер, но прежде всего уяснить, что речь идёт о физиологиче[# 82]ских затратах специфического вида общественного труда. Всякий общественный труд есть затрата общественной рабочей силы в физиологическом смысле, но лишь физиологическая затрата особого специфического вида общественного труда рассматривается Марксом как абстрактный труд.

В чём же состоит «специфический вид общественности» у труда, воплощённого в стоимости товаров? Этот вопрос по существу нами уже рассмотрен. Главное состоит в том, что конкретный труд частных лиц не является непосредственно общественным, он носит непосредственно частный и лишь скрыто общественный характер. Каждое частное лицо ещё должно доказать, что затраченный им труд является необходимой составной частью совокупного

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 47.

³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 18.

общественного труда, а его индивидуальная рабочая сила выступает как часть единой общественной рабочей силы. Доказать это можно только в процессе обмена. Если продукт данного труда принимается в обмен, то тем самым удостоверяется, что создавший его труд принадлежит к совокупному общественному труду; если нет, то данная конкретная затрата труда частного товаропроизводителя не является расходом общественной рабочей силы, выступает как частное дело отдельного лица. Но в процессе обмена труд, воплощённый в товарах, учитывается в абстрактной форме как затрата рабочей силы безотносительно к форме этой затраты. Следовательно, физиологическая однородность труда, воплощённого в стоимости товаров, служит той формой, в которой выражается общественная однородность труда частных производителей, его принадлежность к единому общественному труду. Приняв форму своей противоположности — абстрактного труда, конкретный труд частных производителей доказывает свою принадлежность к общественному труду. «Труд, который представлен в меновой стоимости, — писал Маркс, — предполагается как труд обособленного отдельного лица. Общественным он становится благодаря тому, что принимает форму своей прямой противоположности, форму абстрактной всеобщности»³⁵. В теориях прибавочной стоимости Маркс выразил эту же мысль следующим образом: «...на основе капиталистического производства, где каждый работает за свой [# 83] страх и риск... особенный труд вынужден вместе с тем выражать себя как свою противоположность, как абстрактно всеобщий и в этой форме общественный труд...»³⁶.

В первобытном обществе всякая конкретная затрата труда являлась одновременно и затратой труда в физиологическом смысле, но она не получала никакой самостоятельной формы, не противопоставлялась конкретному труду, сливалась с ним. В товарном же хозяйстве затрата труда в физиологическом смысле обособляется, приобретает самостоятельную форму, отличную от конкретного труда, и выполняет особую функцию — служит той общественной формой, в которой выражаются затраты общественного труда в отличие от затрат частных обособленных лиц. В товарном хозяйстве труд становится общественным только в абстрактной форме. В первобытном же обществе он является общественным в своей конкретной форме.

В реальной действительности в товарном хозяйстве, как неоднократно отмечалось, в каждый данный момент всегда складывается такое положение, при котором труд одних составляет часть общественного труда, а других — выключен из его состава. И хотя с физиологической точки зрения труд всех товаропроизводителей одинаков, его общественное значение неодинаково. Абстрактным трудом является лишь тот труд, который представляет собой расходование общественной рабочей силы, а не всякий труд отдельного лица, безотносительно к его роли в системе общественного труда. Физиологическое равенство существует между всеми видами конкретного труда в товарном хозяйстве. Общественное же равенство существует лишь между теми видами конкретного труда, которые составляют необходимые звенья совокупного общественного труда. Отсюда следует, что качественная однородность труда, воплощённого в стоимости товаров, состоит в том, что он является общественным трудом. Физиологическое равенство служит формой, в которой выражается общественное равенство труда частных производителей, то есть его принадлежность к единому общественному труду. [# 84] Абстрактный труд, следовательно, есть специфически историческая категория, существующая в условиях товарного хозяйства и неотъемлемая от него. Где нет товарного производства, а труд отдельных лиц с самого начала является непосредственно общественным, там нет и условий для раздвоения единого труда на конкретный и абстрактный.

Абстрактный труд — это категория производства, а не обмена, как пытались утверждать сторонники социологической версии. Однако проявиться, обнаружиться абстрактный труд может только в обмене. До обмена известно, что какая-то часть труда частных производителей затрачивается как необходимое составное звено совокупного общественного труда. Но какая именно часть — это никому не известно. Только реальный обмен товарами производит отбор в совокупной массе произведённых товаров, кладёт на них общественный штамп; даёт своеобразное удостоверение в том, что труд, затраченный на производство данного вида товаров, имеет общественное значение, а потому принимается в обмен, уравнивается со всеми остальными видами труда, признается как труд, обладающий единым общественным качеством.

А отсюда следует важный вывод о том, что абстрактный труд может проявиться, получить самостоятельную форму выражения только в овеществлённой форме. Общественная значимость труда удостоверяется через общественную значимость произведённого этим трудом продукта. Пока товаропроизводитель трудится в своей мастерской и создаёт товар, у него нет никакой гарантии, что затрачиваемый им труд есть необходимая часть общественного труда. Он узнаёт об общественной значимости своего труда только после того, как его труд овеществлён в продукте, а продукт вынесен на рынок и вступает в контакт с продуктами других видов общественного труда. Но овеществлённая форма абстрактного труда и есть стоимость товара. Поэтому соотношение между абстрактным трудом и стоимостью товара — это отношение между содержанием и формой. Стоимость — это овеществлённая форма бытия общественного, абстрактного труда.

Среди определённой части впервые изучающих «Капитал» нередко складываются следующие представления [# 85] об абстрактном труде в отличие от конкретного. Конкретный труд создаёт какую-то определённую потребительную стоимость. Абстрактный же труд создаёт стоимость, но не имеет никакого отношения к процессу создания

³⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 20.

³⁶ К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, ч. II. Господин издат, М., 1957, стр. 534.

потребительных стоимостей.

Между тем Маркс противопоставляет абстрактный труд конкретному не по тому принципу, что первый не участвует в создании потребительных стоимостей, а второй создаёт потребительную стоимость. Он неоднократно отмечал, что абстрактный труд в отличие от конкретного может быть выражен не в одной, а во всех потребительных стоимостях. Это такая затрата труда, которая имеет значение затрат труда в любой конкретной сфере и потому может быть выражена в любой потребительной стоимости, создаваемой любым видом конкретного труда.

В «Капитале» Маркс различает «отрицательную» и «положительную природу» абстрактного труда. Отрицательная сторона состоит в том, что абстрактный труд — это труд, отвлечённый от его конкретных форм, это затрата труда вообще, независимо от того, в какой конкретной сфере он затрачен. В качестве труда вообще абстрактный труд служит отрицанием конкретного труда, который представляет собой расходование труда в строго определённой целесообразной форме.

Но абстрактный труд имеет и свою положительную природу. Вот что об этом пишет Маркс:

«Труд, овеществлённый в товарной стоимости, получает не только отрицательное выражение как труд, от которого отвлечены все конкретные формы и полезные свойства действительных видов труда, но отчётливо выступает и его собственная положительная природа. Последняя состоит в том, что все действительные виды труда сведены к общему для них характеру человеческого труда, к затрате человеческой рабочей силы»³⁷.

Итак, «положительная природа» абстрактного труда состоит в том, что он представляет собой то общее, что содержится во всех видах труда, и именно поэтому он может быть выражен в любой потребительной стоимости. В «Теориях прибавочной стоимости» Маркс характеризовал абстрактный труд как «*одинаковый общест[86]венный труд*, который поэтому может быть представлен во всех потребительных стоимостях, может обмениваться на все потребительные стоимости»³⁸.

В предшествующем изложении подчёркивалось, что содержанием абстрактного труда является общественный труд, расходование общественной рабочей силы. А общественная рабочая сила, распределённая по различным конкретным сферам, в одно и то же время создаёт весь комплекс потребительных стоимостей. Поскольку воплощённый в каждом товаре абстрактный труд есть часть совокупного общественного труда, он обладает и качеством этого общественного труда — выражаться в самых различных потребительных стоимостях. Поэтому было бы ошибочным полагать, будто абстрактный труд — это какая-то бесцельная затрата труда в физиологическом смысле, не имеющая никакого отношения к процессу создания потребительных стоимостей.

Простой труд. Виды конкретного труда, входящие в состав совокупного общественного труда, различаются степенью сложности и трудности. Это находит выражение, во-первых, в том, что для выполнения различных видов конкретного труда требуется различный уровень предварительной подготовки и обучения. Одни виды труда могут быть выполнены любым нормальным человеком без всякой предварительной подготовки, другие, напротив, требуют специального образования. Во-вторых, различные виды конкретного труда протекают при различной степени интенсивности и напряжённости. В-третьих, существуют различия в степени риска, опасности для жизни. В-четвёртых, различно влияние отдельных видов конкретного труда на здоровье человека. Существуют, например, так называемые вредные производства.

Сравним для примера труд кузнеца и рыболова. Труд кузнеца по сравнению с трудом рыболова требует большей предварительной подготовки и обучения и протекает в более сложных санитарно-гигиенических условиях — пыль, ослепительный свет, жара, тяжёлый воздух. Он связан с серьёзными опасностями для жизни, [87] требует более интенсивного и напряжённого расходования рабочей силы. Например, за 10 часов своего труда кузнец израсходует значительно больше физической мускульной, мозговой и нервной энергии, чем рыболов, труд которого протекает в сравнительно более благоприятных условиях — на свежем воздухе, с относительно меньшим напряжением сил и риском для жизни.

При сведении различных видов конкретного труда к качественно однородному абстрактному все эти различия должны быть учтены и сведены к какому-то знаменателю. Таким общим знаменателем является простой, средний труд, не требующий специальной предварительной подготовки и протекающий в средних, нормальных условиях. Простой средний труд не является величиной постоянной, раз и навсегда данной. Труд, который в одной стране считается простым, в другой, в силу исторических особенностей, может оказаться сложным. По мере исторического развития развивается и простой труд. Но в каждый момент для отдельной страны простой труд является величиной данной. Он служит основой для соизмерения затрат различных видов труда. «Чтобы измерять меновые стоимости товаров заключающимся в них рабочим временем, — писал Маркс, — нужно свести различные виды труда к лишённому различий, однородному, простому труду, — короче, к труду, который качественно одинаков и различается поэтому лишь количественно»³⁹.

³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 77.

³⁸ К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, ч. III. Госполитиздат, М., 1961. стр. 119.

³⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 16.

Более сложные и трудные виды труда рассматриваются как возведённый в степень простой труд. Стоимость товаров измеряется воплощённым в них простым трудом. Поэтому продукты сложных видов труда будут иметь большую стоимость. Стоимость, создаваемая кузнецом за 10 часов труда, будет выше, чем стоимость, созданная рыболовом за те же 10 часов. Хотя продолжительность затрат труда у них одинакова, различия в сложности и трудности приводят к различиям в величине создаваемой стоимости.

Стихийный механизм сведения сложного труда к простому. Процесс сведения труда к качественно однородному абстрактному, простому труду нельзя рассматривать как теоретически мысли[# 88]мый процесс, осуществляемый в голове исследователя, он реально осуществляется в объективной действительности, независимо от воли и желаний людей, за их спиной, стихийным путём, в ходе обмена товарами, на основе конкуренции. «Это сведение, — отмечал Маркс, — представляется абстракцией, однако, это такая абстракция, которая в общественном процессе производства происходит ежедневно. Сведение всех товаров к рабочему времени есть не бóльшая, но в то же время и не менее реальная абстракция, чем превращение всех органических тел в воздух»⁴⁰.

В товарном хозяйстве это сведение (редукция) труда к единой основе — простому абстрактному труду — не может быть осуществлена сознательным путём. Во-первых, потому, что в силу разобщённости и обособленности производителей их труд носит непосредственно частный и лишь скрыто общественный характер. К единому знаменателю — простому труду сводятся лишь те виды конкретного труда, которые входят в состав совокупного общественного труда, являются его необходимыми звеньями. В реальной действительности в каждый данный момент не все существующие виды конкретного труда принадлежат к общественному труду и подлежат сведению к общему знаменателю. Выявить, какие виды труда — части общественного, а какие — нет, сознательным путём невозможно, так как никакой исследователь не может учесть постоянных перегруппировок в системе общественного труда, которые происходят ежедневно в процессе переливов труда из одной отрасли в другую.

Во-вторых, как уже отмечалось, простой средний труд не является величиной постоянной, раз навсегда данной. То, что сегодня считалось сложным трудом, завтра, в силу технических нововведений и улучшений условий труда, может оказаться простым. Здесь неизбежны самые различные изменения, которые не могут быть уловлены сознательным путём.

Единственно возможным и реально осуществляемым способом сведения различных видов труда к единой основе в условиях товарного производства является механизм обмена товарами на базе свободной конкурен[# 89]ции. Для раскрытия этого механизма рассмотрим условный пример.

Предположим, на рынок вышли со своими товарами рыболов, кузнец и земледелец. В процессе обмена обнаружилось, что рыболов получил за продукт своего 10-часового сравнительно простого труда столько же продуктов земледельца, сколько и кузнец за продукт более сложного 10-часового труда. Такие пропорции обмена невыгодны для кузнеца, ибо он не возместит своих затрат на предварительную подготовку, обучение, не воспроизведёт в нормальном виде свою рабочую силу. Если подобное положение сохранится длительное время, начнётся отлив труда из области кузнечного дела. Многие предпочтут заняться рыбной ловлей, ибо при данных меновых пропорциях обмена более простой и менее хлопотливый труд рыболова даёт такие же материальные выгоды, как сложный и напряжённый труд кузнеца. Сокращение труда в сфере кузнечного дела приведёт к тому, что на рынке обнаружится недостаток очень важных товаров, необходимых всем товаропроизводителям — орудий труда, инструментов, изготовлявшихся ранее кузнецами. Спрос на продукты труда кузнецов значительно возрастет. В то же время обнаружится значительное увеличение предложения рыбных продуктов, превышающее спрос на них. Меновая стоимость продуктов кузнечного дела начнёт повышаться, а рыбных продуктов — понижаться. За продукты кузнечного дела теперь станут давать значительно больше других товаров, чем прежде. Постепенно пропорции обмена установятся на таком уровне, который обеспечит кузнецам возмещение затрат их более сложного труда и сделает выгодным занятие кузнечным делом. Ряд производителей при этих условиях начнёт переключаться на более выгодное кузнечное производство.

Стихийным путём, на основе изменения пропорций обмена и переливов труда из одной сферы в другую устанавливается действительное соотношение между различными видами конкретного труда, производится сведение сложного труда к простому.

Процесс уравнивания различных видов труда требует в качестве обязательных предпосылок целый ряд общественных условий, без которых этот процесс вообще станет невозможным. [# 90]

Во-первых, необходима свобода обмена товарами, то есть право каждого продавать свой товар там, где он хочет, и на тех условиях, которые считает для себя приемлемыми. Наличие принуждения к тем или иным условиям обмена лишит возможности продавать товары пропорционально труду, затраченному на их производство.

Во-вторых, необходима свобода переливов труда из одной сферы в другую. Каждый должен обладать правом выбирать и менять специализацию по своему усмотрению. Если каждый товаропроизводитель будет лишён возможности свободно выбирать род деятельности, то будет затруднён процесс уравнивания труда.

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 17.

В-третьих, необходимы свобода передвижения, свобода выбора места производства и места реализации товаров. Это условие необходимо для того, чтобы труд товаропроизводителей, затраченный в различных территориальных районах, мог быть сопоставлен друг с другом, а все индивидуальные и местные различия были погашены и выявилась бы единая общественная оценка труда всех товаропроизводителей. Все перечисленные условия входят в понятие «свободной конкуренции», которая является специфическим общественным механизмом, осуществляющим стихийный учёт общественного труда и сводящим различные виды труда к качественно однородному простому труду. Маркс неоднократно отмечал, что свободная конкуренция является необходимым условием для действия закона стоимости в его развитом виде⁴¹. В. И. Ленин назвал свободную конкуренцию «основным свойством капитализма и товарного производства вообще»⁴².

Конкретный и абстрактный труд — единство противоположностей. Конкретный труд создаёт потребительную стоимость товара, абстрактный труд — стоимость. Нельзя создать стоимость, не затрачивая труд в определённой целесообразной форме. Поэтому конкретный и абстрактный труд образуют неразрывное единство.

Но это — единство противоположностей, предполагающих и исключающих друг друга. В наиболее общей [# 91] форме противоположность состоит в том, что различные виды конкретного труда качественно разнородны, абстрактный же труд — качественно однороден. Конкретный труд имеет своим результатом строго определённую потребительную стоимость — либо костюм, либо стол, стул, молоток, пилу и т. п. Абстрактный же труд может выражаться в самых разнообразных потребительных стоимостях и имеет значение труда, создающего любую потребительную стоимость. Маркс неоднократно обращал внимание на эту сторону вопроса. В «Теориях прибавочной стоимости» он писал:

«Труд есть труд частного индивидуума, представленный в определённом продукте. Однако как стоимость продукт должен быть воплощением *общественного* труда и в этом своём качестве он должен обладать способностью непосредственно превращаться из одной потребительной стоимости в любую другую (та определённая потребительная стоимость, в которой труд непосредственно представлен, должна быть чем-то безразличным для него, так чтобы продукт можно было из одной формы потребительной стоимости переводить в другую). *Частный труд* должен, следовательно, выявить себя непосредственно как свою противоположность, как *общественный* труд; этот превращённый труд, как непосредственная противоположность частного труда, есть *абстрактно всеобщий труд*...»⁴³.

В этом высказывании Маркс ярко проводит различие между трудом абстрактно всеобщим, как общественным трудом, выражающимся в любой потребительной стоимости, и конкретным трудом, как трудом частным, выражающимся в определённой потребительной стоимости.

Способность труда товаропроизводителя создавать определённую потребительную стоимость и в то же время выражаться в любой потребительной стоимости кажется неразрешимым противоречием. Чтобы уяснить его суть и способ разрешения, сравним положение товаропроизводителя с положением крестьянина, ведущего натуральное хозяйство.

Предположим, крестьянин в течение года для удовлетворения своих производственных и личных потребностей нуждается в определённом количестве различных потребительных стоимостей — пищи, одежды, обуви, мебели, инструментов, сырья и т. п. Никто за него этих вещей не произведёт — он должен всё делать сам, «быть мастером на все руки». Для достижения этой цели он должен затрачивать свою рабочую силу в самых разнообразных конкретных формах — попеременно заниматься земледелием, ткачеством, портняжничеством, быть плотником, сапожником и т. п. Если он не будет заниматься каким-либо из видов конкретного труда, какая-то из потребностей останется неудовлетворённой. При этом принципиально важное значение имеет тот факт, что пока он занимается данным видом конкретного труда, его результатом будет только определённая потребительная стоимость, а не любая другая. Чтобы произвести другую потребительную стоимость, он должен сменить конкретную форму труда. Иначе говоря, его труд в одно и то же время не имеет значения труда, создавшего определённую потребительную стоимость, и труда, выражающегося во всех потребительных стоимостях. Его труд не имеет двойного значения. Он выступает только как труд конкретный, но не выступает как труд абстрактно всеобщий.

Иное положение у товаропроизводителя. Предположим, у него тот же круг производственных и личных потребностей, что и у крестьянина, ведущего натуральное хозяйство. Значит ли это, что для их удовлетворения он должен попеременно заниматься всеми видами конкретного труда? Нет, он специализируется на производстве только какого-то одного или нескольких видов потребительных стоимостей; предположим, в течение года производит только стулья и затрачивает свой труд только в этой конкретной форме. Произведённые стулья он выносит на рынок, обменивает их на другие виды потребительных стоимостей — пищу, обувь, сырьё, инструменты и т. д. Результат получается такой же, как и у крестьянина, — он удовлетворяет весь круг своих годовых потребностей. Хотя он затратил свой труд только в одной конкретной форме, он получил в обмен продукты, произведённые самыми разнообразными видами конкретного труда. Иначе говоря, его труд оказался не только конкретным, но абстрактно

⁴¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 46.

⁴² В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 252.

⁴³ К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, ч. III. Госполитиздат, М., 1961, стр. 124.

всеобщим, имеющим [# 93] своим результатом любую другую потребительную стоимость. Затраченный им труд имеет значение труда, участвовавшего в создании всех остальных потребительных стоимостей, необходимых при данном состоянии общественного производства. Так как все товаропроизводители связаны системой общественного разделения труда, каждый из них становится необходимым составным звеном совокупного общественного труда. Поскольку труд отдельного лица есть необходимая часть общественного труда, он приобретает и качества этого общественного труда — способность выражаться в самых разнообразных потребительных стоимостях. Как орган единой общественной рабочей силы он становится как бы соучастником в производстве всех потребительных стоимостей, хотя сам непосредственно производит только какую-то одну из них. Общество оценивает количество труда, затраченного данным лицом, и в соответствии с этим количеством даёт право на получение любого другого продукта общественного труда, в котором представлено такое же количество общественного рабочего времени.

Двойкий характер труда товаропроизводителя получает выражение в двойких свойствах производимого им продукта: как результат конкретного труда продукт имеет потребительную стоимость, как воплощение общественного, абстрактного труда он приобретает стоимость.

«Это расщепление продукта труда на полезную вещь и стоимостную вещь осуществляется на практике лишь тогда, когда обмен уже приобрёл достаточное распространение и такое значение, что полезные вещи производятся специально для обмена, а потому стоимостный характер вещей принимается во внимание уже при самом их производстве. С этого момента частные работы производителей действительно получают двойственный общественный характер. С одной стороны, как определённые виды полезного труда, они должны удовлетворять определённую общественную потребность и таким образом должны оправдать своё назначение в качестве звеньев совокупного труда, в качестве звеньев естественно выросшей системы общественного разделения труда. С другой стороны, они удовлетворяют лишь разнообразные потребности своих собственных производителей, поскольку каждый особенный вид полезного частного труда может быть обменён на всякий иной особенный вид полезного частного труда и, следовательно, равнозначен последнему. Равенство видов труда, *toto coelo* [во всех отношениях], различных друг от друга, может состоять лишь в отвлечении от их действительного неравенства, в сведении их к тому общему им характеру, которым они обладают как затраты человеческой рабочей силы, как абстрактно человеческий труд»⁴⁴.

Двойственный характер труда товаропроизводителей объясняет нам и то специфическое явление, которое Маркс назвал «безразличным отношением» товаропроизводителей к тем конкретным формам труда, которыми они занимаются. Оно выражается в том факте, что товаропроизводители с лёгкостью переходят из одной конкретной сферы в другую, меняют специализацию и т. д. Подобное безразличие к конкретному труду немыслимо в натуральном хозяйстве: если крестьянин перестанет выполнять какой-либо вид конкретного труда, он не сможет удовлетворить ту или иную потребность. Товаропроизводитель же, занимаясь любым видом конкретного труда, может удовлетворить весь круг своих потребностей, ибо продукт любого вида конкретного труда имеет значение и труда вообще, абстрактно всеобщего труда. Он может переключиться на производство любого продукта — извёстки, хлеба, зажигалок и т. п., если это позволяет рыночная конъюнктура. И это становится возможным именно потому, что его труд носит двойственный характер, выступает не только как конкретный, но и как абстрактный труд.

«Безразличие к определённому виду труда, — отмечал Маркс, — соответствует общественной форме, при которой индивидуумы с лёгкостью переходят от одного вида труда к другому и при которой какой-либо определённый вид труда является для них случайным и потому безразличным. Труд здесь, не только в категории, но и в действительности, стал средством создания богатства вообще и утратил свою специфическую связь с определённым индивидуумом»⁴⁵. [# 95]

Если для отдельного товаропроизводителя безразлично, в какой сфере в данный момент приложить свой труд, то для общества в целом этот вопрос имеет принципиально важное значение. Общественное производство для своего нормального функционирования нуждается в том, чтобы каждый из его участников занимался строго определёнными видами конкретного труда, иначе нарушится пропорциональность в развитии различных отраслей и процесс общественного производства будет нарушен. Один производитель не обязан производить всей совокупности потребительных стоимостей, общество же в целом обязано решить эту задачу, иначе будет подорвана основа его существования. На этой базе и возникает глубокое противоречие между конкретным и абстрактным трудом.

Конкретный труд затрачивается в частной форме. Абстрактный же труд есть форма бытия общественного труда. Частное лицо, как выяснено в параграфе об основном противоречии товарного производства, может выбрать совсем не тот вид конкретного труда, который в данный момент нужен обществу, что внесёт диспропорциональность в развитие общественного производства. А диспропорциональность в развитии общественного производства неизбежно отразится и на судьбе отдельных товаропроизводителей: те из них, которые выбрали не тот вид конкретного

⁴⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 83.

⁴⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 730.

труда, не смогут продать свой продукт, воплощённый в них труд не будет рассматриваться как абстрактно всеобщий труд, а они не получают права на приобретение продуктов труда других товаропроизводителей.

Таким образом, конкретный и абстрактный труд — это единство, но единство противоположностей, входящих в конфликт друг с другом и требующих определённой формы разрешения возникающих между ними противоречий. О том, как разрешается это противоречие, более подробно будет сказано в главе V настоящего пособия.

§ 5. Двойственный характер товара — результат двойственного характера труда, его создающего

Товар — единство потребительной стоимости и стоимости. В начале исследования Маркс характеризовал товар как единство потребительной [# 96] стоимости и меновой стоимости — это была внешняя характеристика товара и его свойств. В дальнейшем Маркс счёл необходимым подчеркнуть, что с научной точки зрения точнее характеризовать товар как единство потребительной стоимости и стоимости. Он пишет: «Когда мы в начале этой главы, придерживаясь общепринятого обозначения, говорили: товар есть потребительная стоимость и меновая стоимость, то, строго говоря, это было неверно. Товар есть потребительная стоимость, или предмет потребления, и «стоимость»⁴⁶.

В работе «К критике политической экономии» Маркс ещё не проводил детального разграничения между стоимостью и меновой стоимостью. Нередко он употреблял термин «меновая стоимость» при характеристике стоимости и наоборот. Он следовал в этом отношении «общепринятому обозначению». Однако по существу в этой работе он даёт принципиально иную трактовку вопроса, чем буржуазная политическая экономия. В «Капитале» Маркс счёл необходимым со всей силой подчеркнуть различия между стоимостью и меновой стоимостью, чтобы решительно отмежеваться от буржуазной политической экономии, которая нередко отождествляла стоимость и меновую стоимость или признавала только меновую стоимость, но отрицала внутренне присущую товарам стоимость.

Соотношение между стоимостью и меновой стоимостью — это соотношение между сущностью и явлением. Подобно тому, как нельзя отождествлять сущность и явление, нельзя отождествлять и стоимость с меновой стоимостью. Но точно так же, как нельзя отрывать сущность от явления, так нельзя отрывать и стоимость от меновой стоимости, ибо стоимость может себя обнаружить в форме меновой стоимости и ни в какой иной.

Стоимость создаётся в процессе производства, а обнаруживается, проявляется только в обмене, в процессе меновых отношений. О наличии в товаре стоимости можно судить только на основе его меновой стоимости, его отношения к другим товарам. Детально этот вопрос будет рассмотрен в главе V настоящего пособия.

В начале работы, когда констатировался внешний вид товара, было отмечено наличие в нем двух свойств. [# 97] Но чем порождены эти свойства, ещё было неясно. Буржуазная политическая экономия выводила их из естественных свойств продуктов труда и рассматривала как вечные. Маркс же показал, что свойства товара носят общественный и исторически преходящий характер. Они порождаются двойственным характером труда, создающего товары. Как продукты конкретного труда, затраченного в частной форме, они имеют потребительную стоимость, как воплощение абстрактного, общественного труда, они обладают стоимостью.

Противоречия товара. Внутренние противоречия товара — это противоречия между воплощённым в них частным и общественным трудом, конкретным и абстрактным трудом, потребительной стоимостью и стоимостью. Суть противоречий труда, создающего товары, рассмотрена в предшествующем изложении. Рассмотрим теперь, как эта суть проявляется в форме противоречия между потребительной стоимостью и стоимостью.

Потребительная стоимость и стоимость находятся во внутреннем единстве. Стоимость не может существовать вне потребительной стоимости. В то же время эти свойства являются противоположностями, исключаящими друг друга. Использование одного свойства исключает одновременное использование другого свойства. Если, например, товаропроизводитель использует произведённый им костюм как потребительную стоимость для личного потребления, то он не может одновременно использовать этот же костюм как стоимость, как средство обмена на другие товары и наоборот.

Как потребительные стоимости все товары качественно разнородны, удовлетворяют различные потребности, являются продуктами разнородных видов конкретного труда. Как стоимости они, напротив, качественно однородны, являются продуктами однородного абстрактного общественного труда. Потребительная стоимость сапожной ваксы и роскошного дворца совершенно несовместимы. Но как стоимости сапожная вакса и дворец совершенно одинаковы, определённое количество сапожной ваксы может быть обменено на дворец.

Поскольку товары как стоимости качественно однородны и могут обмениваться друг на друга в определённых пропорциях, товаропроизводителем становится безразлично, какой именно вид товаров производить — [# 98] сапоги, мышеловки, соль, скрипки, костюмы и т. п., ибо любой из этих видов потребительных стоимостей может быть носителем стоимости. На этой основе происходит существенное изменение цели производства в товарном хозяйстве по сравнению с натуральными формами хозяйства.

⁴⁶К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 70.

При натуральных формах производства непосредственная цель и конечная совпадают. Ею является производство потребительных стоимостей, необходимых для удовлетворения личных и производственных потребностей. В товарном хозяйстве конечная цель остаётся прежней: каждый осуществляет процесс производства ради того, чтобы приобрести необходимые потребительные стоимости. Но непосредственная цель изменяется. Каждого товаропроизводителя интересует не потребительная стоимость товара, а его стоимость, способность обмениваться на все остальные товары. Непосредственной целью производства становится производство стоимости.

Это обстоятельство усложняет связь между производством и потреблением в общественном масштабе. При натуральном хозяйстве потребительные стоимости из сферы производства прямо поступали в сферу потребления. В товарном хозяйстве, поскольку потребительная стоимость становится вещественным носителем особого общественного свойства — стоимости, положение существенно меняется. По пути от производства к потреблению она должна задержаться в сфере обмена для реализации стоимости. Если в силу каких-либо причин реализация стоимости задерживается или оказывается совсем невозможной, потребительная стоимость либо совсем не поступает в потребление, либо поступает с опозданием. Это приводит к отрицательным последствиям. Значительные массы произведённых потребительных стоимостей обрекаются на порчу и разрушение потому, что являются носителями стоимости и без её реализации не могут войти в потребление. В периоды экономических кризисов перепроизводства это явление достигает огромных масштабов, приводя в конечном итоге к гибели значительных материальных ценностей. Противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью проявляется здесь в наиболее яркой форме. Единство потребительной стоимости и стоимости высту[99]пает, таким образом, как внутренне противоречивое единство противоположностей, обуславливающее более сложную и противоречивую форму связи между производством и потреблением. Не продав своего товара, товаропроизводитель не может купить и других товаров, необходимых для продолжения производства. Процесс воспроизводства нарушается.

Проблема реализации стоимости выступает как одна из специфических проблем товарного производства. Из двойственной природы товара возникает объективная необходимость в том, чтобы каждое из его свойств приобрело самостоятельную, отдельную форму существования. Потребительная стоимость должна перейти из рук производителя в руки потребителя и использоваться в процессе потребления. Стоимость же товара должна вернуться к производителю. Это противоположное движение стоимости и потребительной стоимости возможно только в том случае, если стоимость товара получит самостоятельную форму, в которой она может существовать независимо от потребительной стоимости, являвшейся её первым носителем.

Отсюда — особая проблема формы стоимости, которую мы рассмотрим в V главе. [100]

Глава IV. Количественная характеристика стоимости. Общественно необходимое рабочее время

§ 1. Понятие общественно необходимого рабочего времени

В предшествующем изложении было показано, что субстанцией стоимости является общественный, абстрактный труд, имеющий в качестве единицы измерения простой средний труд. Отсюда ясно, что величина стоимости определяется количеством общественного абстрактного, простого труда, который содержится в данном товаре. Количество этого труда измеряется рабочим временем.

Товаропроизводители затрачивают на производство одного и того же вида товаров неодинаковое количество рабочего времени. Это происходит потому, что каждый из них располагает различными по эффективности орудиями труда, применяет свои технические приёмы и методы воздействия на предмет труда, обладает различными навыками трудиться с неодинаковой степенью интенсивности. Например, в костюмах одного и того же фасона и качества, произведённых разными товаропроизводителями, будет содержаться неодинаковое количество индивидуального рабочего времени. Однако на рынке все костюмы одинакового достоинства будут иметь одинаковую стоимость, несмотря на то, что в каждом из них воплощено различное количество индивидуального труда. Величина стоимости товаров определяется затратами не индивидуального, а общественно необходимого труда. Продолжительность затрат общественно необходимого труда измеряется общественно [101] необходимым рабочим временем. «Общественно необходимое рабочее время есть то рабочее время, которое требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости при наличных общественно нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда»⁴⁷.

Под средними, общественно нормальными условиями производства, определяющими величину стоимости товаров, понимаются такие условия производства, при которых производится основная масса товаров данного рода. Как бы ни отличались друг от друга условия производства у различных товаропроизводителей, в каждый данный момент складываются какие-то средние условия, являющиеся общественно типичными, нормальными, при которых производится большинство товаров.

⁴⁷К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 47.

Предположим, имеются три группы товаропроизводителей. Первая группа обладает наивысшей технической оснащённостью, уровнем умелости и т. д. Для производства одного костюма каждому производителю этой группы, допустим, требуется 16 часов. Вторая группа товаропроизводителей затрачивает на производство одного костюма 18 часов и третья, в силу наименьшей технической оснащённости, умелости и интенсивности, — 20 часов. Предположим далее, что первая группа выбрасывает на рынок 200 костюмов, вторая — 1000 костюмов и третья — 100. Условия производства первой группы — наилучшие, второй — средние, третьей — худшие. Условия производства, при которых производится основная масса костюмов, — средние, общественно нормальные. Они будут определять величину стоимости товаров. В нашем примере величина стоимости будет определяться условиями производства 2 группы и равна 18 часам. Товаропроизводители первой и третьей групп, хотя и затратили иное количество рабочего времени на изготовление костюмов, будут продавать их на рынке по стоимости, определяемой условиями производства второй группы.

Если большинство товаров данного рода будет производиться первой группой, то условия производства этой группы станут общественно нормальными и будут [# 102] регулировать величину стоимости. Величина стоимости костюма станет определяться 16, а не 18 часами труда. Наконец, если основная масса костюмов будет производиться третьей, наихудшей группой, то её условия производства будут рассматриваться как средние, общественно нормальные и величина стоимости костюма будет определяться 20 часами труда.

В реальной действительности возможны перечисленные три случая.

В условиях мелкого товарного производства общественно нормальные условия производства совпадают с индивидуальными условиями, при которых осуществляет процесс производства большинство товаропроизводителей. Поскольку мелкое товарное производство базируется на ручном труде и примитивной технике, индивидуальные различия между товаропроизводителями не столь значительны. Поэтому большинство товаропроизводителей, работающих при таких условиях, произведут наибольшую массу товаров. Здесь условия производства, при которых работает большинство товаропроизводителей, и условия производства, при которых производится наибольшая масса товаров данного рода, совпадают.

Положение меняется, когда наряду с мелкими товаропроизводителями производством данного вида товаров займутся крупные, технически оснащённые капиталистические предприятия. Хотя по численности капиталистические предприятия незначительны, составляют меньшинство в общей массе производителей, они могут выбрасывать на рынок основную массу товаров, например костюмов. 10 капиталистических предприятий могут произвести больше костюмов, чем 1000 мелких товаропроизводителей. Как правило, на крупных капиталистических предприятиях наиболее высокая техническая оснащённость, более совершенные технические методы и приёмы воздействия на предмет труда и т. д. Затраты труда на производство костюма здесь значительно меньшие, чем у любого, даже самого лучшего, мелкого товаропроизводителя. Поскольку 10 капиталистов производят для рынка основную массу костюмов, условия их производства будут общественно нормальными и определяют величину стоимости. Если на капиталистическом предприятии для изготовления одного костюма [# 103] требуется 10 часов, то эти 10 часов и будут определять величину стоимости. Все остальные товаропроизводители, затратившие в рассмотренном выше примере 16, 18 и 20 часов, будут вынуждены продавать костюмы на рынке по стоимости, определяемой 10 часами. Это обстоятельство служит одной из решающих причин, вызывающих массовое разорение мелких товаропроизводителей в связи с переходом к крупному капиталистическому производству. Мелкие товаропроизводители не выдерживают конкуренции. Их хозяйства приходят в упадок.

Величина стоимости товара определяется не количеством труда, которое когда-то было воплощено в товаре, а количеством общественно необходимого труда, нужного для производства данного товара при сегодняшних условиях производства. Допустим, товаропроизводитель произвёл костюм год назад и затратил на его производство 18 часов. В то время его условия производства считались средними, общественно нормальными. Однако за год положение изменилось. Основная масса костюмов производится при условиях, требующих лишь 10 часов труда. Если товаропроизводитель вынесет произведённый им костюм на рынок, то величина его стоимости будет определяться не теми 18 часами труда, которые были в нем воплощены год назад, а 10 часами труда, которые требуются для производства костюма при сегодняшних условиях общественного производства.

Величина стоимости товаров не является постоянной, раз навсегда данной. Она находится в процессе изменений. Решающее влияние на величину стоимости товаров оказывают изменения в производительности труда.

§ 2. Величина стоимости и производительность труда

Производительностью называется эффективность труда, его способность производить за определённые отрезки времени определённое количество потребительных стоимостей. Производительность труда измеряется количеством потребительных стоимостей, произведённых в единицу времени. Чем больше потреби[# 104]тельных стоимостей производится в единицу времени, тем выше производительность труда и наоборот.

Производительность труда зависит от целого ряда факторов. Характеризуя важнейшие из них, Маркс в работе

«Заработная плата, цена и прибыль» писал:

«Если оставить в стороне различие природных особенностей и приобретённых производственных навыков различных людей, то производительная сила труда должна зависеть главным образом:

- 1) от *естественных* условий труда, как-то: плодородия почвы, богатства рудников и т. д.;
- 2) от прогрессирующего совершенствования *общественных сил труда*, которое обуславливается производством в крупном масштабе, концентрацией капитала, комбинированием труда, разделением труда, машинами, усовершенствованием методов производства, использованием химических и других естественных факторов, сокращением времени и пространства с помощью средств связи и транспорта и всякими другими изобретениями, посредством которых наука заставляет силы природы служить труду и благодаря которым развивается общественный, или кооперативный, характер труда»⁴⁸.

В «Капитале» факторы, влияющие на производительность труда, охарактеризованы Марксом следующим образом: «Производительная сила труда определяется разнообразными обстоятельствами, между прочим средней степенью искусства рабочего, уровнем развития науки и степенью её технологического применения, общественной комбинацией производственного процесса, размерами и эффективностью средств производства, природными условиями»⁴⁹.

Сравнив оба этих высказывания Маркса, читатель легко увидит, что они не противоречат, а дополняют друг друга. То, что в одном намечено кратко — в другом развёрнуто и наоборот.

Рост производительности труда выражается в росте потребительных стоимостей, производимых в единицу времени. Он не оказывает никакого влияния на общую сумму создаваемой стоимости. 10 часов общественного [# 105] труда будут создавать всегда одну и ту же сумму стоимости, независимо от того, сколько потребительных стоимостей за это время производится и какова производительность труда.

Не затрагивая общей суммы стоимости, создаваемой за определённые отрезки времени, изменения в производительности общественного труда отражаются непосредственно на величине стоимости отдельных товаров. Предположим, за 10-часовой рабочий день производилось 5 единиц товаров. В этом случае в каждой единице воплощалось $10 : 5 = 2$ часа труда. Эти 2 часа и определяли стоимость единицы товара. С повышением производительности труда вдвое за тот же 10-часовой рабочий день будет производиться не 5, а 10 единиц товаров. Теперь в каждом товаре будет воплощено не 2, а 1 час труда. Его стоимость соответственно упадёт в два раза. Общая сумма стоимости, создаваемая за 10-часовой рабочий день, осталась прежней. Но теперь она распределяется на большее количество единиц товаров, а потому стоимость единицы снижается.

Таким образом, рост производительности общественного труда находится в обратно пропорциональном отношении к величине стоимости произведённых товаров.

Маркс формулирует следующий закон, выражающий внутреннюю связь между производительностью труда и величиной стоимости товаров: «Чем выше производительная сила труда, тем меньше труда затрачивается на данное количество продукта и, следовательно, тем меньше стоимость продукта. Чем ниже производительная сила труда, тем больше труда затрачивается на данное количество продукта и тем, следовательно, выше его стоимость. Поэтому мы можем установить, как общий закон, следующее:

*Стоимости товаров прямо пропорциональны рабочему времени, затраченному на их производство, и обратно пропорциональны производительной силе затраченного труда»*⁵⁰.

В периоды резкого повышения производительности общественного труда, вызванного развитием науки и техники, величина стоимости товаров подвергается особенно сильным изменениям в сторону значительного её понижения. [# 106]

§ 3. Противоречие между индивидуальным и общественно необходимым рабочим временем

В условиях, когда процесс производства осуществляется частными обособленными производителями, неизбежно возникает глубокое противоречие между индивидуальным и общественно необходимым временем.

У одних товаропроизводителей индивидуальные затраты совпадают с общественно необходимыми, у других они больше, у третьих — меньше. Это обстоятельство отражается на судьбе всех товаропроизводителей — уровне их благосостояния, состоянии личного хозяйства, развитии всего общественного производства.

Товаропроизводители, у которых затраты труда на производство ниже, чем общественно необходимые, при продаже своих товаров по единой общественной стоимости будут получать выигрыш и обогащаться. Если, например, на

⁴⁸К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 128.

⁴⁹К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 48.

⁵⁰К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 128.

производство костюма товаропроизводитель затратил 12 часов индивидуального труда, а общественно необходимые затраты равны 18 часам, то, продавая костюм по его стоимости, он получит в обмен за 12 часов своего труда 18 часов общественно необходимого труда. Если такое положение будет сохраняться длительное время, данный производитель будет быстро обогащаться, расширять размеры своего хозяйства, получит дополнительные материальные источники для усовершенствования производства, введения новой техники, дальнейшего повышения производительности труда, а это, в свою очередь, способствует росту производимых товаров и продаже их на более выгодных условиях. Из этой группы товаропроизводителей формируется зажиточная верхушка, быстро богатая и расширяющая масштабы производства.

Напротив, товаропроизводители, у которых индивидуальные затраты выше общественно необходимых, будут терпеть убытки при продаже товаров по стоимости. Если, например, товаропроизводитель затратил на изготовление костюма 24 часа, а его стоимость определяется 18 часами общественно необходимого труда, то при продаже костюма по стоимости он получит в обмен за 24 часа своего труда 18 часов общественно необходимого. Количество костюмов, которые он производит, у него будет значительно меньше. Если такие условия сохра[# 107]няются длительное время, его положение будет быстро ухудшаться: производство будет приходить в упадок, уровень жизни понизится.

Наконец, положение товаропроизводителей, у которых индивидуальные затраты совпадают с общественно необходимыми, является крайне неустойчивым. Общественно необходимое время не остаётся неизменным. С ростом производительности труда и расширением масштабов производства у лучшей группы производителей оно постепенно снизится. Как только эта группа произведёт основную массу товаров, величина стоимости будет определяться условиями производства лучшей группы. Средняя группа окажется на положении тех товаропроизводителей, индивидуальные затраты которых выше общественно необходимых. Чтобы удержать свои позиции, она вынуждается силой обстоятельств к повышению производительности труда, иначе наступит постепенное ухудшение положения и разорение.

Таким образом, противоречие между индивидуальным и общественно необходимым трудом выражается, во-первых, в росте дифференциации товаропроизводителей, их расслоении на бедняков, середняков и зажиточную верхушку. Жадиточная верхушка по мере расширения масштабов своего производства испытывает потребность в дополнительных рабочих силах, так как силами одной семьи становится невозможным осуществлять производство. Она нанимает рабочих-батраков из числа нишающих и разоряющихся мелких товаропроизводителей. Сначала рабочая сила нанимается лишь на отдельные периоды, сезон, и используется наряду с личным трудом самих производителей. Постепенно наёмный труд полностью вытесняет труд производителя и членов его семьи. Жадиточная верхушка превращается в новый класс — капиталистов, осуществляющих процесс производства на основе наёмного труда. Большинство же разоряющихся товаропроизводителей, чтобы свести концы с концами, вынуждены сначала временно наниматься на работу к жадиточным хозяевам с целью получить дополнительные деньги для развития своего хозяйства и улучшения благосостояния. На определённом этапе они вынуждены полностью забросить своё хозяйство и существовать за счёт продажи своей рабочей силы. Из этой группы формируются всё новые и новые отря[# 108]ды пролетариата. Таким образом дифференциация товаропроизводителей неизбежно ведёт к возникновению основных классов капиталистического общества. На этом основании марксизм-ленинизм делает вывод, что «мелкое производство *рождает* капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе»⁵¹.

Во-вторых, противоречие между индивидуальным и общественно необходимым трудом является движущей силой в развитии производительных сил товарного хозяйства. Ожесточённая конкурентная борьба, в ходе которой выживают только сильнейшие, а остальные разоряются и пролетаризируются, заставляет товаропроизводителей становиться на путь технических усовершенствований, повышения производительности труда. Кто этого не делает, у того индивидуальные затраты труда неизбежно станут выше общественно необходимых, что приводит их к разорению и гибели. Рост производительности труда в свою очередь ведёт к сокращению общественно необходимого рабочего времени, снижению стоимости товаров, что даёт новый толчок для повышения производительности труда у всех товаропроизводителей. Если при натуральных формах хозяйства веками и тысячелетиями сохранялись старые приёмы и методы производства, рутинная, примитивная техника, то при товарном производстве такой застой невозможен. Развитие производительных сил, рост производительности труда диктуются здесь самим характером производственных отношений, противоречием между индивидуальным и общественно необходимым трудом. При этой форме производства прогресс в развитии производительных сил достигается значительно более быстрыми темпами, чем при всех предшествовавших капитализму формах производства. Однако этот прогресс достигается ценой разорения, обнищания и гибели десятков и сотен тысяч мелких товаропроизводителей города и деревни. Хотя эта форма более прогрессивна, её нельзя рассматривать как вечную и наиболее разумную. Она чревата внутренними противоречиями, несёт в себе зародыш собственной гибели, носит исторически преходящий характер. [# 109]

⁵¹ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 7–8.

Глава V. Форма стоимости или меновая стоимость

§ 1. Соотношение стоимости и меновой стоимости как сущности и формы её проявления. Критика буржуазных и мелкобуржуазных взглядов

После того как выяснена субстанция стоимости и её величина, Маркс переходит к исследованию формы стоимости. Этому посвящён § 3 главы о товаре.

Название этого параграфа — «Форма стоимости или меновая стоимость». Тожественны ли выражения «форма стоимости» и «меновая стоимость»? Если тождественны, то зачем необходимо применение двух различных терминов, если же нет, то в чем различия между ними?

Чтобы решить этот вопрос, вспомним, что Маркс начинает характеристику товара с констатации его свойств, которые даны непосредственно на поверхности явлений. Термином «меновая стоимость» он характеризует свойство вещей в той или иной пропорции обмениваться на другие. Наличие этого свойства не отрицается ни одним буржуазным экономистом. Но задача науки состоит не в том, чтоб констатировать внешний вид того или иного явления, а в том, чтобы раскрыть его сущность. В решении этого вопроса сразу же начинаются разногласия. Некоторые буржуазные экономисты, например Бэйли, считают, что реально существует только меновая стоимость товаров, никакой внутренней стоимости у товаров нет. Раз нет стоимости, значит, и меновая стоимость не находится ни в какой внутренней связи со стоимостью, не является формой её проявления. Признание меновой стоимости сочетается у этих экономистов с отрицанием того, что меновая стоимость есть форма проявления скрытой за ней стоимости. [# 110]

Другие буржуазные экономисты признают наличие стоимости. Например, классики буржуазной политической экономии А. Смит и особенно Д. Рикардо доказывали, что в основе меновой стоимости лежит стоимость, определяемая количеством труда, затраченного на производство товара. Они признают, что меновая стоимость товаров определяется их стоимостью, видят связь между стоимостью и меновой стоимостью. Но эта связь кажется им чисто внешней.

«Один из основных недостатков классической политической экономии состоит в том, — писал Маркс, — что ей никогда не удавалось из анализа товара и, в частности, товарной стоимости вывести форму стоимости, которая именно и делает её меновой стоимостью. Как раз в лице своих лучших представителей А. Смита и Рикардо она рассматривает форму стоимости как нечто совершенно безразличное и даже внешнее по отношению к природе товара»⁵².

Этот существенный недостаток классиков буржуазной политической экономии был ещё более углублён и доведён до несостоятельных выводов представителями мелкобуржуазной политической экономии (Грей и Брэй в Англии, Прудон во Франции). Рассмотрение их взглядов позволит более рельефно оттенить сущность проблемы, решаемой Марксом в его учении о меновой стоимости как необходимой форме проявления стоимости.

Их рассуждения сводятся к следующему. Наукой установлено, что стоимость товаров определяется количеством труда, затраченного на их производство. Мерой стоимости является рабочее время. Отсюда следует, что стоимость товаров должна выражаться непосредственно в часах рабочего времени, затраченного на их производство. Между тем на практике дело обстоит иначе.

Стоимость товаров выражается в деньгах, а не в рабочем времени. Пока люди не знали, чем определяется стоимость товаров, они могли её выражать в деньгах окольным способом. Но теперь, когда наука установила природу стоимости, необходимо преобразовать практику. Нужно организовать обмен товарами без денег, [# 111] непосредственно по количеству труда, воплощённому в каждом из товаров. Общество должно учитывать, сколько труда содержится в том или ином товаре, выдавать товаропроизводителю соответствующую трудовую квитанцию, на основе которой товаропроизводитель получит право приобрести другие товары, содержащие такое же количество труда. По мнению мелкобуржуазных экономистов, наличие денег затрудняет обмен между частными товаропроизводителями. Для того чтобы приобрести другие товары, каждый производитель сначала должен продать свой товар за деньги, а затем уже на деньги покупать то, что ему нужно. Однако продать товар за деньги не всегда удаётся, ибо не всегда найдёшь покупателя, обладающего необходимыми деньгами. Нужно сделать так, чтобы любой товаропроизводитель, создав тот иной товар, мог легко и просто обменять этот товар на необходимые ему товары. Нужно добиться, чтобы каждый товар обладал свойством непосредственной обмениваемости на любой другой товар, подобно тому как этим свойством обладают деньги. Этой цели можно достичь, если обмен будет осуществляться непосредственно по количеству труда, затраченного на производство товаров.

В соответствии с этой теоретической установкой в Англии и Франции были организованы так называемые банки «справедливого обмена» или «национальные базары», где обмен товарами осуществлялся без денег, на основе трудовых квитанций. Эти «банки» и «базары», просуществовав некоторое время, обанкротились, показав несостоятельность исходных теоретических позиций мелкобуржуазных экономистов.

⁵²К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 91.

Исходное положение мелкобуржуазных экономистов сводится к тому, что деньги не являются объективно необходимой формой выражения стоимости. Хотя на практике выражение стоимости товаров в деньгах имеет место, оно не обязательно, более того, оно, по их мнению, противоречит интересам развития обмена. Они признают меновую стоимость, но при этом не рассматривают её как объективно необходимую форму стоимости. Внутренняя связь между стоимостью и меновой стоимостью ими не понята.

Для Маркса же стоимость и меновая стоимость внутренне связаны друг с другом. Меновая стоимость [# 112] является единственно возможной и объективно необходимой формой выражения стоимости. Вне этой формы стоимость товаров никак не может быть обнаружена. Называя параграф «Форма стоимости или меновая стоимость», Маркс сразу же подчёркивает коренное отличие своего подхода к меновой стоимости от буржуазных экономистов. Термин «меновая стоимость» обозначает определённое экономическое явление, лежащее на поверхности. Форма же стоимости характеризует качественное содержание этого явления, его природу.

На первом этапе исследования товара Маркс характеризовал меновую стоимость как количественное соотношение, в котором товары обмениваются друг на друга. Эта первая характеристика была необходима для того, чтобы «напасть на след»⁵³ стоимости. Далее Маркс рассмотрел субстанцию стоимости и её величину независимо от меновой стоимости. Он снова возвращается к характеристике меновой стоимости. Но после раскрытия субстанции стоимости меновая стоимость получает иную характеристику, она выступает теперь не только как количественное соотношение, но и как объективно необходимая форма проявления стоимости, то есть характеризуется с качественной стороны.

Один из коренных недостатков анализа меновой стоимости у предшественников Маркс видел в том, что они концентрировали своё внимание на количественной стороне меновой стоимости, но совершенно не исследовали её с качественной стороны как форму стоимости.

«Находясь под влиянием грубого практичного буржуа, — пишет Маркс, — они с самого начала обращают внимание исключительно на количественную определённую менового отношения»⁵⁴.

Рассмотреть меновую стоимость независимо от количественной стороны означает выяснить качественное содержание, которое выражается в меновом отношении.

Главный вопрос сводится к следующему: почему стоимость может получить форму выражения только в меновом отношении. Для решения этого вопроса необходимо сначала выяснить, почему стоимость товаров не [# 113] может быть выражена непосредственно в часах рабочего времени, до обмена, независимо от менового отношения товаров друг к другу.

Невозможность выражения стоимости товаров непосредственно в рабочем времени. Тезис мелкобуржуазных экономистов о возможности выражения стоимости товаров в часах рабочего времени до обмена и независимо от обмена базируется на примитивном и поверхностном представлении о содержании стоимости. Это поверхностное представление о природе стоимости выразилось в ряде моментов.

Во-первых, мелкобуржуазные экономисты полагали, что труд любого частного товаропроизводителя создаёт стоимость. Раз создана полезная вещь и в этой полезной вещи воплощено определённое количество труда, значит, эта вещь обладает стоимостью — таково исходное рассуждение мелкобуржуазных экономистов. Субстанцией стоимости они считали частный, а не общественный труд. В этом состояла первая и коренная ошибка их последующих рассуждений о стоимости.

Маркс убедительно показал, что частный труд производителей не всегда и не при всяких условиях является трудом, создающим стоимость. Он является таковым, если затрата труда данного частного производителя является одновременно необходимой затратой общественного труда, если этот частный труд затрачивается в соответствии с общественным разделением труда и общественными потребностями. Но если труд данного частного производителя не входит в состав совокупного общественного труда, он не создаёт никакой стоимости. На практике это выражается в том, что товаропроизводитель не может продать продукты, своего труда, хотя в них и содержится определённое количество труда.

Маркс показал также, что труд одного и того же частного производителя может оказаться частью общественно-го труда, а может оказаться и выключенным из состава общественного труда. Причём сегодня продукт данного частного труда может обладать качествами общественного труда, а завтра он может стать ненужным в системе общественного разделения труда. Между тем мелкобуржуазные экономисты исходили из того, что труд любого частного товаропроизводителя в любое время, при любой структуре общественного разделения [# 114] труда и общественных потребностей создаёт стоимость.

Ошибочность этого исходного положения на практике привела к следующим результатам. Как правило, в банки «справедливого обмена» частные производители приносили товары, не находившие сбыта на обычном рынке и ко-

⁵³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т 23, стр. 56.

⁵⁴ Там же, стр. 59.

торые нельзя было выгодно продать за деньги. Банк должен был принимать эти товары и оценивать их стоимость в соответствии с количеством воплощённого в них труда. Через определённое количество времени банк был завален товарами, не находившими сбыта на обычных рынках. Товары же, хорошо продававшиеся на обычном рынке, охотно брались в банках «справедливого обмена» и затем перепродавались на обычном рынке по спекулятивным ценам. Продукты частного труда, не получившие общественного признания на рынке, оценивались как продукты, имеющие стоимость. Всё это в конечном итоге привело к банкротству банков. Практика доказала абсолютную несостоятельность теорий, исходивших из того, что труд любого частного производителя создаёт стоимость, является частью общественного труда.

Отмечая коренной порок этих мелкобуржуазных утопий, Маркс, критикуя Грэя, писал:

«...он вообразил, что товары могли бы находиться в непосредственном отношении друг к другу как продукты общественного труда. Но они могут относиться друг к другу только в качестве того, что они действительно собой представляют. Товары суть непосредственно продукты обособленных, независимых частных работ, которые посредством своего отчуждения в процессе частного обмена должны доказать свой характер всеобщего общественного труда; иначе говоря, труд на основе товарного производства становится общественным трудом лишь посредством всестороннего отчуждения индивидуальных работ»⁵⁵.

И далее Маркс заключает: «Догма, согласно которой товар есть непосредственно деньги или содержащийся в товаре особенный труд частного лица есть непосредственно общественный труд, не становится, конечно, истинной оттого, что какой-то банк верит в неё и дей[# 115]ствует сообразно с ней. Напротив, в таком случае банкротство взяло бы на себя роль практической критики»⁵⁶.

Для того чтобы измерять стоимость непосредственно в часах рабочего времени, необходимо иметь уверенность в том, что воплощённый в данном продукте труд частного лица является непосредственно общественным. Но этого в товарном хозяйстве никто знать не может, ибо в силу основного противоречия между частным и общественным трудом труд частных лиц является непосредственно частным и лишь скрытообщественным. Он может быть и не быть частью общественного труда. Если мы выражаем в часах затраты труда данного частного производителя, то, во-первых, у нас нет гарантии, что этот труд есть часть общественного и что, во-вторых, он создаёт стоимость.

Непонимание мелкобуржуазными экономистами различий и глубокого противоречия между частным и общественным трудом привело к неправильному пониманию субстанции стоимости, а это в свою очередь — к утопическим представлениям о возможности выражения стоимости товаров непосредственно в часах рабочего времени.

Из этой коренной ошибки вытекали и все последующие. Не проводилось различий между конкретным и абстрактным трудом, между индивидуальным и общественно необходимым рабочим временем.

Непонимание общественной субстанции стоимости явилось основой появления мелкобуржуазных проектов измерения стоимости товаров непосредственно в часах рабочего времени. Отсюда же вытекало непонимание внутренней связи между стоимостью и меновой стоимостью как объективно необходимой формой выражения стоимости.

Согласно мелкобуржуазным теориям, сначала измеряется количество труда, затраченного на производство товаров, затем устанавливаются пропорции обмена между товарами. Выражение стоимости товара в часах рабочего времени предшествует его меновому отношению и происходит независимо от него.

На практике, каждый частный товаропроизводитель, [# 116] появляясь на рынке, конечно, имеет определённое представление о том, какое количество труда он затратил на производство своего товара. Но одно дело частный, конкретный труд, воплощённый в товаре, и совсем другое — общественный абстрактный труд. Затраты первого могут быть известны, но не ими характеризуется величина стоимости товара. Субстанция и величина стоимости зависят от того, какое количество общественного, абстрактного труда воплощено в данном товаре. Но этого не может знать ни один товаропроизводитель и не в силах подсчитать никакой учёный. Субстанция и величина стоимости формируются стихийно, независимо от воли и желаний отдельных лиц. Этот процесс идёт за спиной товаропроизводителей, не подконтролен им и не может никем планироваться в обществе, основанном на частном, обособленном производстве. Перегруппировки внутри системы общественного разделения труда происходят независимо от воли и желаний отдельных лиц, их частный труд то включён в систему общественного труда, то выключается из него, получает то одну оценку, то другую. Общественная оценка труда не обязательно должна совпадать с субъективными представлениями частных лиц о затратах своего индивидуального труда.

Меновая стоимость — единственно возможная и объективно необходимая форма выражения стоимости.

Приступая к исследованию форм стоимости, Маркс выдвигает следующее исключительно важное положение, дающее ключ к пониманию вопроса о соотношении стоимости и меновой стоимости:

«Вы можете ошупывать и разглядывать каждый отдельный товар, делать с ним что вам угодно, он как стоимость (Wertding) остаётся неуловимым. Но если мы припомним, что товары обладают стоимостью

⁵⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 68–69.

⁵⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 70.

(Wertgegenständlichkeit) лишь постольку, поскольку они суть выражения одного и того же общественного единства — человеческого труда, что их стоимость (Wertgegenständlichkeit) имеет поэтому чисто общественный характер, то для нас станет само собою понятным, что и проявляться она может лишь в общественном отношении одного товара к другому»⁵⁷. [# 117]

В этом положении Маркса содержится два внутренне связанных тезиса.

Во-первых, отмечается, что отдельный товар, взятый вне менового отношения, как стоимость «остаётся неуловимым». Это означает, что до обмена каждый товар является непосредственно продуктом частного труда. Но неизвестно, является ли воплощённый в нем труд частичкой общественного. Он может быть таковым, а может и не быть. «Неуловимость» стоимости до обмена в том и состоит, что неизвестно, содержится ли в данном товаре необходимая часть общественного труда или нет.

Чтобы выразить свою принадлежность к единой общественной субстанции — общественному труду, каждый товар должен вступить в отношение с другими товарами. Реально обмениваясь друг на друга, товары доказывают, что они являются продуктами общественного труда, его необходимыми составными частями. При этом важно подчеркнуть, что речь идёт о реальном обмене товарами, а не о их мысленном приравнивании друг к другу. Товаропроизводитель может вынести свой товар на рынок, назначить ему цену, но от этого стоимость его товара ещё не получила форму выражения, если реально его товар не обменивается на другие. В совокупной массе товаров, предлагаемой в каждый данный момент на рынке, какая-то часть является необходимой для удовлетворения общественных потребностей, а соответственно воплощённый в этой части труд признаётся общественным трудом. А другая часть товаров хотя и вынесена на рынок при сегодняшних потребностях общества, может оказаться ненужной и не будет принята в обмен. Это означает, что сегодня данный вид товаров не рассматривается как воплощение необходимой части общественного труда. Завтра положение может измениться и эта часть товаров будет распродана. В каждый данный момент общественная потребность в предметах производительного или личного потребления имеет свои границы. Труд, который сегодня не рассматривался частичкой общественного, а поэтому продукт данного вида труда не принимался в обмен, завтра становится необходимой частью общественного труда. Следовательно, только реальный процесс обмена товарами удостоверяет наличие в товарах общественной субстанции — общественного труда. Меновое отношение товаров друг к другу есть единственно возможный путь для выражения того, что содержащийся в этих товарах труд есть общественный труд. Именно потому, что субстанцией стоимости является не просто труд, а общественный труд, стоимость может получить форму для своего выражения только в общественном отношении товаров друг к другу.

Меновое отношение означает, что один товар приравнивается к определённому количеству других товаров и реально обменивается на них. В этом меновом отношении стоимость товара получает количественное и качественное выражение. Стоимость одного товара, выраженная в определённом количестве других товаров, называется меновой стоимостью.

§ 2. Развитие обмена и форм стоимости

Предварительные замечания. В развитом товарном хозяйстве типичным является выражение стоимости всех товаров в деньгах или денежная форма стоимости. Однако денежная форма стоимости возникла не сразу, она сама является результатом длительного исторического развития обмена, перехода от одних, наиболее простых форм, к другим, более сложным.

Формулируя главную задачу при исследовании форм стоимости, Маркс писал:

«Каждый знает — если он даже ничего более не знает, — что товары обладают общей им всем формой стоимости, резко контрастирующей с пёстрыми натуральными формами их потребительных стоимостей, а именно: обладают денежной формой стоимости. Нам предстоит здесь совершить то, чего буржуазная политическая экономия даже и не пыталась сделать, — именно показать происхождение этой денежной формы, т. е. проследить развитие выражения стоимости, заключающегося в стоимостном отношении товаров, от простейшего, едва заметного образа и вплоть до ослепительной денежной формы. Вместе с тем исчезнет и загадочность денег»⁵⁸. [# 119]

Итак, главная задача — раскрыть происхождение и сущность денег.

Домарксовская буржуазная политическая экономия в той или иной форме занималась этим вопросом, но так и не смогла дать научного его решения.

Одной из распространённых форм объяснения происхождения денег являются утверждения, будто люди сознательно договорились о введении денег для преодоления трудностей и неудобств обмена. Деньги, согласно этому взгляду, — знаки, символы, введённые государством для соизмерения стоимости разнородных товаров.

⁵⁷К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 56.

⁵⁸К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 57.

А. Смит несколько поколебал эту точку зрения, отметив, что деньги не являются результатом сознательного договора людей, а развились стихийно. Он указал далее, что деньги — это не просто знаки или символы стоимости — они сами являются товарами и обладают стоимостью, а потому могут выступать в качестве соизмерителя стоимостей всех остальных товаров.

Мысль о том, что деньги тоже являются товаром и подчиняются закону стоимости, была ценной и плодотворной. Её развил в дальнейшем Д. Рикардо. Однако этого было ещё совершенно недостаточно для объяснения происхождения и сущности денег. Почему один из товаров становится деньгами, наделяется особыми общественными свойствами, какие причины обусловили неизбежность данного явления? Эти вопросы не были даже поставлены классиками буржуазной политической экономии. Между тем, указывал Маркс, «трудность состоит не в том, чтобы понять, что деньги — товар, а в том, чтобы выяснить, как и почему товар становится деньгами»⁵⁹.

Анализ форм стоимости и имеет своей конечной целью разрешить эту трудность.

Для правильного уяснения хода доказательств Маркса необходимо руководствоваться следующими исходными положениями.

Во-первых, важно усвоить внутреннюю связь между развитием товара и денег, исходя из указания Маркса о том, что «в той же самой мере, в какой осуществляется превращение продуктов труда в товары, осуществляется и превращение товара в деньги»⁶⁰. [# 120]

Неизбежность возникновения денег Маркс связывает с внутренними противоречиями товара и их развитием. Поэтому, во-вторых, читатель должен внимательно следить за тем, как зарождаются и развиваются эти противоречия, почему именно денежная форма необходима для их разрешения.

Противоречия товара, как уже выяснено, порождаются двойственным характером труда, их создающего. Поэтому, в-третьих, необходимо усвоить глубокую внутреннюю связь между возникновением денег и развитием специфического характера общественного труда, создающего товары.

Маркс неоднократно отмечал, что превращение товара в деньги неразрывно связано с развитием абстрактного труда. В той мере, в какой развивается абстрактно-всеобщий труд, возникает необходимость в деньгах как всеобщем эквиваленте. Один из существенных недостатков анализа денег у классиков буржуазной политической экономии Маркс видел в том, что они не поняли этой связи. Д. Рикардо, по характеристике Маркса, «не понял того, что отдельный труд должен быть представлен как абстрактно всеобщий и, в этой форме, как *общественный* труд. Поэтому Рикардо не понял связи образования денег с сущностью стоимости и с определением этой стоимости рабочим временем»⁶¹.

При изучении процесса развития обмена и форм стоимости читатель должен обратить особое внимание на эту сторону вопроса.

Известно, что деньги обладают особым свойством: они могут быть превращены в любую потребительную стоимость, какую пожелает сам владелец денег, они обладают качеством непосредственной обмениваемости на любой другой товар. Чем порождено это особое качество денег? Сознательной договорённостью людей? Случайным стечением обстоятельств? Или существуют более глубокие объективные причины?

В предшествующем изложении было показано, что в товарном хозяйстве происходит раздвоение труда на конкретный и абстрактный. Конкретный труд выражается в строго определённой потребительной стоимости, [# 121] абстрактный же труд может быть выражен в любой потребительной стоимости. Маркс установил внутреннюю связь между развитием абстрактного труда и деньгами: деньги — это форма бытия общественного, абстрактного труда. Они выступают как воплощение абстрактного труда и именно поэтому приобретают качество непосредственной обмениваемости на любой другой товар. Первичным является формирование абстрактного труда, производным — формирование денег. При этом важно иметь в виду, что только в деньгах абстрактный труд приобретает вполне самостоятельную форму выражения.

Эту связь Маркс тщательно выявляет на примере развития обмена и форм стоимости. Зародышевым формам развития абстрактного труда соответствует простая или случайная форма стоимости. Более развитым формам абстрактного труда соответствует и более развитая полная или развёрнутая форма стоимости. Формирование абстрактно всеобщего труда приводит и к возникновению всеобщего эквивалента — денег.

Простая или случайная форма стоимости. Исследование форм стоимости Маркс начинает с простой или случайной формы стоимости. «Тайна всякой формы стоимости, — пишет он, — заключена в этой простой форме стоимости. Её анализ и представляет поэтому главную трудность»⁶².

⁵⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 102.

⁶⁰ Там же, стр. 97.

⁶¹ К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, ч. III. Госполитиздат. М., 1961, стр. 126.

⁶² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 57.

Простая форма стоимости исторически возникла раньше других. Поэтому логический анализ этой формы в качестве исходной отражает действительный исторический процесс развития обмена и форм стоимости.

Простая форма стоимости характеризуется тем, что здесь в обмене сталкиваются только два, а не ряд товаров. Один товар выражает свою стоимость только в определённом количестве другого товара, с которым вступает в обмен. Например, 10 кг мяса обмениваются на 1 пуд пшеницы. Эта форма стоимости является простой потому, что стоимость одного товара выражается только в каком-то одном виде других товаров. Она является случайной потому, что вопрос о том, в каком именно виде товаров будет выражаться стоимость 10 кг мяса, решается случайным путём, на основе чисто случайных актов обмена. Она соответствует тому этапу исторического развития, когда обмен ещё только зарождался.

Обмен товарами, как известно, возникает ещё при разложении первобытнообщинного строя. В качестве обменивающихся сторон выступают здесь не частные, а коллективные собственники — общины.

Предположим, что имеются две общины, каждая из которых производит в собственном хозяйстве 100 видов различных потребительных стоимостей, необходимых для удовлетворения личных и производственных потребностей.

Соответственно, труд членов общины затрачивается в 100 различных конкретных формах.

Предположим, далее, что одна община в силу естественных, природно-климатических факторов производит излишек мяса, но не имеет недостатка в пшенице, другая же, напротив, производит излишек пшеницы, но испытывает недостаток мяса. Это обстоятельство создаёт предпосылки для возникновения обмена между ними.

Для первой общины излишек мяса, произведённый сверх собственных потребностей, уже не представляет потребительной стоимости точно так же, как для второй общины этим качеством не обладает излишек пшеницы. Но мясо обладает потребительной стоимостью для другой общины, а пшеница — для первой. Возникают предпосылки для развития общественной потребительной стоимости: мясо имеет потребительную стоимость для другой общины, но не обладает таковой для его производителя. То же самое относится и к пшенице.

Обмен мяса на пшеницу необходим для обеих общин. Если подобный обмен закрепляется, становится прочным, устойчивым, постоянным, то первая община вообще может прекратить производство пшеницы и увеличить производство мяса, а вторая, напротив — прекратит производство мяса и увеличит производство пшеницы с тем, чтобы в обмен на неё приобрести необходимое количество мяса. Между общинами зарождается новый тип экономических связей, регулируемый иными законами, чем тот, который существует внутри каждой из общин. Зарождается новый тип общественного труда.

Если раньше каждая из общин затрачивала свой труд в 100 различных конкретных формах и производи[123]ла сама 100 различных видов потребительных стоимостей, то теперь каждая из общин затрачивает труд только в 99 конкретных формах (первая община прекратила производство пшеницы, а вторая — мяса). Тем не менее, каждая из общин имеет в своём распоряжении по-прежнему 100 потребительных стоимостей. Отсутствующий внутри данной общины конкретный труд по производству пшеницы восполняется тем, что другая община производит этот вид продукта в количестве, достаточном для обеих общин, а первая община, расширив производство мяса, обеспечивает удовлетворение не только своих потребностей, но и потребностей другой общины. Разделение труда связывает ранее изолированные и независимые друг от друга общины в единое экономическое целое. Судьба одной общины начинает в известной мере зависеть от производства другой общины. Каждая из них выступает как частный, обособленный производитель, собственник производимых продуктов, организующий производство по собственному усмотрению, не зная действительных потребностей другой общины. Одна община не может приказывать другой, сколько и каких продуктов та должна произвести. Если внутренние условия развития данной общины требуют, чтобы она временно прекратила производство мяса и расширила производство других необходимых ей потребительных стоимостей, то это будет сделано независимо от того, какое влияние окажет на вторую общину. Если для второй общины необходимо 200 кг мяса, а первая в силу своих производственных возможностей произвела только 100 кг, то вторая община не удовлетворит какой-то круг своих потребностей. Может произойти и другой случай: первая община, желая приобрести побольше пшеницы, предлагает в обмен 300 кг мяса, в то время как вторая община нуждается только в 200 кг. Излишние 100 кг не будут приняты в обмен.

Здесь ясно обнаруживается, что зарождение частного обособленного производства на базе разделения труда сразу же порождает зародыш его основного противоречия между общественным и частным трудом. Каждая из общин может нормально развиваться, если обе будут производить обмениваемые продукты в том количестве, какое необходимо для обеих общин. Но поскольку каждая из них производит по собственному [124] усмотрению, неизбежно, зарождение первых диспропорций в производстве и обмене.

Раздвоение труда на частный и общественный в то же время порождает и раздвоение труда на конкретный и абстрактный.

Первая община производит мясо не для себя, а для другой общины, чтобы получить в обмен пшеницу. Из тех 99 видов конкретного труда, которыми занимаются члены общины, один вид, а именно тот, который производит

мясо, приобретает особое значение, выделяется из всех остальных, ибо в отличие от них он выражается не в одной потребительной стоимости, а в двух, то есть имеет значение труда не только конкретного, но и труда абстрактного, пусть пока ещё в зародышевой форме. Важность этого труда для общины состоит не в том, что он производит мясо, а в том, что он может быть превращён в определённое количество пшеницы.

Раздвоение труда на конкретный и абстрактный приводит в свою очередь к тому, что продукт данного труда приобретает двойные свойства — потребительной стоимости и стоимости, становится товаром. В отличие от всех остальных продуктов, производимых данной общиной и имеющих значение только потребительных стоимостей, мясо, в нашем примере, занимает особое положение. Оно имеет не только потребительную стоимость, но и стоимость, ибо в нем воплощён не просто труд, а абстрактный труд.

«Постоянное повторение обмена, — указывал Маркс, — делает его регулярным общественным процессом. Поэтому с течением времени по крайней мере часть продуктов труда начинает производиться преднамеренно для нужд обмена. С этого момента, с одной стороны, закрепляется разделение между полезностью вещи для непосредственного потребления и полезностью её для обмена. Её потребительная стоимость отделяется от её меновой стоимости»⁶³.

Мясо теперь производится общиной не ради его потребительной стоимости, а ради его стоимости, его способности обмениваться на другие потребительные стоимости.

Зарождается новая цель производства. [# 125]

Приобретение продуктом труда свойства стоимости в свою очередь выдвигает на первый план вопрос о формах выражения этой стоимости. Субстанцией стоимости является общественный абстрактный труд. Эту природу стоимость может выразить посредством отношения одного товара к другому, ибо только в реальном акте обмена может быть доказано, что труд, воплощённый в одном товаре, качественно одинаков с трудом, воплощённым в другом товаре.

Хотя труд образует субстанцию стоимости, сам он стоимости не имеет. Он становится стоимостью только в овеществлённой форме. А поскольку стоимость есть овеществлённый труд, то и обнаружиться она может только в отношении к другому продукту, в котором тоже овеществлён труд. Иначе говоря, стоимость одного товара может быть выражена только через определённое количество потребительной стоимости другого товара.

«Человеческая рабочая сила в текущем состоянии, или человеческий труд, — писал Маркс, — образует стоимость, но сам труд не есть стоимость. Стоимостью он становится в застывшем состоянии в предметной форме. Для того чтобы стоимость холста была выражена как сгусток человеческого труда, она должна быть выражена как особая «предметность», которая вещно отлична от самого холста и в то же время обща ему и другому товару»⁶⁴.

Эта задача и решается сначала посредством отношения двух товаров в виде простой формы стоимости.

Простая форма стоимости выступает как меновое отношение товаров друг к другу — 10 кг мяса = 1 пуду пшеницы. Она предполагает единство двух полюсов. На одном полюсе находится товар, стоимость которого ищет форму выражения; на другом — товар, который служит материалом для выражения стоимости. Первый товар находится в относительной форме стоимости, то есть он выражает свою стоимость по отношению к чему-то другому, отличному от его собственной натуральной формы. Второй товар находится в эквивалентной форме стоимости, выступает как эквивалент (равноценность) первого товара, служит материалом, в котором выражается стоимость другой товар. Первый товар играет активную роль, второй — пассивную. Необходимость в эквивалентной форме стоимости возникает по мере того, как развивается относительная форма стоимости, на рынок выбрасываются всё большие массы товаров, требующие выражения своей стоимости. Поэтому развитие эквивалентной формы стоимости идёт в зависимости от развития относительной формы стоимости.

Относительная и эквивалентная формы стоимости представляют неразрывное единство. Товар не может находиться в относительной форме стоимости, если ему не противостоит товар, находящийся в эквивалентной форме и наоборот.

Вместе с тем относительная и эквивалентная формы стоимости исключают друг друга. Если товар находится в относительной форме стоимости, то он уже не может быть эквивалентом и наоборот. Один и тот же товар в каждый данный момент не может выступать и как товар, ищущий выражения своей стоимости, и как товар, доставляющий материал для выражения стоимости. Выражение стоимости одного товара обязательно предполагает противоположный полюс — другой товар, в котором выражается стоимость. Таким образом, относительная и эквивалентная формы стоимости — это единство противоположностей.

Относительная форма стоимости имеет качественную и количественную характеристику. Товар может находиться в относительной форме стоимости, потому что в нем содержится нечто качественно однородное, с тем товаром,

⁶³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 98.

⁶⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 60.

с которым он вступает в меновое отношение. Этим качественным содержанием относительной формы стоимости является тот факт, что в товаре воплощено определённое количество абстрактного труда и благодаря этому он может вступить в отношение с другим товаром, в котором тоже воплощён абстрактный труд.

Относительная форма стоимости имеет и количественную характеристику. Когда 10 кг мяса обмениваются на 1 пуд пшеницы, то этим выражается, что в нем содержится не только абстрактный труд, но и столько же труда, сколько в 1 пуде пшеницы. Пуд пшеницы удостоверяет количество труда, заключённого в 10 кг мяса.

Следовательно, в меновом отношении стоимость получает и качественное и количественное выражение. Но [# 127] это выражение принимает специфический характер — стоимость одного товара получает своё выражение через определённое количество потребительной стоимости другого товара. Пуд пшеницы выступает в нашем примере как выражение стоимости 10 кг мяса.

Этот специфический характер выражения стоимости через меновое отношение товаров обуславливает возможность количественного несовпадения в движении стоимости и её формы — меновой стоимости. Стоимость товара может остаться неизменной, в то время как меновая стоимость изменилась и наоборот.

Допустим, количество труда, затрачиваемого на производство 10 кг мяса, уменьшилось вдвое, соответственно и стоимость его снизилась в два раза. Значит ли это, что и меновая стоимость его упадёт в два раза, то есть в обмен на него дадут в два раза меньше пшеницы, чем прежде? Категорический утвердительный ответ был бы правомерным только в том случае, если предположить, что стоимость пшеницы осталась прежней, то есть, что на её производство затрачивается прежнее количество труда. В этом случае за 10 кг мяса стали бы давать только 0,5 пуда пшеницы и, следовательно, меновая стоимость мяса упала бы пропорционально падению его стоимости. Но может случиться и так, что количество труда, затрачиваемого на производство пшеницы, тоже сократилось в два раза, соответственно понизится и её стоимость. В этом случае окажется, что, несмотря на изменения стоимости мяса и пшеницы, их меновая стоимость остаётся прежней, за 10 кг мяса по-прежнему дадут пуд пшеницы.

Меновая стоимость товара может расти, в то время как его стоимость падает. Предположим, на производство 10 кг мяса стали затрачивать в два раза меньше труда, чем прежде. В то же время количество труда, затрачиваемого на производство 1 пуда пшеницы, сократилось в 4 раза. В этом случае за 10 кг мяса дадут в обмен не 1 пуд пшеницы, а 2, хотя стоимость мяса понизилась в два раза.

Здесь особенно наглядно видно, что меновая стоимость выражает стоимость товара лишь относительно, то есть по отношению к другим товарам, но не даёт абсолютного выражения стоимости. Поскольку меновая стоимость есть отношение стоимости двух товаров, она [# 128] зависит не только от стоимости того товара, который выражает свою стоимость, но и от стоимости товара, выражающего стоимость другого товара.

Буржуазные экономисты, основываясь на том, что меновая стоимость может понижаться, в то время как затраченный на производство труд увеличивается, или, наоборот, меновая стоимость возрастает, хотя количество труда сокращается, пытаются утверждать, что труд не лежит в основе стоимости, а товары не имеют внутренне присущей им стоимости. Подобные утверждения базируются на отождествлении стоимости с меновой стоимостью, на непонимании, что меновая стоимость есть лишь специфическая форма выражения стоимости товаров, предполагающая отношение стоимостей двух товаров и отражающая в себе не только изменения стоимости одного товара, но и стоимости другого.

Возможность количественного несовпадения стоимости и меновой стоимости заключена уже в самом характере выражения стоимости в том, что меновая стоимость есть отношение не одного, а двух товаров.

Эквивалентная форма стоимости обладает рядом особенностей.

Во-первых, в качестве материала для выражения стоимости другого товара выступает определённая потребительная стоимость. В нашем примере потребительная стоимость пшеницы выступает как материал, в котором находит выражение стоимость мяса. Потребительная стоимость оказывается выражением своей противоположности — стоимости. Потребительная стоимость определённого товара, в нашем примере пшеницы, наделяется свойством выражать и измерять стоимость другого товара.

Во-вторых, конкретный труд, затраченный на производство товара-эквивалента, выступает как выражение своей противоположности — абстрактного труда, затраченного на производство товара. Конкретный труд, затраченный на производство пшеницы, выступает в данном отношении как мерило абстрактного труда, затраченного на производство мяса.

Наконец, в-третьих, частный труд становится формой выражения своей противоположности — труда общественного. Труд частного производителя, создавший пшеницу, выступает как труд, имеющий непосредствен[129]но общественное значение и удовлетворяющий общественную значимость частного труда, затраченного на производство мяса. Когда мясо обменивается на пшеницу, то этим удостоверяется, что труд, затраченный на его производство имеет не только частное, но и общественное значение. Через обмен на пшеницу частный труд по производству мяса доказывает свою общественную значимость.

Товар, выступающий в эквивалентной форме стоимости, наделяется особыми общественными функциями — его натуральная форма приобретает особые общественные свойства. Потребительная стоимость товара-эквивалента наделяется общественным свойством — быть формой выражения стоимости. Конкретный труд, затраченный на производство товара-эквивалента, наделяется общественным свойством быть мерой всех видов труда, то есть выступает как абстрактный труд. Наконец, частный труд, затрачиваемый на производство товара-эквивалента, наделяется общественным свойством быть выразителем непосредственно общественной значимости различных видов частного труда.

При простой форме стоимости в зародышевой форме намечается процесс распада товарного мира на два полюса. На одной стороне товар, ищущий форму для выражения стоимости, на другой — товар, служащий материалом для выражения стоимости. Однако при простой форме этот процесс ещё недостаточно выражен. Здесь функции товара-эквивалента ещё не срастаются прочно с определённым видом товара. Вопрос о том, какой товар выступает в относительной форме стоимости и какой в эквивалентной, решается случайно. В нашем примере товаром-эквивалентом являлась пшеница. Но вполне может оказаться и так, что пшеница будет выступать в качестве относительной формы стоимости, а мясо, например, станет играть роль эквивалента. Всё зависит от случая.

Полная, или развёрнутая, форма стоимости. По мере развития общественного разделения труда и обмена осуществляется переход от простой формы стоимости к полной, или развёрнутой. Эта форма характеризуется тем, что один и тот же товар выражает свою стоимость не в каком-то одном товаре, а в целом ряде других товаров. Если в рассматриваемом [# 130] выше примере мясо обменивалось только на пшеницу и в ней выражало свою стоимость, то теперь оно начинает обмениваться, допустим, и на соль, воск, каменные топоры, молотки, украшения. В качестве эквивалента теперь выступает не какой-то один товар, а многие другие товары, на которые обменивается мясо. Чем больший круг потребительных стоимостей может быть обменён на мясо, тем больший ряд выражений своей стоимости оно получает. Здесь существует много товаров-эквивалентов. Только один товар — мясо выступает в относительной форме стоимости. Остальные же товары играют роль эквивалентной формы или просто эквивалентов.

Полная или развёрнутая форма стоимости соответствует той стадии в развитии товарного обмена, когда он становится не случайным, а регулярным, устойчивым и постоянно повторяющимся актом.

Обмен мяса не на один, а на множество других товаров, отражает факт углубления общественного разделения труда и расширение нового типа экономической связи между производителями. Если раньше труд, затраченный на производство мяса, выделялся среди других видов труда данной общины тем, что он мог быть выражен не только в мясе, но и в пшенице, то теперь его значение ещё больше возрастает, ибо он может быть выражен в самых разнообразных потребительных стоимостях, равен по своему значению труду, воплощённому во множестве различных потребительных стоимостей. Чем глубже общественное разделение труда и обособление производителей, тем отчётливее обнаруживается равенство различных видов труда как затрат единой общественной рабочей силы, абстрактного труда. Абстрактный труд из зародышевой формы превращается во всё более и более развитую.

По мере того как данная община постоянно начинает обменивать мясо на самые разнообразные потребительные стоимости, создаются предпосылки для того, чтобы она вообще прекратила у себя производство всех остальных потребительных стоимостей и полностью специализировалась лишь на производстве мяса. Раз труд, затраченный на производство мяса, приобрёл способность выражаться в самых разнообразных потребительных стоимостях, то для общины нет больше надобности [# 131] самой производить другие виды потребительных стоимостей. Она их может приобрести в обмен на мясо. Если раньше мы предполагали, что община затрачивает труд в 99 конкретных формах, то теперь она может затрачивать свой труд только в одной конкретной форме — в виде производства мяса. Все остальные виды конкретного труда исключаются⁶⁵. Но тем не менее община получает в обмен все необходимые ей виды потребительных стоимостей, хотя их и не производила. Здесь отчётливо обнаруживается, что труд, затраченный на производство мяса, приобретает значение труда не только конкретного, но и абстрактного, труда вообще, который может быть выражен в любой потребительной стоимости, а не в какой-то одной.

Это обстоятельство усиливает общественные связи между обособленными общинами, специализирующимися на производстве различных видов продуктов и вместе с тем развивает и углубляет противоречие между общественным и частным трудом.

До возникновения обмена каждая община занималась 100 видами конкретного труда и производила сама 100 видов потребительных стоимостей. Теперь каждая община занимается только одним видом конкретного труда. 100 общин, связанных друг с другом разделением труда, производят и 100 различных потребительных стоимостей и затрачивают труд в 100 различных конкретных формах. Но ни одна община, взятая в отдельности, уже не производит всего этого комплекса, хотя потребность во всех этих видах потребительных стоимостей сохраняется. Чтобы все общины нормально развивались, каждая из них должна производить свой продукт в таком объёме, который

⁶⁵ Пример имеет гипотетический характер и приводится лишь для простоты изложения. В реальной исторической действительности ни одна из первобытных общин не достигала такой глубокой степени специализации. Этот процесс развёртывается уже после разложения общины, с переходом к частной собственности.

бы удовлетворил потребности остальных 99 общин. Если в производстве какой-либо из общин произойдёт заминка, это отразится на развитии и других общин. Поскольку каждая община противостоит другой в качестве собственника, определяющего размеры и характер собственного производства по собственному усмотрению, не зная действительных [# 132] потребностей всех остальных общин в тех или иных видах потребительных стоимостей, неизбежно усиление анархичности и диспропорциональности развития, перерывов в общественном производстве. Новый тип общественного труда порождает и присущие ему специфические противоречия.

Если раньше, до установления новых экономических связей, труд, затраченный на производство мяса, имел непосредственно общественный характер, то теперь он теряет этот характер и становится трудом непосредственно частным и лишь скрыто общественным.

Каждая община должна доказать, что производимый ею продукт имеет не просто потребительную стоимость, а общественную потребительную стоимость. Она должна доказать, далее, что затраченный ею труд является не только её частным делом, но и имеет значение общественного труда, имеет не только потребительную стоимость, но и стоимость. Вся судьба данной общины теперь зависит от того, будет ли принят её продукт в обмен или нет, а если принят, то на каких условиях, сколько других продуктов дадут в обмен за её собственный.

Если раньше община имела полный контроль над производством всех 100 потребительных стоимостей и производила их в соответствии со своими потребностями, то теперь она теряет этот контроль. Производство всех остальных потребительных стоимостей ей не подчинено. Удовлетворение её собственных потребностей оказывается в глубокой зависимости от производства других общин, каждая из которых руководствуется собственными интересами.

На этой основе зарождается и товарный фетишизм. Подробно он будет рассмотрен в следующей главе. Сейчас же обратим внимание лишь на зародыши этого явления.

Уже при простой форме стоимости, как мы видели, одна из потребительных стоимостей — мясо — приобретала по сравнению с другими потребительными стоимостями особое значение — она могла быть обменена на пшеницу. Этой особенностью не обладала ни одна из других потребительных стоимостей, производимых внутри общины. Причины, породившие это явление — в развитии особого, специфического характера труда, со[# 133]здающего мясо, в отличие от других потребительных стоимостей. Но людям кажется, что мясо обладает способностью обмениваться на пшеницу в силу его естественных свойств. Только мясо идёт в обмен на пшеницу. Остальные потребительные стоимости не обмениваются. Поэтому и кажется, что само мясо имеет естественное свойство обмениваться на другие товары. Свойство обмениваемости, порождённое разделением труда и обособлением производителей, то есть новым типом общественного труда, начинает рассматриваться людьми как естественное свойство данной потребительной стоимости в отличие от других. Внутри общины развивается некоторое предпочтение к мясу, по сравнению с другими потребительными стоимостями.

При полной, или развёрнутой, форме стоимости этот процесс развёртывается дальше, ибо теперь мясо обменивается не только на пшеницу, но и на множество других потребительных стоимостей. Оно приобретает в глазах людей особую ценность, ибо становится воплощением богатства, средством для приобретения любой другой потребительной стоимости. Естественным свойствам мяса приписываются особые свойства в отличие от других вещей.

При полной или развёрнутой форме стоимости стоимость одного товара, в нашем примере мяса, выражается в целом ряде потребительных стоимостей других, противостоящих товаров. Данный товар имеет бесчисленное выражение своей стоимости, но он ещё не имеет единой формы для выражения своей стоимости. Между тем потребность в такой единой форме развивается по мере развития самого товарного обмена.

Поскольку мясо выражает свою стоимость в любой другой потребительной стоимости, то существует и обратное отношение: все другие товары с разными потребительными стоимостями выражают свою стоимость в мясе, ибо они приравняются к мясу и обмениваются на него. Для всех остальных товаров мясо оказывается той формой, в которой они выражают свою стоимость. Полная, или развёрнутая форма стоимости, таким образом, неизбежно приводит к формированию качественно новой всеобщей формы стоимости.

Всеобщая форма стоимости. Всеобщая форма стоимости характеризуется тем, что здесь все [# 134] товары выражают свою стоимость в каком-то одном товаре, в нашем примере в мясе. Если при развёрнутой форме каждый товар имел бесчисленное выражение своей стоимости в самых различных потребительных стоимостях других товаров, то теперь положение меняется: все товары имеют только одну, единую для всех форму стоимости — все они выражают свою стоимость в одном товаре. В этом состоит качественное отличие всеобщей формы стоимости от полной, или развёрнутой.

При полной, или развёрнутой форме стоимости только мясо находилось в относительной форме стоимости, а все остальные товары выступали по отношению к нему как эквиваленты. При всеобщей форме стоимости, наоборот, все товары находятся в относительной форме стоимости и лишь один товар — мясо — выступает в качестве

эквивалента. Поскольку в нем выражают свою стоимость все остальные товары, он имеет значение всеобщего эквивалента. Если раньше способностью выражать стоимость обладали все товары, то теперь ею наделяется только один товар, выделенный стихийно из всей остальной массы товаров.

Поскольку все товары выражают свою стоимость только в каком-то одном товаре, их стоимость приобретает единую для всех форму проявления.

На разных этапах исторического развития, в различных странах роль всеобщего эквивалента играли различные товары: скот, меха, крабы, ракушки и т. д. На определённом этапе функции всеобщего эквивалента выполняли благородные металлы — золото и серебро. Они вытесняют все остальные конкурировавшие с ними товары-эквиваленты и становятся всеобщим эквивалентом во всех странах и в отношениях между странами. От всеобщей формы осуществляется переход к денежной форме стоимости.

Денежная форма стоимости. Денежная форма стоимости характеризуется тем, что все товары выражают свою стоимость только в золоте. Золото, выполняя функции всеобщего эквивалента, становится деньгами, то есть особым товаром, в котором выражают свою стоимость все остальные товары.

Стоимость товаров, выраженная в деньгах, называется ценой товара. Когда мы говорим, что 1 топор [# 135] стоит 0,5 г золота, то выражаем стоимость топора в денежной форме, указываем его цену.

Золото может стать всеобщим эквивалентом только потому, что оно является товаром, имеет стоимость и потребительную стоимость, на его производство тоже затрачивается труд. Если б золото не было товаром и не имело стоимости, оно не смогло бы стать всеобщим эквивалентом — деньгами.

Сначала золото и серебро являлись обычными, рядовыми товарами. Подобно всем остальным товарам они выражали свою стоимость в других товарах, прошли через случайную, развёрнутую и всеобщую форму стоимости. Были исторические периоды, когда стоимость золота и серебра выражалась, например, в скоте или мехах, в зависимости от того, какой из этих товаров играл роль всеобщего эквивалента. По мере стихийного развития товарного обмена, расширения рыночных связей, особенно мировых торговых связей, золото и серебро постепенно завоёвывают прочную монополию на выполнение функции всеобщего эквивалента, не уступая эту роль другим товарам. Прочное соединение всеобщей эквивалентной формы с натуральной формой определённого товара — золота — превращает этот товар в деньги.

Длительное время в качестве денег в различных странах одновременно функционировали и золото и серебро. Но во второй половине 19 века роль всеобщего эквивалента монополично завоёвывает золото. Оно является деньгами и современного капиталистического общества.

Благородные металлы стали деньгами потому, что их натуральная форма и естественные свойства наилучшим образом соответствуют выполнению общественных функций всеобщего эквивалента. Во-первых, они обладают качественной однородностью. Один слиток золота обладает теми же качествами, что и другой той же пробы, а это особенно важно для денежного товара. Субстанцией стоимости, как известно, является качественно однородный, одинаковый абстрактный труд. Поэтому для выражения стоимости товаров лучше всего подходит такой товар, все экземпляры которого качественно одинаковы и различаются лишь количественно по своему весу. Во-вторых, благородные металлы [# 136] обладают свойством произвольной делимости и соединяемости, что также необходимо для выражения стоимости разнообразных товаров. Различные товары обладают различной стоимостью, и для выражения этой стоимости требуется, чтобы товар — всеобщий эквивалент можно было произвольно делить на любое количество частей. В-третьих, благородные металлы обладают свойством портативности. Золото обладает высокой стоимостью по сравнению с остальными товарами. Незначительные по весу слитки золота могут выразить стоимость значительных товарных масс. Каждый товаропроизводитель может произвести закупки товаров на крупные суммы, взяв с собой сравнительно небольшое количество золота. Развитие товарного производства расширяет пространственные рамки экономических связей. Этому благоприятствует портативность, денег. В-четвёртых, благородные металлы обладают свойством длительной сохраняемости. Золото и серебро слабо подвергаются окислению, ржавчине и порче, практически могут сохраняться столетиями. Это свойство имеет важное значение в товарном хозяйстве, где целью производства является создание меновой стоимости. Товаропроизводитель испытывает потребность в том, чтобы произведённая им стоимость приобрела самостоятельную форму существования и могла накапливаться и сохраняться длительное время.

Естественные свойства золота и серебра объясняют, почему именно эти товары лучше других могут выполнять функции всеобщего эквивалента. Но сами по себе естественные свойства ещё не являются причиной возникновения денег. Появление денег вызвано не естественными свойствами вещей, а общественными отношениями между людьми в процессе производства. Объективная необходимость появления товара всеобщего эквивалента вызывается внутренним строем товарного производства, противоречием между общественным и частным трудом, конкретным и абстрактным, между потребительной стоимостью товара и его стоимостью. Внутренние противоречия товара требуют внешней формы проявления. Деньги являются необходимой формой разрешения внутренних противоречий товара. С появлением денег все товары получают всеобщую форму для выражения своей стоимости. [#

«Приобретение самостоятельности меновой стоимостью товара в деньгах само есть продукт процесса обмена, результат развития содержащихся в товаре противоречий потребительной стоимости и меновой стоимости и того не в меньшей мере содержащегося в нем противоречия, что определённый, особый труд частного индивида с необходимостью должен выявить себя как свою противоположность, как одинаковый, необходимый, всеобщий и в этой форме общественный труд»⁶⁶.

Развитие форм стоимости как выражение развития внутренних противоречий товара. В распределении товарного мира на товары и деньги находит своё разрешение противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью. Все товары выступают как потребительные стоимости, деньги же — как воплощение стоимости. Для того чтобы выразить свою стоимость, каждый товар должен предварительно превратиться в деньги. Только превратившись в деньги, товар доказывает, что он есть не только потребительная стоимость, но и стоимость. Стоимость товаров приобретает в деньгах самостоятельную форму существования.

Каждый раз, когда товар продан, превращён в деньги, его меновая стоимость приобретает самостоятельное существование, отличное от его потребительной стоимости. «Товар теперь существует только как определённое количество общественного рабочего времени, и он доказывает это своей способностью непосредственно обмениваться на любой товар, превращаясь в любую потребительную стоимость (соответственно своему количеству)»⁶⁷.

Продав свой товар, каждый товаропроизводитель получает его стоимость в виде определённого количества денег. Стоимость существует здесь в самостоятельной форме, отделившись от потребительной стоимости, которая являлась её вещественным носителем. В то же время обмен на деньги означает, что потребительная стоимость данного товара как бы освобождается от своей ноши — стоимости, сбрасывает её и входит в процесс потребления. Продав сапоги, сапожник лишается их потребительной стоимости, но он сохраняет их стоим[138]ость в виде определённого количества денег. Потребительная стоимость получает своё движение, не совпадающее с движением стоимости. Они как бы отделяются друг от друга. Внутреннее противоречие товара между потребительной стоимостью и стоимостью разрешается через обмен на деньги и в то же время приобретает новую форму существования. Конфликт между потребительной стоимостью и стоимостью приобретает внешнюю форму конфликта между товарами и деньгами. Все товары непосредственно выступают как потребительные стоимости, деньги — как меновая стоимость.

С появлением денег товарный мир приобретает свою специфическую форму выражения стоимости. Деньги выступают как мера абстрактного общечеловеческого труда. Они выступают как представители непосредственно общественного труда. Каждый товар, продукт частного труда, обменявшись на деньги, получает общественное признание; труд, затраченный на его производство, признается непосредственно общественным. С появлением денег законы товарного производства получают соответствующую форму для своего действия. [139]

Глава VI. Товарный фетишизм

Место теории товарного фетишизма в общей теории товара и стоимости. Главу о товаре Маркс заканчивает параграфом «Товарный фетишизм и его тайна».

В оценке места и значения этого параграфа необходимо избегать двух крайностей, которые в той или иной форме встречались в истории советской экономической мысли. Первая состояла в недооценке теории товарного фетишизма, вторая — в её переоценке.

Недооценка выражалась во взгляде группы экономистов, что учение Маркса о товарном фетишизме не является внутренне необходимой, составной частью теории товара и стоимости, будто товар и стоимость могут существовать как при наличии товарного фетишизма, так и при его отсутствии. Отсюда следовал вывод, что природу товара и стоимости можно понять и без исследования проблем товарного фетишизма.

Другая группа экономистов, напротив, утверждала, что именно в теории товарного фетишизма раскрывается самая глубокая сущность товара и стоимости и поэтому в ней лежит принципиально новое, отличающее марксовый анализ товара и стоимости от анализа его предшественников. Сторонники этого взгляда считали, что изложение проблем товара и стоимости нужно начинать с характеристики товарного фетишизма и лишь после этого переходить к анализу субстанции, величины и форм стоимости.

Усилиями советских экономистов обе крайности были преодолены.

В ходе дискуссий была доказана принципиальная неприемлемость отрыва марксовой теории товара и стоимости от теории товарного фетишизма. Теория товар[140]ного фетишизма стала рассматриваться не как второстепенное дополнение, а как внутренне необходимая составная часть теории товара и стоимости.

⁶⁶ К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, ч. III, стр. 119.

⁶⁷ Там же, стр. 125.

Вместе с тем была также признана неприемлемость концепции, согласно которой учение о товарном фетишизме вскрывает самую глубокую сущность стоимости.

Марксистское учение о товаре и стоимости складывается из трёх частей: 1) Субстанция стоимости и её величина. 2) Формы стоимости. 3) Товарный фетишизм. Каждая из этих частей характеризует ту или иную сторону природы товара и стоимости. Но эти три части — не механическое единство. Расположение Марксом рассматриваемых проблем в строго определённой последовательности — сначала субстанция стоимости и её величина, затем формы стоимости и, наконец, товарный фетишизм — не случайно. Оно выражает внутреннюю связь между этими сторонами, их соподчинённость.

Первичным определяющим является учение Маркса о субстанции стоимости, специфическом характере общественного труда, её создающего. Если правильно понята природа труда, образующего субстанцию стоимости, то становится ясным, почему стоимость должна проявиться именно в таких, а не иных формах. Учение о формах стоимости логически вытекает из учения о субстанции стоимости. Но раз доказано, что стоимость может проявиться только через меновые отношения вещей, то отсюда логически следует переход к проблеме фетишизации производственных отношений, их овеществлению и господствующей роли вещей над людьми. Учение о товарном фетишизме — это дальнейшее углубление и развитие анализа природы товара, субстанции стоимости и её форм.

К. Маркс, как мы знаем, при исследовании той или иной категории начинает с внешней её характеристики, явления. Затем от явления идёт к сущности, подвергая её отдельному изучению. От сущности возвращается к формам проявления. После этого сущность и явление рассматриваются в их внутреннем единстве, что позволяет выявить новые стороны, которые раньше, при раздельном рассмотрении сущности и явления, ещё не могли быть полностью вскрыты и объяснены. В параграфе о товарном фетишизме сущность стоимости и форм[141]мы её проявления рассматриваются во внутреннем единстве, что позволяет вскрыть новые моменты в природе изучаемых категорий.

§ 1. Объективные и субъективные формы проявления товарного фетишизма

При научном исследовании прежде всего должно быть определено явление, подлежащее изучению.

Между тем одна из первых трудностей, возникающая в процессе исследования товарного фетишизма, состоит именно в том, что изучающие нередко смутно представляют, о каких реальных явлениях экономической жизни идёт речь. И это не случайно. Для людей социалистического общества, особенно для молодёжи, знакомой с капитализмом лишь по литературе, очень трудно представить круг явлений, который Маркс назвал товарным фетишизмом, а тем более разобраться в его сущности.

Поэтому прежде чем раскрывать сущность товарного фетишизма, необходимо дать краткое описание форм, в которых фетишизм выступает непосредственно на поверхности явлений и наблюдается всеми агентами товарного производства. При этом принципиально важно провести разграничение между объективными и субъективными формами проявления товарного фетишизма. Объективные формы существуют независимо от воли, сознания и желания отдельных лиц. Субъективные — это те формы, которые товарный фетишизм принимает, отражаясь в сознании людей. Субъективные формы могут быть преодолены в процессе научного познания объективной действительности. Объективные же формы товарного фетишизма сохраняются до тех пор, пока существует данная система производственных отношений.

Господство вещей над людьми. «Персонификация вещей» и «овеществление лиц». Наиболее яркой объективной формой проявления товарного фетишизма является присущее товарному производству господство вещей над людьми. Каждый товаропроизводитель на своём личном опыте повседневно убеждается в том, что его судьба зависит от поведения произведённых им же самим вещей-товаров на рынке. При повышении цен на данный товар товаропроизводитель[142]тель обогащается, при понижении — терпит убытки и разоряется. Вещь-товар определяет уровень благосостояния каждого товаропроизводителя. Сегодня она может принести убытки и разорение завтра — неожиданное обогащение.

Вещи-товары диктуют товаропроизводителям выбор специализации, характер их занятий. Силой, заставляющей сотни и тысячи товаропроизводителей покидать старые отрасли производства и переходить в новые, менять профессию и т. д., является колебание цен вещей-товаров. Колебание цен товаров предопределяет движение людей из одной отрасли производства в другую, переезды из одного района или области в другой. Частые перемещения лиц объясняются не страстью людей к путешествиям, а имеют глубокие экономические причины. Каждый вынужден переселяться туда, где в данный момент более выгодны условия производства и сбыта товаров. А так как эти условия постоянно меняются, то это вызывает неизбежные путешествия в поисках выгодных рынков сбыта. Следовательно, поведение товаров на рынке является объективной силой, командующей над людьми, заставляющей их перестраивать всю свою деятельность в соответствии с рыночной конъюнктурой. Не люди командуют над продуктами труда, а, наоборот, продукты труда, став товарами, подчиняют себе своих создателей.

Подобное явление не имело места в предшествующих капитализму формациях. При феодализме, например, тоже производились продукты труда, но они не становились силой, господствующей над людьми и определяющей

все стороны их жизни. Уровень благосостояния и характер занятий крепостного крестьянина зависел не от произведённых им продуктов, а от отношений, в которых он находился с феодалом. Феодал на основе монополии земельной собственности и внеэкономического принуждения заставлял крестьянина заниматься именно тем, а не иным видом деятельности. Лично или через своих управляющих он устанавливал круг повинностей и сроки их исполнения, сколько крестьянин будет работать на себя, а сколько на него. Он определяет долю продукта, которая останется в распоряжении крестьянина и его место жительства. Следовательно, все стороны жизни крестьянина при феодализме зависели [# 143] не от вещей, а от личных отношений, которые складывались между ним и помещиком. Здесь в процессе производства непосредственно относятся друг к другу личности, а не вещи.

В товарном же хозяйстве одно лицо не имеет права распоряжаться деятельностью другого, определять характер его занятий, уровень благосостояния и т. п. Эти функции выполняются вещами-товарами. Человек непосредственно зависит не от другого человека, а от вещи. Таким образом, оказывается, что люди вступают в отношения не только друг с другом, но и с произведёнными продуктами-товарами. Вещи, в свою очередь, в процессе меновых актов вступают в отношение друг с другом. Происходит своеобразное удвоение отношений, в котором вещи становятся как бы самостоятельными действующими лицами, субъектами. Они также вступают в отношения не только друг с другом, но и людьми. Отношения между людьми опосредствуются отношениями между товарами. Эту особую роль вещей, когда неодушевлённый предмет, вещь, становится самостоятельным субъектом, «персоной» в общественных отношениях и выполняет человеческие, общественные функции, Маркс назвал «персонификацией вещей»⁶⁸. Персонификация вещей не есть нечто субъективное, приписываемое вещам. Это факт реальной жизни. Вещи выступают как самостоятельные действующие лица, наделённые своей собственной жизнью и вступающие в отношения с людьми и друг с другом, выполняющие человеческие функции в процессе общественного производства. Это специфическое явление — господство вещей над людьми и связанную с ним «персонификацию вещей», то есть превращение вещей в самостоятельных субъектов отношений, — Маркс назвал товарным фетишизмом.

«Чтобы найти аналогию этому, — писал он, — нам пришлось бы забраться в туманные области религиозного мира. Здесь продукты человеческого мозга представляются самостоятельными существами, одарёнными собственной жизнью, стоящими в определённых отношениях с людьми и друг с другом. То же самое происходит в мире товаров с продуктами человеческих рук. Это я называю фетишизмом, который присущ продуктам [# 144] труда, коль скоро они производятся как товары и который, следовательно, неотделим от товарного производства»⁶⁹.

Господство вещей находит своё выражение и в отмеченном Марксом явлении, которое он назвал «овеществлением лиц»⁷⁰.

Поскольку в товарном хозяйстве вещь становится «персоной», самостоятельным действующим лицом, имеющим определённую общественную силу, то обладание вещью передаёт её владельцу и ту силу, которая представлена в ней. Собственник вещи становится собственником общественной силы. Человек силен или слаб не сам по себе, а в зависимости от того, каким кругом вещей он обладает. Владелец капитала больше значит, чем простой владелец денег, а последний больше, чем собственник товаров. Вещи определяют место человека в обществе. Например, капиталист значит столько, сколько значит принадлежащий ему капитал.

При феодализме о власти человека и его силе в обществе судят по количеству крепостных душ, которые находятся в распоряжении феодала, то есть по количеству подчинённых ему людей. При капитализме же сила человека состоит в принадлежащих ему вещах. Капиталист, обладая денежным капиталом, может эксплуатировать других лиц. Но сначала он должен обладать вещами. Только сила вещей позволяет ему приобрести силу над людьми.

Персонификация вещей и овеществление лиц — это два полюса для выражения одного и того же — господства вещей над людьми. Персонификация вещей означает, что вещи из неодушевлённых предметов превратились как бы в самостоятельных субъектов, действующих лиц, играющих важную роль в отношениях между людьми, регулирующих эти отношения. Овеществление лиц означает, что люди стали как бы придатками вещей, исполнителями их воли. Из положения самостоятельных субъектов общественных отношений они превратились в пассивных исполнителей воли вещей. Действительное отношение оказывается перевёрнутым: вещи становятся в положение людей, а люди — вещей. [# 145] Вещи господствуют над людьми вместо того, чтобы люди господствовали над ними.

Субъективные формы проявления товарного фетишизма. Господство вещей над людьми, преломляясь в сознании людей, порождает так называемые субъективные формы товарного фетишизма.

Первой, наиболее простой, примитивной формой субъективного фетишизма является приписывание вещам особых, сверхъестественных свойств, обожествление вещей, преклонение перед ними, как перед фетишем.

Рядовой товаропроизводитель видит, что его судьба зависит от судьбы его товара на рынке. Рыночные колебания цен товаров подвержены постоянным изменениям, которые не могут быть заранее точно предусмотрены. Они

⁶⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 124.

⁶⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 82.

⁷⁰ См. там же, стр. 124.

обрушиваются на производителя как неожиданная стихийная сила, нарушающая все его расчёты и намерения. Не будучи в состоянии понять действительные причины, вызывающие подобные явления, товаропроизводитель объясняет их действием сверхъестественных сил, волей всевышнего. Он служит молебн и просит бога помочь ему в продаже товаров по выгодным ценам.

Эта форма субъективного фетишизма встречается не только среди рядовых товаропроизводителей, но и среди их идеологов — буржуазных и мелкобуржуазных экономистов. Так, буржуазный экономист прошлого века Молинари утверждал, что закон стоимости — это закон, ниспосланный богом для регулирования человеческих отношений, для наведения порядка в беспорядочно развивающемся мире частной собственности.

Сколь ни распространена подобная форма субъективного фетишизма, не она является главной, определяющей. Не против этой формы Маркс направляет острие своей критики.

Большинство буржуазных экономистов формально не приписывают вещам никаких «сверхъестественных» свойств, ясно указывают, что вещи выполняют не сверхъестественные, а общественные функции. Однако при этом они утверждают, что общественные свойства присущи вещам от природы, носят вечный характер. Общественные свойства вещей рассматриваются как их естественные свойства. Вещи с различными естественными свойствами, по их мнению, обладают и различны[146]ми общественными свойствами. Так, например, золото становится деньгами потому, что его естественные свойства наилучшим образом соизмеряют стоимость товаров. Средства производства обладают естественным свойством приносить прибыль, а земля — ренту. Общественные свойства вещей выводятся из их естественных свойств. В этом суть данной формы субъективного фетишизма.

Если господство вещей над людьми, присущее только товарному производству, связывается с естественными свойствами вещей, то неизбежно должен быть сделан вывод, что власть вещей над людьми всегда существовала и будет существовать. По своим естественным свойствам золото остаётся одинаковым как при рабстве, так и при коммунизме. Но значит ли это, что при рабстве и при коммунизме оно должно одинаково являться предметом поклонения людей, обладать особой властью, вызывать самые низменные страсти в погоне за золотым тельцом? Весь исторический опыт свидетельствует о том, что хотя люди уже давно научились добывать золото, оно приобрело власть над ними лишь при определённых исторических условиях, на определённом этапе развития и утратит эту власть с переходом к коммунизму.

Выведение общественных свойств вещей из естественных — это наиболее распространённая и по сей день в буржуазной политической экономии форма субъективного фетишизма. Естественным, свойствам вещей приписывается то, что в действительности им не присуще, а приобретает только при определённых производственных отношениях. Разоблачению этой формы субъективного фетишизма Маркс уделил главное внимание.

§ 2. Тайна товарного фетишизма

Вскрыть тайну товарного фетишизма — значит познать сущность данного явления, выявить причины, вызвавшие его к жизни. Впервые эта задача научно решена К. Марксом.

Прежде всего Маркс отверг буржуазные представления, будто господство вещей над людьми порождается их особыми естественными свойствами. Люди всегда производили и будут производить вещи. Это вечная необходимость для человеческого общества. Но не всегда вещи играют подобную роль в общественных отношениях.

Внимательно рассмотрев предшествующие капитализму способы производства, Маркс доказал, что вещи там не выступают посредниками между людьми, не персонифицируются. «Общественные отношения лиц в их труде проявляются во всяком случае здесь именно как их собственные личные отношения, а не облекаются в костюм общественных отношений вещей, продуктов труда»⁷¹.

Эти исторические экскурсы позволяют сделать первый вывод: особую роль играют не всякие вещи, а лишь вещи, ставшие товарами. Иначе говоря, господство вещей над людьми — это специфика только товарного хозяйства. «Откуда же возникает загадочный характер продукта труда, как только этот последний принимает форму товара? Очевидно, из самой этой формы»⁷².

Таким образом, ключ к разгадке господства вещей нужно искать в товарной форме продуктов труда.

Товар, как мы видели, представляет единство двух его свойств — потребительной стоимости и стоимости. Как потребительная стоимость он не имеет в себе ничего загадочного. Преобразуя вещества природы, люди сознательно придают им те свойства, которые необходимы для удовлетворения человеческих потребностей. Производство потребительных стоимостей осуществляется под контролем человека. Поэтому потребительная стоимость не может господствовать над людьми. Наоборот, люди, создавая потребительные стоимости по собственному усмотрению, господствуют над ними.

⁷¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 87–88.

⁷² Там же, стр. 81.

Отсюда следует второй вывод: тайну господства товаров над людьми нужно искать не в потребительной стоимости, а в стоимости товара. «Стоимость превращает каждый продукт труда в общественный иероглиф»⁷³.

Раскрыть природу стоимости — это значит раскрыть тайну господства вещей над людьми в товарном хозяйстве. Но природа стоимости определяется специфическим характером общественного труда, её создающего. [# 148] Отсюда следует третий вывод: тайну товарного фетишизма мы должны искать в особом характере общественного труда, создающего товары. «Этот фетишистский характер товарного мира порождается, как уже показал предшествующий анализ, своеобразным общественным характером труда, производящего товары»⁷⁴.

Раскрыть специфику общественного труда — значит раскрыть специфику тех производственных отношений, при которых люди осуществляют процесс производства. Отсюда четвёртый вывод — тайна товарного фетишизма заключается в производственных отношениях товарного хозяйства.

Внутренняя связь такова: специфический характер производственных отношений в товарном хозяйстве выражается в специфическом характере общественного труда; специфика общественного труда порождает особое свойство вещей — их стоимость; стоимость товаров через механизм цен оказывает господствующее влияние на людей — непосредственных участников производства.

Товаропроизводитель не видит связи, существующей между общественными отношениями и стоимостью. Ему кажется, что вещи господствуют над ним. В действительности же над ним господствует система производственных отношений, посредством вещей, через их свойства. Раскрытие отношений людей за отношениями вещей — одна из центральных задач при анализе товарного фетишизма. Необходимо: 1) за отношениями вещей вскрыть отношения людей; 2) выяснить, почему отношения между людьми должны выражаться через отношения между товарами, как отношения между стоимостями товаров.

Стоимость — производственное отношение, представленное в вещи, или «овеществлённое отношение». Товаропроизводитель наблюдает изменения товарных цен и руководствуется ими в повседневной деятельности. Но что является источником этих изменений? Изменение естественных свойств вещей? Нет. Колебания товарных цен вызываются изменениями, которые происходят в отношениях между людьми в процессе их трудовой деятельности, или, говоря иначе, в производственных отношениях. [# 149] Уяснение внутренней связи между движением товарных цен и отношениями между людьми в процессе производства имеет первостепенное значение.

Изменение цен может быть вызвано изменением стоимости товаров, а также колебаниями спроса и предложения. Рассмотрим каждый из этих случаев.

Допустим, товаропроизводитель Петров затрачивает на производство костюма 20 часов, и это время является общественно необходимым, определяющим величину стоимости всех костюмов данного сорта и качества. В этом случае отношение его товара к другим товарам, или меновая стоимость, определяется 20 часами труда, за которые он получает 20 часов, представленных в другом продукте. Допустим, величина стоимости костюмов изменилась, вместо 20 стала определяться 12 часами. Петров по-прежнему затрачивает 20 часов, применяет те же приёмы и методы производства, имеет ту же производительность труда и, может быть, даже работает более изящно и тонко, но цена костюма упала, и доходы товаропроизводителя снизились. Причина такого явления заключается в том, что внутри общественного труда произошли серьёзные перегруппировки, которых Петров не мог заметить: существенно изменилось соотношение между товаропроизводителями, которые работали при различных условиях производства — лучших, средних и худших. Если раньше основную массу костюмов производили те, кто затрачивал 20 часов, то теперь ими стали те, кто затрачивает 12 часов. Они наводнили рынок своими товарами, их условия производства стали общественно нормальными. Петров попал в разряд худших. Изменение в отношениях между товаропроизводителями привело к снижению стоимости костюмов. Изменилось и меновое отношение данного товара ко всем остальным. Следовательно, изменение в отношениях между людьми изменило величину стоимости товара, что в свою очередь привело к изменению меновой стоимости, цены товаров. Здесь прямая связь между отношениями людей в процессе производства и стоимостью товаров.

Другой случай. Стоимость осталась прежней, но цена товаров изменилась ввиду изменения спроса и предложения (повысилась или понизилась).

Буржуазная политическая экономия рассматривает [# 150] спрос и предложение как самостоятельный фактор, определяемый собственными законами и не находящийся ни в какой связи с производственными отношениями.

Между тем как показал Маркс, соотношение спроса и предложения — не самостоятельный, а производный фактор, определяемый отношениями, которые существуют между людьми в процессе производства. Изменение соотношения спроса и предложения означает, что внутри общественного производства одни конкретные виды труда производят продукты в излишнем количестве, другие — в недостаточном. В одних отраслях избыток труда, в

⁷³ Там же, стр. 84.

⁷⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 82.

других — недостаток. Изменение спроса и предложения выражает факт диспропорциональности развития общественного производства. Оно фиксирует, что в результате основного противоречия товарного производства внутри общественного труда произошли перегруппировки, приведшие к избыточному производству одних товаров и недостаточному — других. Следовательно, колебания спроса и предложения выражают изменения в отношениях между людьми по поводу их трудовой деятельности (распределение труда по различным конкретным сферам, соотношение между объемом производства в различных конкретных сферах). Эти изменения в перегруппировках общественного труда изменяют соотношение спроса и предложения, а через него меновую стоимость товаров, их цены. Повышение цены выше стоимости или падение ниже стоимости означает, что в комбинации общественных отношений произошли изменения. Вещи здесь какими были, такими и остались, но цена их изменилась, а это означает, что изменились внутренние отношения между товаропроизводителями.

Следовательно, и в этом случае существует прямая связь между производственными отношениями и свойствами вещей — их стоимостью и ценой. При одной комбинации общественных отношений одна и та же вещь стоит столько, а при другой — больше или меньше.

Движение и изменение цен товаров (их меновой стоимости) служит формой, в которой выражается более глубокая сущность — то или иное распределение общественного труда, та или иная пропорциональность в развитии общественного производства, та или иная расстановка сил между товаропроизводителями. Эту [# 151] мысль Маркс с особенной силой подчеркнул в письме к Кугельману от 11 июля 1868 г., уже после выхода в свет I тома «Капитала». Он писал: «А форма, в которой проявляется это пропорциональное распределение труда, при таком общественном устройстве, Когда связь общественного труда существует в виде *частного обмена* индивидуальных продуктов труда, — эта форма и есть *меновая стоимость* этих продуктов»⁷⁵.

Связь между ценой и производственными отношениями несомненна. Но каков характер этой связи? Должны ли мы ограничиться утверждением, что изменение отношений между людьми оказывает известное влияние на цены, или речь идёт об определяющем влиянии?

Внешне связь представляется в следующем виде. Поскольку на тот или иной продукт затрачено определённое количество труда, то он имеет стоимость независимо от отношений, которые сложились между людьми в процессе общественного труда. Производственные же отношения, выражающиеся в перегруппировках внутри общественного труда, могут повлиять лишь на величину стоимости и отклонения цен от стоимости, но не на сам факт наличия в вещи стоимости. При таком подходе получается, что стоимость — это внутренне присущее свойство всякой вещи, в которой воплощён труд. Комбинация общественных отношений оказывает лишь второстепенное влияние. Иначе говоря, мы приходим к фетишистскому выводу, будто стоимость — естественное свойство вещи, произведённой трудом.

Маркс решительно восставал против подобного понимания связи между производственными отношениями и стоимостью.

Принципиальное значение для правильного понимания этого вопроса имеет высказывание Маркса в третьем томе «Капитала». Там он пишет: «Производитель — как в промышленности, так и в земледелии, — рассматриваемый изолированно, не производит стоимости или товара. *Его продукт становится стоимостью и товаром лишь при определённой комбинации общественных отношений*»⁷⁶. (Курсив мой.— Н. Х.) [# 152]

Выделенные нами в цитате слова наиболее рельефно выражают различие в понимании стоимости Марксом и буржуазной политической экономией. Для Маркса комбинация общественных отношений есть коренная причина, придающая продуктам свойство стоимости. Не сам по себе факт затраты труда порождает стоимость, а факт затраты труда лишь при определённой комбинации общественных отношений. Если абстрагироваться от этой комбинации общественных отношений, то закрывается путь к пониманию стоимости.

Мы уже знаем, что труд частного лица выступает как труд, созидаящий стоимость только в том случае, если он затрачивается как необходимая составная часть совокупного общественного труда, является общественно необходимым трудом. Мы знаем также, что труд любого частного производителя в силу основного противоречия товарного производства может оказаться включённым или выключенным из системы общественного труда. Это зависит прежде всего от соотношений, которые существуют в распределении труда по различным сферам. Изменение соотношений меняет общественную значимость труда каждого частного производителя. Следовательно, именно комбинация общественных отношений предопределяет, чей частный труд включён в общественную связь и создаёт стоимость, а чей выключен и его продукт остаётся бесполезным, не имеющим стоимости. Продажа товара за деньги удостоверяет принадлежность труда к общественному. Только реальный акт рыночного обмена доказывает, что в данном товаре содержится стоимость. Эта стоимость находит своё выражение в деньгах.

О том, что Маркс имел в виду под «комбинацией общественных отношений» именно эти моменты, свидетельствуют слова, следующие сразу же за вышеприведённой цитатой и разъясняющие её смысл: «Его продукт становится

⁷⁵ К. Маркс, Ф. Энгельс. Письма о «Капитале», стр. 160.

⁷⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 189.

стоимостью и товаром лишь при определённой комбинации общественных отношений. Во-первых, поскольку он выступает как выражение общественного труда, следовательно, поскольку собственное рабочее время данного производителя является частью общественного рабочего времени вообще; во-вторых, этот общественный характер труда производителя проявляется в денежном характере его [# 153] продукта и его общей обмениваемости, определяемой ценой, как общественный характер, свойственный его продукту»⁷⁷.

Следовательно, общественные отношения людей в процессе производства — не второстепенный фактор, а причина, придающая продуктам труда свойство стоимости. Стоимость — это форма выражения затрат общественного труда при той или иной комбинации общественных отношений. Изменения в комбинации общественных отношений изменяют стоимость вещей, пропорции их обмена друг на друга, их цены. Через стоимость товаров отражается лишь характер отношений между частными обособленными производителями в системе общественного производства. Отсюда следует принципиально важный вывод Маркса о том, что стоимость есть общественное отношение, представленное в вещи или овеществлённое производственное отношение.

Чтобы найти аналогию этому, вспомним общеизвестный факт. Все люди наблюдают, что от луны идёт свет. Отсюда легко сделать вывод, что луна обладает свойством излучать свет. Но именно этот вывод является глубоко ошибочным. Наукой установлено, что луна сама по себе не является источником света, она лишь отражает свет, падающий на неё с солнца.

Нечто подобное мы наблюдаем в товарном хозяйстве. Видимость такова, что вещь обладает свойством стоимости сама по себе. Действительность же иная: стоимость вещи — лишь отражение отношений, в которых люди находятся в процессе их трудовой деятельности. Вещь стоит или ничего не стоит в зависимости от того, какое место занимает конкретный труд, её создавший, в системе общественного разделения труда в товарном хозяйстве. Через продукт труда и его поведение на рынке товаропроизводитель узнает, правильное ли место он занял в системе общественного труда, следует ему оставаться в данной сфере или переходить в другую. В стоимости товаров отражается расстановка сил между товаропроизводителями, распределение труда, пропорциональность в развитии общественного производства. Следовательно, стоимость вещей выступает как зеркало, в котором отражаются их собственные производственные отношения. [# 154]

Аналогия с зеркалом проводится Марксом в «Капитале». Он пишет: «Следовательно, таинственность товарной формы состоит просто в том, что она является зеркалом, которое отражает людям общественный характер их собственного труда как вещный характер самих продуктов труда, как общественные свойства данных вещей, присущие им от природы; поэтому и общественное отношение производителей к совокупному труду представляется им находящимся вне их общественным отношением вещей»⁷⁸. Свойство стоимости продукта — это общественное свойство вещи, порождённое необходимостью разрешить основное противоречие товарного хозяйства, установить пропорциональность в диспропорционально развивающемся мире частной собственности. По своему общественному назначению стоимость и её формы призваны учитывать, измерять и распределять общественный труд в соответствии с потребностями общественного производства. Если стоимость есть лишь определённый общественный способ для выражения затрат общественного труда на производство тех или иных товаров, то отсюда следует вывод, что в стоимости нет ни атома вещества природы и единственным создателем стоимости, её субстанцией, является только общественный труд. С этих позиций Маркс называет «скучным и бестолковым» спор буржуазных экономистов о том, участвует природа в создании меновой стоимости или нет.

«Так как меновая стоимость есть лишь определённый общественный способ выражать труд, затраченный на производство вещи, то, само собой разумеется, в меновой стоимости содержится не больше вещества, данного природой, чем, например, в вексельном курсе»⁷⁹.

Сращивание естественных свойств вещи с общественными — не случайность, а объективно неизбежный процесс при данной системе отношений. Вещь наделяется общественными функциями и выполняет особую роль в регулировании отношений между людьми в процессе общественного производства. Тайна товарного фетишизма — не в субъективных заблуждениях человеческого ума. Субъективные формы товарного фетишизма [# 155] могут быть преодолены. Поскольку сращивание естественных свойств вещей с общественными или овеществление производственных отношений при товарном хозяйстве объективно необходимы и неизбежны, постольку неизбежно сохраняется власть вещей над людьми, их господство, выражающееся в персонификации вещей и овеществлении лиц. Лишь с переходом от товарного производства к планомерно развивающемуся социалистическому способу производства наступит конец и господству товарного фетишизма.

«Строй общественного жизненного процесса, т. е. материального процесса производства, сбросит с себя мистическое туманное покрывало лишь тогда, когда он станет продуктом свободного общественного союза людей и будет находиться под их сознательным планомерным контролем»⁸⁰. [# 156]

⁷⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 189.

⁷⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 82.

⁷⁹ Там же, стр. 92.

⁸⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 90.

Глава VII. Закон стоимости и его роль в развитии товарного производства

У Маркса в «Капитале» нет специальной главы или параграфа под названием «Закон стоимости». Это не случайно.

Что значит вскрыть закон того или иного явления? Это значит, во-первых, познать сущность данного явления и, во-вторых, из сущности вывести необходимость именно таких, а не иных форм её проявления. Если теоретический анализ подтверждается практикой, то мы имеем право сказать, что познали закон данного явления.

Применительно к закону стоимости эта задача блестяще решена Марксом во всем предшествующем анализе природы товара и стоимости. Исследование субстанции стоимости вскрывает её сущность с качественной точки зрения. Анализ проблем общественно необходимого рабочего времени даёт количественную характеристику стоимости. Учение о формах стоимости и товарном фетишизме раскрывает механизм действия закона стоимости. Следовательно, после анализа этих проблем не остаётся больше ничего, что могло бы составить содержание специальной главы или параграфа о законе стоимости, ибо именно эта задача и решалась Марксом на протяжении предшествующего анализа⁸¹.

Мы выделяем специальную главу о законе стоимости не потому, что здесь идёт речь о чем-то принципиально [157] новом по сравнению с предшествующим анализом, а прежде всего из методических соображений — подвести итоги, систематизировать материал, акцентировать внимание на самых центральных моментах, которые иногда недооцениваются впервые изучающими «Капитал» К. Маркса.

§ 1. Закон стоимости — стихийный регулятор товарного производства

При любом способе производства существует глубокая необходимость учёта и распределения общественного труда по различным отраслям в соответствии со сложившимся уровнем потребностей. Если общество не будет считаться с этой необходимостью, оно погибнет.

В различных общественно-экономических формациях эта задача решается по-разному, в зависимости от существующих производственных отношений. Закон стоимости выступает как одна из исторических форм учёта и распределения общественного труда. Он присущ только товарному производству.

Специфические особенности этой общественной формы состоят в следующем.

Во-первых, закон стоимости осуществляет учёт и распределение общественного труда стихийным путём, за спиной производителей, независимо от их воли и желания.

Во-вторых, учёт общественного труда ведётся не непосредственно в часах рабочего времени, а косвенно, через продукт, его стоимость и меновые отношения с другими товарами.

В-третьих, учёт производится задним числом, уже после того как продукт произведён и вынесен на рынок.

В-четвёртых, закон стоимости лишь констатирует сложившиеся пропорции в распределении общественного труда, подсказывает, что нужно производить в ближайшее время, но он никогда не может подсказать, что потребуется через 5 или 10 лет.

Действие закона стоимости неизбежно ведёт к дифференциации товаропроизводителей. При этом важно иметь в виду, что дифференциация имеет место не только тогда, когда цены отклоняются от стоимости, но и тогда, когда товары продаются точно по стоимости. [158] Мелкобуржуазные экономисты полагают, что если устранить колебания цен вокруг стоимости, то прекратится и расслоение производителей, обогащение одних и разорение других. Это неверно, ибо в товарном хозяйстве существует глубокое противоречие между индивидуальным и общественно необходимым рабочим временем, которое вызывает дифференциацию и при условии продажи товаров по ценам, соответствующим их стоимости.

Закон стоимости неразрывно связан с овеществлением производственных отношений, господством вещей над людьми, фетишизацией производственных отношений, конкуренцией и анархией производства.

Он порождается основным противоречием товарного производства и служит специфической формой его разрешения. Разрешая основное противоречие, он не ликвидирует его, а, напротив, создаёт условия для его дальнейшего развития и обострения.

Регулирование общественного производства закон стоимости осуществляет через механизм цен. Отклонения цен от стоимости, вызываемые основным противоречием товарного хозяйства, стихийными перепадами труда из одной отрасли в другую, дают каждому товаропроизводителю не только ориентир, чем выгоднее заняться в данное время, но и заставляют каждого под угрозой полного разорения переключаться на производство тех видов товаров, которые в данный момент необходимы для процесса общественного воспроизводства. По сравнению со всеми

⁸¹ Речь идёт лишь о законе стоимости в рамках простого товарного производства. С переходом к капитализму конкретные формы действия закона стоимости усложняются, модифицируются, что порождает ряд новых проблем, например превращение стоимости в цену производства. Однако эти вопросы в данной работе не рассматриваются.

предшествующими капитализму формами учёта и распределения общественного труда закон стоимости выступает как более прогрессивная форма, содействующая развитию производительных сил, росту производительности общественного труда. Однако это форма не вечная и не идеальная. Она уступит место более совершенной, планомерно организованной коммунистической форме.

§ 2. Критика буржуазно-апологетической идеализации рыночного механизма регулирования экономики

Буржуазная политическая экономия обычно идеализирует рыночный механизм регулирования общественного производства. Она считает, что колебания цен по[# 159]зволяют наиболее гибко, эффективно и своевременно улавливать общественный спрос, быстро перестраивать общественное производство в соответствии с общественными потребностями. Подобная идеализация рыночного механизма особенно характерна для буржуазной политической экономии XIX и первой четверти XX века.

Научный анализ закона стоимости и механизма его действия разбивает подобные апологетические выводы, призывающие увековечить капитализм и объявить его наиболее идеальным типом общественного производства.

Закон стоимости действительно регулирует развитие общественного производства и позволяет добиться той или иной пропорциональности в развитии различных отраслей. Но, во-первых, эта пропорциональность достигается лишь на время. Она постоянно нарушается, приводя к перепроизводству одних товаров и недопроизводству других, создавая возможность экономических кризисов. Во-вторых, пропорциональность достигается лишь ценой жертв и лишений огромных масс населения, подвергающихся разорению. Наконец, в-третьих, восстановление пропорциональности неразрывно связано с расхищением огромных масс общественного труда.

Буржуазные экономисты сочинили сказку, будто в буржуазном обществе обеспечивается наиболее экономное использование материальных, денежных и трудовых ресурсов общества. Подтверждение этому они видят в том, что каждый частник в интересах конкурентной борьбы вынужден всё время снижать издержки производства, повышать производительность труда и т. д. Верно, что стихийные законы конкуренции заставляют всех предпринимателей осуществлять строжайший режим экономии. Но следует ли отсюда, что таким путём общество достигает наивысшей экономии общественного труда?

Производительность труда и величина затрат труда на производство товара играют решающую роль только тогда, когда данный вид конкретного труда является необходимым звеном совокупного общественного труда. При этой предпосылке выигрывает тот, кто затратил меньше труда, у кого индивидуальная стоимость ниже, чем общественная стоимость; он получает добавочные доходы, обогащается. Если бы труд каждого производителя всегда и при всех условиях являлся необходи[# 160]мым звеном общественного труда, то судьба производителя всецело зависела бы только от того, как он умеет экономить труд, повышать производительность труда и т. д. Но как раз этого и не может быть в условиях основного противоречия товарного производства. Положение каждого производителя является шатким и неустойчивым, ибо над каждым висит угроза, что избранный им вид конкретного труда с общественной точки зрения на определённом этапе окажется ненужным и бесполезным. Чувство неуверенности в завтрашнем дне владеет не только мелким производителем, но и капиталистами.

Предположим, капиталист, исходя из сегодняшних требований рынка, принимает решение построить обувную фабрику, затрачивает на это определённые средства, использует труд наёмных рабочих. Предположим, далее, что на строительство фабрики потребовалось два года. Через два года фабрика вступает в строй и начинает выбрасывать свой продукт на рынок. Но к этому времени в системе общественного разделения труда стихийно произошли такие перегруппировки, что производство обуви значительно превышает спрос на неё.

Капиталист не может сбыть свои товары. Общество не признает за ними общественной потребительной стоимости, а труд, затраченный на строительство фабрики и производство обуви, оказывается напрасно затраченным и бесполезным. Подобные явления не единичны. В периоды экономических кризисов они принимают широкие масштабы. Огромные массы общественного труда оказываются растраченными попусту. Экономические кризисы периодически потрясают капиталистический мир, отбрасывая его на десятки лет назад по объёму производства и приводя к потерям колоссальных материальных ценностей и вложенного в них труда. Жизнь показывает, что рыночный механизм ведёт к периодическому расхищению общественного труда. Закон стоимости — не идеальный регулятор. Он действует как слепая, разрушительная сила.

Многие представители современной буржуазной политической экономии начинают отказываться от идеализации рыночного механизма в качестве регулятора общественного производства. Школа британского эконо[# 161]ста Д. Кейнса на весь мир заявила, что этот механизм не может спасти буржуазное общество от периодических кризисов перепроизводства, безработицы и т. п. Кейнсианцы предложили не доверять стихийной игре рыночных сил, а усилить государственное вмешательство в экономику. На этой основе родились многочисленные теории «регулируемого» капитализма, согласно которым вмешательство государства позволит устранить кризисы и безработицу. Тот факт, что большинство современных буржуазных экономистов признало неспособность рыночного механизма обеспечить непрерывное развитие общественного производства, весьма примечателен. Он говорит о

полном торжестве марксистской теории товара и стоимости как подлинно научной теории, подтверждаемой каждым шагом развития буржуазного общества. Однако не следует думать, будто буржуазная политическая экономия решилась на такое признание из «чисто научных» соображений. За этими теоретическими признаниями скрыта ярко выраженная классовая цель. Предложения об усилении вмешательства государства в стихийную игру рыночного механизма имеют целью теоретически оправдать развертывающийся процесс развития государственно-монополистического капитализма, подчинения государства монополиям и использование ими государственного аппарата в интересах организованного грабежа трудящихся масс. Практика показывает, что усиление, роли государства не привело к ликвидации кризисов и безработицы. Это был лишь демагогический трюк, имеющий целью вызвать симпатии трудящихся масс. Напротив, усиление роли государства привело к баснословному обогащению крупнейших монополистических союзов и дальнейшему ухудшению положения трудящихся.

§ 3. Закон стоимости — основной экономический закон товарного производства

Классики марксизма-ленинизма, характеризуя роль закона стоимости, называли его «основным законом» товарного производства. В работе «Анти-Дюринг», Ф. Энгельс писал: «Закон стоимости — основной закон как раз товарного производства, следовательно, также [и] высшей его формы — капиталистического производства»⁸².

Что следует понимать под «основным» экономическим законом? В советской экономической литературе по этому вопросу имеются две позиции. Одни экономисты считают, что основной закон — это закон, выражающий наиболее глубокую сущность данного способа производства и определяющий все главные стороны и направления его развития. Другие называют основным законом — закон, который является исходным пунктом и основой для возникновения и развития всех остальных законов данного способа производства.

В отношении роли закона стоимости в товарном производстве обе названные позиции правильны. Закон стоимости действительно выражает наиболее глубокую сущность товарного производства, определяет все основные направления его развития и в то же время является исходным пунктом и основой для развития других законов.

Весь предшествующий анализ показал, что закон стоимости через механизм цен регулирует общественное производство, стимулирует в известных рамках развитие производительных сил, предопределяет тот или иной уровень жизни различных производителей. Он регулирует характер занятий людей, выбор ими той или иной специальности и даже места жительства. Он развивает анархию и конкуренцию, стихийность и диспропорциональность развития. Нет ни одного явления в товарном хозяйстве, которое так или иначе не было бы связано с действием закона стоимости. Поскольку все отношения между людьми выступают как отношения между вещами-товарами, а движение товаров определяется законом стоимости, то ясно, что закон стоимости играет роль основного экономического закона товарного производства.

Вместе с тем закон стоимости является исходным пунктом и основой для развития всех остальных законов буржуазного общества. На эту сторону особое внимание обращал К. Маркс. Известно, что он назвал «экономической клеточкой» буржуазного общества «товарную форму продуктов труда или форму стоимости товара». Из неё он выводит всю систему законов и отношений капитализма. В чем сущность товара с политико-экономической точки зрения? В том, что продукт становится носителем стоимости, и его движение регулируется законом стоимости. Поэтому Маркс не случайно, называя экономической клеточкой «товарную форму продукта труда», счёл необходимым добавить «или форму стоимости товара».

Маркс видел заслугу Д. Рикардо в том, что он взял за основу анатомии и физиологии буржуазного общества закон стоимости.

«Но, наконец, среди них появляется Рикардо и кричит науке: «Стой!» Основа, исходный пункт для физиологии буржуазной системы — для понимания её внутренней органической связи и её жизненного процесса — есть определение *стоимости рабочим временем*. Из этого Рикардо исходит и заставляет затем науку оставить прежнюю рутину и дать себе отчёт в том, насколько остальные категории, развиваемые и выдвигаемые ею, — отношения производства и обмена, — соответствуют или противоречат этой основе, этому исходному пункту»⁸³.

Маркс очень высоко ценил этот подход Рикардо, отметив, что он вызывает «теоретическое наслаждение». «Отсюда, — пишет Маркс, — то высокое теоретическое наслаждение, которое доставляют эти две первые главы, так как они кратко и сжато дают критику старых представлений, растекавшихся вширь и заводивших в тупики, и изображают всю буржуазную экономическую систему как подчинённую одному основному закону, выделяя и концентрируя самое существенное в разрозненных и многообразных явлениях»⁸⁴.

В работе «К критике политической экономии» Маркс отметил заслугу американского экономиста Б. Франклина в том, что он дал «тривиально ясный анализ меновой стоимости, сводящий её к рабочему времени», и тем самым

⁸² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 324.

⁸³ К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, ч. II. Госполитиздат, М., 1957, стр. 159–160.

⁸⁴ Там же, стр. 163.

«сформулировал основной закон современной политической экономии»⁸⁵.

Сам Маркс в «Капитале» начинает исследование законов капиталистического способа производства с ана[# 164]лиза товара и стоимости. Товар рассматривается им как первая форма бытия стоимости. Затем Маркс показывает, как эта первая форма неизбежно требует другой, более сложной — денег. На основе денег и превращения в товар рабочей силы развивается капитал, который Маркс характеризует как «стоимость, приносящую прибавочную стоимость». Последующие категории — зарплата, прибыль, рента — это различные стоимостные формы. Вся система категорий буржуазного общества — это система стоимостных категорий, развивавшихся из одного общего исходного пункта — товара, как первой формы бытия стоимости. Следовательно, закон стоимости у Маркса играет роль исходного пункта и основы для развития всех последующих стоимостных категорий и законов, управляющих их развитием.

В работе «Анти-Дюринг» Энгельс писал: «Понятие стоимости является наиболее общим и потому всеобъемлющим выражением экономических условий товарного производства. В понятии стоимости содержатся поэтому в зародыше не только деньги, но и всё более развитые формы товарного производства и товарного обмена... В форме стоимости продуктов уже содержится в зародыше вся капиталистическая форма производства, противоположность между капиталистами и наёмными рабочими, промышленная резервная армия, кризисы»⁸⁶.

Приведённые цитаты не оставляют сомнений в том, что классики марксизма-ленинизма, называя закон стоимости основным законом товарного производства, имели в виду, во-первых, то, что он является исходным пунктом и основой для развития других законов и отношений, а во-вторых, то, что он выражает наиболее глубокую сущность товарного производства и определяет все главные направления его развития. [# 165]

Заключение

Целый век отделяет нас от исторического периода, когда Маркс создал свою теорию товара и стоимости. Много изменений произошло в жизни народов на земном шаре, но центральные положения этой теории остались неизменными и сохраняют своё значение для всех стран, в которых господствует или развивается капиталистический способ производства. Ими руководствуются коммунистические и рабочие партии в своей повседневной политической и идеологической борьбе.

Маркс не ставил своей задачей описать все конкретные формы проявления товара и стоимости в различных странах и на разных этапах исторического развития. Он видел главную цель в том, чтобы раскрыть внутренние законы развития товарного производства. И эта цель была достигнута. Исторический опыт дал примеры отдельных особенностей развития товарного производства в тех или иных странах, но он не отверг ни одного из законов товарного производства, открытых Марксом. Подлинная наука тем и отличается от мнимой, что она не скользит по поверхности явлений, не занимается коллекционированием фактов, а вскрывает самую глубокую их сущность и в силу этого приобретает огромное практическое значение. Этим объясняется широкое распространение марксистского мировоззрения на всем земном шаре в наши дни. Усилия буржуазных и ревизионистских идеологов сдать марксизм в архив истории разбиваются самой жизнью, которая даёт всё новые и новые подтверждения правильности марксистской теории. [# 166]

Мы рассмотрели учение Маркса о товаре и стоимости в пределах простого товарного производства. Наиболее типичными простыми товаропроизводителями являются крестьянство в деревне и мелкие производители, ремесленники в городах. Почти во всех капиталистических странах они составляют значительную часть населения, а в странах с неразвитым капитализмом — большинство. Вопрос об отношении коммунистических и рабочих партий к мелким товаропроизводителям является одним из важнейших вопросов стратегии и тактики классовой борьбы пролетариата. Он был поставлен на повестку дня с возникновением марксистских партий и с тех пор не снимается, ибо речь идёт о союзниках пролетариата в его борьбе за мир, демократию и социализм.

В решении этого вопроса важную роль играет марксистская теория законов развития простого товарного производства. Посмотрим на отдельных примерах, как она применяется на практике.

В 80–90-е годы XIX века в России развернулась ожесточённая идейная и политическая борьба между зарождающейся марксистской партией и народничеством. В числе многих вопросов, по которым шла борьба, был вопрос и о том, какой класс может выступить в качестве борца за социализм. Народники считали этой общественной силой крестьянство. По их мнению, оно составляет большинство населения; в условиях сохранения общины оно ещё не пропиталось частнобуржуазными интересами, является «социалистом по инстинкту», полно ненависти к эксплуататорскому режиму, а потому и должно выступать в качестве главной силы, борющейся за социализм. Народники полагали, что крестьянство — это наиболее массовый носитель и активный борец за осуществление социалистических идеалов. Рабочий же класс, по их мнению, очень малочислен, да и по своему происхождению это бывший крестьянин.

⁸⁵К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 42.

⁸⁶К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 322.

В. И. Ленин, опираясь на марксову теорию развития законов простого товарного производства и глубокий анализ огромного количества фактов современной ему действительности, до конца разгромил эту народническую установку.

Он доказал, прежде всего, что русская община, кото[# 167]рую народники рассматривали как «социалистическую ячейку», находится в стадии глубочайшего разложения. Крестьянство всё более втягивается в рыночные отношения, становится товаропроизводителем, а его психология и политическая линия всецело определяются его экономическими интересами как мелкого товаропроизводителя.

Крестьянин, вовлекающийся в товарное производство, тяготится феодальными пережитками, которые сковывают его хозяйственную самостоятельность, не дают возможности производить то, что он хочет, продавать, где хочет, когда хочет, в соответствии с рыночной конъюнктурой. Он стремится к тому, чтобы сбросить с себя феодальные оковы, с этой точки зрения, решительно выступает против самодержавно-крепостнического строя, за демократические преобразования. К этому стремятся не только разбогатевшие кулаки, но и середняки и бедняки, желающие улучшить своё положение. Все слои крестьянства могут выступить против царского самодержавия. Поэтому в борьбе против царизма и пережитков феодализма пролетариат может опираться на крестьянство в целом, как революционную силу, борющуюся за буржуазно-демократические преобразования. В. И. Ленин назвал русское крестьянство того времени «радикальным буржуа».

Но значит ли это, что всё крестьянство поддержит пролетариат и в его борьбе за социализм?

Крестьянство, став товаропроизводителем, неизбежно подвергается дифференциации и расслоению. Оно не представляет собой чего-то однородного, одинаково мыслящего. Разбогатевшая верхушка начинает применять наёмный труд и по своим интересам смыкается с буржуазией. Она не может выступать союзником пролетариата в борьбе за социализм, напротив, становится союзником городской буржуазии и противником социализма.

Средняя часть крестьянства в силу своего неустойчивого экономического положения может тяготеть как к буржуазии, так и к пролетариату. У середняка две души — душа собственника, мечтающего пробиться в буржуа, и душа труженика, который подвергается эксплуатации и в любой момент может оказаться в числе пролетариев. [# 168]

Прочным союзником пролетариата в борьбе за социализм может быть только сельский пролетариат и полупролетариат — батраки, бедняки.

Если в буржуазно-демократической революции пролетариат может рассчитывать на революционные действия всего крестьянства, то в социалистической революции положение меняется. Миф народников о том, что крестьянство является «социалистом по инстинкту» был развеян на основе марксовой теории товарного производства.

Глубочайшие политические характеристики крестьянства и мелких товаропроизводителей города и деревни, полученные на основе теории К. Маркса, и сейчас используются всеми коммунистическими и рабочими партиями в их практической деятельности.

В условиях современного монополистического капитализма мелкие товаропроизводители города и деревни страдают прежде всего от господства монополий, которые эксплуатируют их, ставят на грань разорения. Монополии мешают развернуть им свою хозяйственную деятельность. Поэтому на современном этапе в борьбе против монополий мелкие товаропроизводители города и деревни могут быть самыми активными союзниками рабочего класса за демократию и мир.

В Программе КПСС записано:

«Главный враг рабочего класса — капиталистические монополии. Это также главный враг крестьянства, ремесленников и других мелких собственников города, большинства служащих и интеллигенции и даже части средних капиталистов.

Основной удар рабочий класс направляет против капиталистических монополий. В ликвидации всевластия монополий кровно заинтересованы все основные слои нации. Это позволяет соединить все демократические движения, выступающие против гнёта финансовой олигархии, в один могучий, антимонаполистический поток»⁸⁷.

Огромную роль играет теория товара и стоимости Маркса в современной борьбе двух идеологий.

Буржуазные апологеты рисуют современный капиталистический мир как царство «свободы», в котором [# 169] каждый может делать то, что ему хочется, развивать все свои способности по собственному усмотрению. Прикрываясь формально-юридическими свободами, они пытаются замаскировать глубокое социальное неравенство, хищническую эксплуатацию трудящихся, господствующие в современном капиталистическом мире.

⁸⁷ Программа КПСС. Госполитиздат, М., 1961, стр. 37.

Марксова теория товара и стоимости наносит сокрушительный удар по этим выдумкам, разоблачая их в самом исходном пункте. Товарная форма продуктов труда и сегодня остаётся экономической клеточкой буржуазного общества. На ней покоятся все остальные, более сложные отношения. Отсюда неизбежно следует вывод, что при такой форме связи между людьми формально-юридическое равенство не спасает людей от роста социального и экономического неравенства. Напротив, этот процесс неизбежно развёртывается в силу открытых Марксом внутренних законов развития товарного производства.

«Буржуазный строй родился с заманчивыми лозунгами — свобода, равенство и братство. Но эти лозунги буржуазия использовала лишь для того, чтобы оттеснить феодальную знать, прийти к власти. Вместо равенства образовалась новая глубочайшая пропасть социального и экономического неравенства. Не братство, а ожесточённая классовая борьба царит в буржуазном обществе»⁸⁸.

Марксова теория товара и стоимости, раскрывающая процесс становления капитализма и показывающая в зародышевой форме все основные противоречия буржуазного общества, воспитывает у трудящихся масс научное понимание происходящих в капиталистическом мире процессов, ставит их на единственно правильный путь революционной борьбы за свержение капитализма и переход к социалистическому общественному строю. [# 170]

Тематический план 1964 г. № 80 Редактор Т. М. Маслова Технический редактор К. С. Чистякова Обложка художника А. А. Симацкого

Корректор Л. С. Гришаева

Сдано в набор 28.XII 1963 г. Подписано к печати 12.VI 1964 г. Л111471. Формат 84 X 108/32. Физ. печ. л. 5,375. Усл. печ. л. 9,03. Уч.-изд. л. 9,25. Изд. № 566. Заказ 881. Тираж 4500. Цена 55 к.

Типография Изд-ва МГУ (филиал). Москва, проспект Маркса, 20

⁸⁸Программа КПСС, стр. 33.